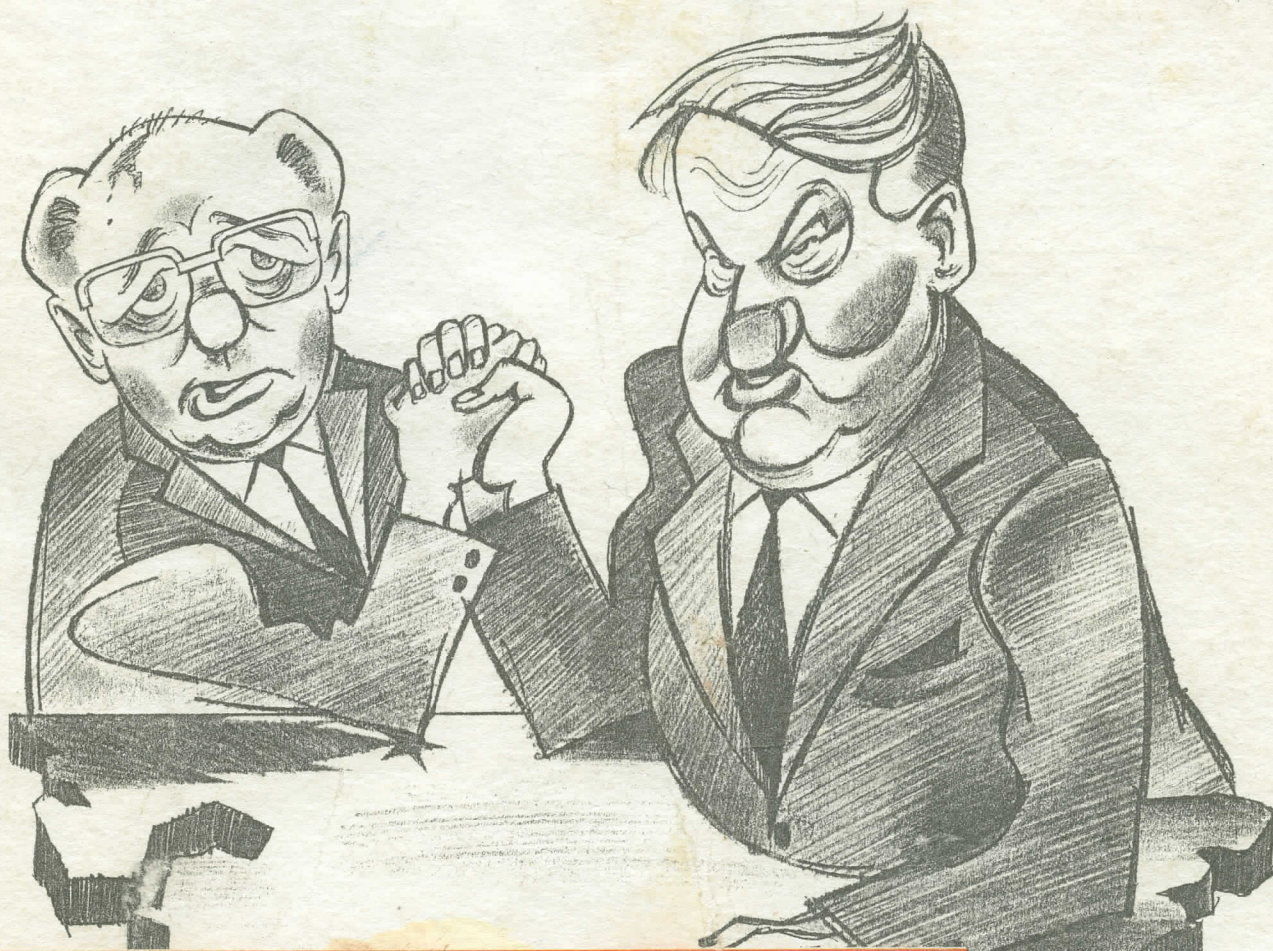

СТОЛИЦА

ВЛАСТЬ ПРИ БЕЗВЛАСТИИ.

В СЕТЯХ ЗАКОНА О НАЛОГАХ.

НАС ИЩЕТ МИЛИЦИЯ...

*Памяти
Александра
МЕНЯ*

Не думал я, что ТАК буду прощаться с ним. И ТАК вспоминать о нем. В тоске и ужасе — о том, кого потеряли, как потеряли и что все это означает.

Теперь не поправить. Пусть хоть эти несколько штрихов влетутся в посмертный венок Александру Меню.

Не помню уже в деталях наш с ним первый разговор при знакомстве — двадцать с лишним лет назад было, да и в многолюдье.

Уже начиналось тогда к нему паломничество на станцию «Семхоз» — меня к нему в эту даль, в деревянный дом, прячущийся в зелени, привели тогда друзья в числе очередной группы собеседников. Все было мне странно: и дом, скрывшийся в зелени, и загородная даль, куда мы добирались электричкой, и цель поездки — побеседовать. Более же всего поражал сам факт: что вот мой ровесник, относительно молодой еще человек, прошедший, должно быть, всеми пионерскими путями нашего детства, — священник. Надо же учесть, что на дворе стоял 1967 год, и хоть зачитывались мы уже Шестовым и Бердяевым (в самиздате), но до нынешней государственной реабилитации христианства было безнадежно далеко, а церковь и подавно мне, прочному потомственному атеисту, казалась чем-то ирреальным. А тут — священник, одного со мной поколения, одного корня и, как я почувствовал в ходе беседы, одного направления мыслей. Разговор шел на общеполитологические темы (мы читали тогда приблизительно одни и те же книги) и лишь изредка касался церковных и богословских тем, чего я, надо сказать, пугался. Я опасался той грани, которая нас должна была разделять, — боялся его задеть.

Я и потом четверть века наших отношений избегал этой грани касаться. Никогда не обращался к нему, как принято обращаться к священнику: не мог выговорить ни «отец Александр», ни «батьюшка». Боялся фальши тона. Я звал его только «Александр Владимирович», но и так, обходя сан, все-таки опасался его задеть. Все мы были дети разорванного времени.

Впрочем, наши последующие встречи и не были частыми. Мы читали друг друга, но встречались редко. Я бывал на его лекциях и проповедях, реже — на службах; меня смущала — особенно в последнее время, когда православие стало уже и модой, — многолюдная множась паства вокруг него; я чувствовал, что мне трудно вписаться в этот круг, и мы общались изредка, как бы переглядываясь через черту, иногда перекидываясь записочками при посылке друг другу книг, иногда парой слов при встрече. Все-таки меня по-прежнему тревожила конфессиональная грань. Вернее, я боялся, что она встревожит его. Там, за той гранью, я чувствовал близость ценностей, общность духа, даже родственность. И все же я помнил, что мы шли к этой точке с разных концов, и его путь был, по моим догадкам, неизмеримо трудней и опасней того, что я мог об этом знать.

Так, в ту первую встречу я, помнится, не избежал сказать ему что-то на эту тему. Признался, что я атеист и человек нецерковный. Я видел, что с ним нельзя выдержать ни двойственного положения, ни двойственного тона. Не помню, как я это сказал, но помню тем-словно, как он ответил.

Одной фразой, с улыбкой:

— Ничего. Наши перегородки не доходят до неба.

Меня потрясла даже не фраза (кажется, и не его, он кого-то процитировал, сослался, не помню). Меня потрясли улыбка и спокойный прямой взгляд мне в глаза. Спокойствие, подкрепленное откуда-то из глубины.

Обезоруживающая светлая сила была в этом человеке. Он спокойно переступал барьеры. Без страха и без вызова — просто по праву жизненной уверенности. Он и вне религии, и внутри нее как бы не замечал барьеров.

Он был настоящий экуменист. Он видел умное и доброе в протестантизме и в католичестве, оставаясь при этом деятельным и, я бы сказал, прирожденным практическим миссионером православия. Наверное, он раздражал фундаменталистов по ту и по эту сторону церковной ограды. За что, я думаю, и расплатился.

Ни сломить его дух, ни сбить, ни испугать оказалось невозможно: он был слишком естествен в своем христианском универсализме. Он не избличал своих оппонентов, потенциальных или явных. Он им колол глаза своим существованием. Его можно было остановить только тупо физически. Топором.

Убийство Александра Меня — факт страшный. Это вежа нашего одичания. Не только о нем, мученике, я думаю теперь: ему-то уже не больно, его душа теперь далеко. И в истории ему, его книгам, памяти о нем уготовано вечное место. Я думаю о его убийце, который прячется среди нас, желая остаться в безвестности. Он в безвестности и останется, даже когда его найдут. Только и останется от него: что вот этот убил Александра Меня, больше ничего. И как убивал-то: выследил, забрался в кусты около дома, сидел там и ждал, потом догнал, чтобы ударить сзади. Смесь палаческого профессионализма и воровской ловкости. Знал ли, кого убивает? Читал ли хоть строчку его, слышал ли хоть слово? Ведь, помимо всего другого (что вообще человека убил), — на кого руку поднял! На священника, который воскресным утром шел к ждавшему его людям!

Что же мы делаем, мы ведь не отмоемся.

Лев АННИНСКИЙ

Галина СТАРОВОЙТОВА — народный депутат СССР, народный депутат РСФСР. Кандидат исторических наук. В КПСС никогда не состояла. Член Межрегиональной депутатской группы.

Работала в Институте этнографии, затем в Центре по изучению национальных отношений Академии наук СССР, автор многих научных публикаций. После Сумгаитской трагедии Старовойтова направила армянскому народу письмо с выражением искреннего сочувствия и скорби. Письмо это зачитывалось на митингах, распространялось в списках. Спустя несколько месяцев тысячи ереванцев на выборах народных депутатов СССР отдали голоса Галине Старовойтовой.

Принимала активное участие в освобождении из тюрьмы Левона Тер-Петросяна, проведшего девять месяцев в следственном изоляторе КГБ (позже был избран Председателем Верховного Совета Армянской ССР), и депутата Верховного Совета Армении Аркадия Манучарова.

фото Ф. Титова

Галина СТАРОВОЙТОВА

Советская власть — безвластие Советов?

ЧЕСТНО говоря, были опасения, что нынешняя сессия Верховного Совета СССР не соберет необходимого кворума — настолько неясны сейчас функции союзного парламента в условиях роста суверенитета республик... Тем более четкого определения требует и позиция демократических сил в этом парламенте в нынешней непредсказуемой ситуации, их отношение к выдвигаемым повсеместно требованиям отставки правительства Н. И. Рыжкова, переизбрания Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, проведения военной реформы, деполи-

тизации правоохранительных органов, к росту антикоммунистических настроений в стране и т. д.

Несколько месяцев назад члены Межрегиональной депутатской группы, в том числе и я, выдвинули требование досрочных парламентских выборов. Мы были готовы идти на риск, хотя мандаты народных депутатов получены нами в нелегкой борьбе. Все понимали, что огромный разрыв, который образовался между нашим обществом и его неверным отражением на Съезде и в Верховном Совете, может привести к печальным последстви-

ям, вызвать неконтролируемое развитие событий, подорвать веру людей в возможность конституционных реформ.

Но сегодня я уже не настаиваю так, как раньше, на этих требованиях. Все-таки нынешний парламент — это единственная выборная структура из всех общесоюзных органов власти, которые мы имеем. Конечно, выборы были несвободными, происходили в условиях действия старого избирательного закона, когда негодные кандидаты отсеивались окружными собраниями, треть депутатов была назначена общественными организациями, а Верховный Совет выбран непрямым путем из числа избранных на Съезд. И при всем том нынешний парламент — орган представительной демократии, члены которого худо-бедно, но выбирались.

В условиях же, когда одна власть будет отменена, а другая — еще не выбрана, возрастет угроза правого, военного переворота. Тем более, что некоторые наши генералы недвусмысленно заявили в летние месяцы о своей готовности противостоять конституционно избранным органам власти и настаивать на внедрении в жизнь своей концепции социализма даже при помощи военной силы.

Мы не должны сбрасывать со счетов и существование невыборных властных структур, роль которых достаточно велика. Прежде всего, это Политбюро ЦК КПСС. Конечно, статья 6 в Конституции СССР изменена, но партия коммунистов вовсе не отдала власть, она постоянно, в самых разных формах, подчеркивает свои приоритетные права. Приведу пример, который говорит сам за себя. Кому ложится на стол оперативная сводка КГБ и МВД в Москве и Ленинграде? Во все не Попову и Собчаку — новым председателям Советов, а первым секретарям горкомов партии, Прокофьеву и Гидаспову... Это говорит о том, что КГБ, как и прежде, остается «вооруженным отрядом» КПСС и готов защищать ее интересы. Ведь не предоставляет же он никаких данных, скажем, лидерам социал-демократической партии! Так что Политбюро и КПСС в целом пока рано сбрасывать со счетов как властную структуру. И если раньше Политбюро хотя бы формально выбиралось ЦК КПСС, то теперь большинство его членов — по должности — составляют первые секретари ЦК компартий союзных республик.

Затем другой орган власти, который начинает играть все более важную роль в жизни страны, — Президентский совет. Его члены прямо назначаются Президентом. Функции этого органа до сих пор неясны, принципы подбора его членов — тоже. Вероятно, роль Президентского совета велика при выработке Указов самого Президента, но, как отмечалось в Верховном Совете СССР, многие из них грешат юридической неграмотностью.

Учитывая все это, демократические силы, на мой взгляд, не должны настаивать на лозунге новых выборов в парламент, а использовать те возможности, которые еще остаются за Верховным Советом, даже союзным, не говоря уже о российском и парламентах других республик. Нельзя не замечать, что повсеместно усиливается разочарование деятельностью Советов. Этот процесс подогревается определенными силами.

Конечно, жизнь меняется не так быстро, как хотелось бы. Люди раздражены: во время хлебного, табачного и прочих дефицитов на экранах телевизоров идут бесконечные словопрения. Замечу, кстати, что наше Гостелерадио так «умело» подает парламентские дебаты, что даже самые политически заинтересованные, социально активные люди вполне могут устать и даже уснуть у телевизоров. Поэтому демократические силы должны сейчас не упускать инициативу, не плестись в хвосте событий, а действовать решительно и целенаправленно.

Кстати, 8–9 сентября состоялось очень важное заседание Межрегиональной депутатской группы. На нем была предложена альтернативная повестка дня сессии Верховного Совета СССР (ее изложил Анатолий Александрович Собчак), и, что самое интересное, фактически она была принята с небольшими исключениями на заседании согласительной комиссии... Сейчас мы чувствуем со стороны многих депутатов иное, чем раньше, отношение к МДГ. Люди видят, что наши предсказания, в том числе и пессимистические, постоянно сбываются.

Но изменения в общественном сознании за последнее время не исчерпываются только этим. После того как КПСС окончательно исчерпала свои возможности, не реализовала свой исторический шанс на XXVIII съезде, заявило о себе и с каждым днем набирает силу такое движение, которое ранее существовало только на Западе. Я имею в виду антикоммунизм. Это слово не является более ругательным, оно обозначает реальное течение общественной мысли. Нам, демократически настроенным депутатам, предстоит выработать свое отношение к этому течению.

Что тут скажешь? Беда в том, что ни партия, ни КГБ, вопреки призывам некоторых делегатов XXVIII съезда КПСС, не пошли на покаяние, не попросили прощения за массовый геноцид против народа. И это после пяти лет перестройки, той самой перестройки, которая началась с фильма «Покаяние» Абуладзе! Но ведь если нет покаяния — значит, не исключена месть. Мы должны сдерживать темное чувство мести, которое не облагораживает никакой народ. Нам не следует идти по тому пути, по которому пошли некоторые государства Восточной Европы, только освобождаясь от наследия тоталитарного режима. Сейчас «Эмнести интернэшнл» задыхается от множества жалоб, просьб о защите со стороны бывших коммунистов.

Не думаю, что рядовые члены партии, которые имели убеждения, должны нести такое наказание. Другое дело — лидеры массового, социально избирательного геноцида. Я не призываю сейчас к их преследованиям. Но надо во всеуслышание назвать имена преступников, заклеить их позором, чтоб другим было неповодно заниматься такими действиями. Но, повторяю, мы должны избежать мести.

Здесь важно учитывать еще одно обстоятельство. Недавно я спросила одного из помощников Вацлава Гавела: какой процент жителей этой страны, по данным архивов ЧСФР, сотрудничали со спецслужбами Чехословакии? Он ответил: два процента. Мы мо-

жем провести экстраполяцию и допустить, что в нашей стране процент сотрудничающих с КГБ, вероятно, был не меньше. Если бы мы сегодня получили возможность обнародовать все эти имена, то оказалось бы, что друзья писали на нас доносы, наши мужья, жены, наши любовники и любовницы, наши родственники были к этому причастны. Общество могло бы ужаснуться...

Я не уверена, что нам следует обнародовать эти данные, даже если они станут нам доступны. Важно помнить еще и о том, что если раньше диссиденты, инакомыслящие могли куда-то эмигрировать, то лидеры КПСС и работники КГБ никому не нужны, им куда деться из нашего общества. Эти люди обречены и дальше жить среди нас, они загнаны в угол. Именно это может вызвать их жестокое сопротивление. Ведь когда крысу загоняют в угол, она становится особенно агрессивной. Так надо ли загонять в угол? Убеждена: нам надо проявить определенные умеренность и здравый смысл при всей бескомпромиссности моральных оценок.

Раньше мы не думали о власти, потому что никогда не рвались к ней хотя нас постоянно в этом упрекали. Депутаты-демократы всего лишь хотели быть выразителями интересов своих избирателей. Но жизнь объективно подводит нас к тому, что мы должны менять свою жизнь, квалификацию еще в большей степени, чем это входило в наши планы, когда мы становились народными депутатами.

Я восхищаюсь теми умными и энергичными ребятами, которые согласились войти в кабинет Силаева. Но иногда мне становится страшно за них. Ведь министерский пост — это высокая степень несвободы. Мы, депутаты, и сегодня не принадлежим сами себе, спим нередко 3–4 часа в сутки, работаем, как правило, без выходных. Но у министра задача еще труднее. Если он хочет четко и ответственно делать свое дело, разгребать те завалы, которые накопились за 70 лет, то он лишается не только индивидуальной свободы, но и возможности подумать о стратегии, оптимальных методах работы. Демократам надо иметь в виду и то, что программа Шаталина-Явлинского не предполагает такой структуры, как Совет Министров в его нынешнем виде. Она предусматривает скорее некий межреспубликанский координационный экономический комитет или совет.

... Далее я хотела бы обратить самое пристальное внимание на то, что сейчас происходит в армии, на непопустительное затягивание военной реформы. Дело не только в гибели в мирное время тысяч наших сыновей (хотя уже одно это ужасно само по себе), но и в моральном разложении армии, идеологическом обольщении солдат, односторонней подаче информации со стороны командного состава. Короче говоря, речь идет о всей военной политике, требующей коренных изменений.

Пока же изменения происходят косметические. Например, недавно, согласно приказу Президента, было реформировано Главное политическое управление армии. Генерала Лизичева сменил генерал Шляга. Если раньше Главпул был на правах одного из отделов

ЦК КПСС, то сегодня очень многих деятелей партийной номенклатуры просто пересаживают в структуры полторганов армии. Пока мы и близко не подошли к деполитизации Вооруженных Сил. Очень наивно утверждал один из военных депутатов на I Съезде народных депутатов СССР, что во многих западных странах-де армия тоже очень политизирована. Он просто слутал воспитание патриотизма, готовность служить своему государству и своему народу с той политобработкой на основе доктрины одной партии, что присуща нашей армии.

Недавно я в очередной раз побывала в Нагорном Карабахе и была там фактически арестована. Хотя это и не было объявлено арестом, но меня более четырех часов держали под дулами автоматов в замкнутом помещении, не позволяя оттуда выйти. Задержали на том основании, что у меня нет степанакертской прописки, а в зоне чрезвычайного положения, по приказу министра юстиции Азербайджанской ССР Оруджева, нельзя ездить даже народным депутатам СССР. Но министр юстиции превысил свою компетенцию, издав такой приказ, ведь народные депутаты СССР, согласно своему статусу, имеют право перемещаться без ограничения на всей территории страны... Карабах же я посетила согласно решению парламентов России и Армении, обеспеченных массовыми нарушениями прав человека в этом регионе.

Так вот, в Карабахе высокопоставленный политработник размещенных там внутренних войск показал мне материалы, на основе которых он ведет пропаганду и политработу среди личного состава. На мой взгляд, материалы эти должны воспитывать просто нена-

висть к коренному населению у тех 18-летних мальчишек, которые стоят на жаре в тяжелых бронешлесах и плохо понимают, для чего они здесь, кого от кого защищают.

Нельзя пройти мимо высказываний некоторых генералов и по вопросам внешней политики. Недавно один из них, В. П. Никитюк, отвечая Е. Г. Боннэр, заявил ничтоже сумняшеся, что СССР поставлял оружие Ираку потому, что поддерживал его борьбу за независимость и отражение израильской агрессии. Ни один из этих фактов не имел места, и Елена Георгиевна убедительно показала это в своем письме в редакцию «Известий» (опубликовано 21 августа 1990 г.). Со своей стороны я хочу задать вопрос маршалу Язову: не является ли сохранение в Ираке советских военных советников косвенным пособничеством агрессору? Если наши советники действительно, как говорят, только обслуживали военную технику, даже если они лишь завинчивали гайки на танках, которые шли в бой, — разве это не косвенное участие в агрессии? Не пришло ли время денонсировать Договор о дружбе и сотрудничестве с Ираком, заключенный в 1982 году?

Можно поставить вопрос шире: кто является автором региональной военной доктрины на Ближнем Востоке, какая инстанция ее выработывает: Генштаб, Политбюро, партийные или военные структуры, какие ценности, приоритеты превалировали при ее разработке? Наконец, кто авторы общей военной доктрины, благодаря которой мы транжирим национальное богатство, поддерживая такие диктаторские режимы, как режим Ф. Кастро на Кубе, или одиозных деятелей типа М. Каддафи в Ливии?

До сих пор Верховный Совет СССР — этот единственный выборный орган из тех, что управляют сейчас страной, — не имеет возможности контролировать важнейшие вопросы внутренней и внешней политики. К перечисленным выше можно еще добавить контроль над эмиссией денег и золотым запасом, а также процесс конверсии и вывода советских войск из Восточной Европы. Кстати, о последнем. Ко мне поступили сигналы моих избирателей, проживающих на Карельском перешейке, а также финских коллег о том, что именно в приграничной с Финляндией зоне, по отдельным данным, размещаются сейчас некоторые эти части, имеющие на вооружении тактическое и ядерное оружие. Так ли это на самом деле? Я сделала об этом запрос маршалу Язову, написав ему, что если данные сведения верны, то надо начать парламентское слушание по этому вопросу.

Ответа я не дождалась, так же, как, впрочем, и народные депутаты СССР Аркадий Мурашев и академик Юрий Рыжов, которые адресовали министру обороны вопрос: какую роль играли советские военные советники в Ираке накануне его вторжения в Кувейт и кто из наших генералов персонально участвовал в этой операции?

Маршал Язов не считает нужным отвечать народным депутатам. Видимо, потому, что уверен: над ним есть более высокая власть. Хотелось бы знать: что это за власть?

И если уж народные депутаты СССР еще не допущены до святой святых — власти в стране, то что можно сказать о депутатах местных Советов, о простом народе?

НАБЛЮДЕНИЯ

Не водитесь с Полозковым!

фото Б. Кремера

Знакомство с главой российских коммунистов Иваном Полозковым, похоже, становится компрометирующим фактом в глазах народных депутатов. Премьер Иван Силаев, представлявший на втором заседании сессии Верховного Совета РСФСР кандидатуру Юрия Скокова на пост своего первого заместителя, а затем и сам претендент были вынуждены давать парламенту объяснения по этому поводу. Выяснилось, что знакомство Скокова с Полозковым носит довольно невинный характер. Иван Силаев заявил, что полностью доверяет Скокову, и уверен, что тот справится со своими обязанностями. Все же у депутатов вызвало немалую озабоченность то обстоятельство, что подобные же чувства питает к претенденту и Полозков, предложивший ему высокий пост в аппарате РКП. Впрочем, Юрий Владимирович отказался. Успокаивая Верховный Совет, Руслан Хасбулатов, председательствовавший на заседании, воскликнул: «Мне тоже часто приходится видеться с Полозковым. Ну что же тут поделаешь!»

Большинством голосов Юрий Скоков был утвержден на должность. И все же будущим претендентам на посты, утверждаемые парламентом, придется, видимо, быть более разборчивыми в своих знакомствах.

Алексей ЗУЙЧЕНКО

В номере:

Памяти Александра Мена	1, 32
Галина СТАРОВОЙТОВА	Советская власть — безвластие Советов?	2
	«Московская автономная республика»? Вполне вероятно!	6
Александр МИНКИН	Советник	7
	<i>Одним Указом Президента возвращено гражданство Солженицыну, другим Указом — членом Президентского совета назначен человек, который Солженицына запрещал</i>	
Александр ИВАНОВ	Клок сена	10
	Пресс-мышеловка	11, 26, 63
	Кто плачет последним	13
	Заочное интервью с прибавлением комментария, которого могло бы и не быть, если бы встреча состоялась с глазу на глаз	15
Вячеслав БАСКОВ	Нас ищет милиция... ..	17
	Роль личности в табачной истории .. «Чеченская» группировка обезглавлена... ..	19 20
	Псалтирь и полусонник	
Сергей УШАНОВ	Налоговый детектив с тайнами и разоблачениями... ..	21
	«Валюта или жизнь!» Такой выбор встал перед многими советскими предприятиями	24
Вячеслав СЫСОЕВ	Чай с талоном ..	25
	«Разговор государственного инспектора с читателем»	27
	Выполнить последнюю волю	28
	На Родину нельзя обидеться	30
Владлен СИРОТКИН	Архивы: секреты остаются	34
Зинаида ГИППИУС	Черная книжка (продолжение)	36
	<i>«...это целое поколение русское, погибшее духовно и телесно. Счастье для тех, кто не выживет...»</i>	
Евгений ДОБРОВОЛЬСКИЙ	Уроки большой политики	41
	<i>«И вождь, и фюрер родились в неблагополучных семьях; оба были маленького роста, не шибко нравились женщинам и с детства стремились к славе людской».</i>	
	Покорение Америки Двух советских школьников выслали из США за кражу	46
Сергей ДОВЛАТОВ	«Соло на IBM»	48
	Диктатура по-иракски Кровавый спектакль с режиссурой Саддама Хусейна	50
Сергей КУРЕХИН Сергей ШОЛОХОВ	Не надо бояться антихриста	51
	Почему молчит министр связи?	54
Михаил ПОЗДНЯЕВ	Васнецов: нормальная антисоветчина	56
	Предчувствие кино	57
	Светская хроника	58
Анатолий РУБИНОВ	Шикарные женщины (окончание) ..	60
	После стены	64

СТОЛИЦА

Сентябрь, № 3

Москва 103051, Петровка, 22

Телефон: 928-23-49
Телекс 4011700 MALPEK
Телефакс 2002216 MALPEK
2002217 MALPEK

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Валерий КИЧИН
(зам. главного редактора)
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН
Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС
Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Мнения авторов не всегда совпадают
с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Столицу»
обязательна.

Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о рекламе звоните
по телефону:
928-83-40

Первая страница обложки — рисунок
Константина Валова

Вторая страница обложки — фото
Александра Поталова

Номер набран в типографии издательства
«Известия» с участием творческого
объединения «Интерпракс» советско-
американского фонда «Культурная
инициатива». Отпечатан в типографии
изд-ва «Г. П.»

Номер подписан в печать 27.09.90.
Тираж 300 000. Зак. 3963.

© «Столица», 1990.

«МОСКОВСКАЯ АВТОНОМНАЯ РЕСПУБЛИКА»?

Если считать, что хозяином Москвы стал наконец Моссовет, то ему для умелого и ответственного хозяйствования нужна одна бумага, без которой могучая энергия его руководителей никогда не получит на выходе достойного кпд. Бумага эта, именуемая проектом Закона о статусе Москвы, только скрепленная высокими подписями и печатями, станет самим Законом. А произойти это должно, по оптимистическим прогнозам, на 2-й сессии Верховного Совета РСФСР.

Пока, как водится, существует несколько альтернативных проектов Закона. Встретившись с секретарем комиссии при президиуме Моссовета по перспективному развитию Москвы Всеволодом БОРИСОВЫМ и членом аналогичной комиссии Мособлсовета Игорем АРТЮХОВЫМ, я поинтересовалась позицией комиссий городского и областного Советов. Оказалось, позиция в данном случае — общая. Вот она.

Быть столицей гигантского государства не только почетно, но и весьма накладно. Несметное количество министерств и ведомств, центральные партийные и профсоюзные органы, общественные организации с гипертрофированным управленческим аппаратом занимают массу комфортабельных строений в самых престижных районах. По существу весь исторический центр превратился в нежилую зону, а по социальному составу Москва скоро станет городом сплошных управленцев. Что характерно — стареющих управленцев. Многие периферийные руководители, выйдя после многотрудных государственных дел на пенсию, переселяются именно сюда: сказывается номенклатурная тяга к «центру», да и спокойнее вдали от тех мест, где вершили они свои дела.

Непомерно высока в столице концентрация промышленных предприятий, мало что дающих городу, но методично отравляющих его воздух и заваливающих Подмоскovie своими отходами. Заводам и фабрикам постоянно требуется сырье, а их продукцию, в свою очередь, надо вывозить. Для этого десятилетиями создавали сеть железных дорог, изобразивших город вдоль и поперек.

Да и Московская область давно стала промышленной зоной, что отнюдь не способствует

ВПОЛНЕ ВЕРОЯТНО!

ет развитию здесь сельского хозяйства. Многие жители области ежедневно проделывают многокилометровый путь на работу в Москву. Зеленые массивы Подмоскovie отступают под натиском свалок бытовых и строительных отходов.

ЭТИ И ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЕЛИ К НЕОБХОДИМОСТИ ОБЪЕДИНИТЬ МОСКВУ И ОБЛАСТЬ В ОДНУ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ ЕДИНИЦУ МОСКОВСКИЙ СТОЛИЧНЫЙ РЕГИОН.

Площадь его составит 47 тысяч квадратных километров, население — около 16 миллионов человек. Фактически получится целая республика, причем пятая по величине среди республик. Новый регион и будет претендовать на права, соответствующие правам автономной республики (за исключением права выхода из РСФСР и Советского Союза).

Что это значит? Собственные Верховный Совет и правительство, вся полнота власти на территории Московского столичного региона, возможность принимать свои законы, хозяйственная самостоятельность.

Никто не спорит — столица должна быть политическим, культурным, научным центром. Но земля, принадлежащая региону, обретет свою цену, так же, как весь жилой и нежилой фонд. Хотите руководить своей отраслью с Калининского проспекта? Будьте любезны, оплатите счет. Нужны склады, подъездные пути? Это обойдется вам в кругленькую сумму: стоимость земли плюс компенсация жителям близлежащих районов за романтику вагонного перестука. Желаете иметь рядом милых вашему сердцу пенсионеров, равно как и приезжих работников («лимит»)? Выкупите для них квартиры.

фото А. Соловьева

Жители города и области будут абсолютно уравнины в правах и снабжении. А когда сломается «прописной» барьер, немало любителей природы, видимо, захотят переселиться подальше от автомобильно-бетонного ада. Стоимость земли, жилья, прочих сооружений, естественно, будет различной: тем меньше, чем дальше от центра и чем ближе к границам региона.

Административно-территориальное деление, скорее всего, тоже изменится. Вместо нынешних районов (только в столице их сейчас 33), устроенных нелогично и нерационально, появятся обширные округа. Например, такие: в Москве — 1 центральный и 8 секторов по стрелке компаса: южный, юго-западный, западный и т. д. В области — около 20 округов.

Все это нужно понять правильно. Москва не стремится походить на хозяина, который мечтает побыстрее выпихнуть гостей за дверь. Столица рада гостям, даже в министерском ранге, но порядком устала от их диктата. Отныне она собирается строить все отношения на равноправной, договорной основе.

И еще столица учится считать народные деньги, чтобы использовать их с максимальной выгодой для своих жителей. Как всякий нормальный город или, если хотите, регион.

Не следует забывать, что все изложенное здесь — лишь один из альтернативных проектов. Возможно, будет иначе. Как? Увидим.

Елена АНАТОЛЬЕВА

Александр МИНКИН

**Почему он заседают?
Потому...**

Пушкин

**Ну как не порадеть
родному человечку?**
Грибоедов

фото Б. Кауфмана

СОВЕТНИК

В Президентском совете появился новый член — Медведев Вадим Андреевич. Это очень обрадовало. Вот случай, когда можно понять, кого и за что Президент СССР назначает членом Президентского совета. Других членов оценить затруднительно: экономисты, генералы, маршалы — крупные специалисты в своих областях, — профану невозможно разобраться в их достоинствах. Есть среди членов и писатели — ну, этих, видимо, за талант. Талант — дело тонкое, дело вкуса, о коем не спорят, тем паче — с Президентом.

С Медведевым проще. Он командовал идеологией, то есть производил слова. Это занятие нам хорошо знакомо, и, кажется, можно попробовать оценить главного идеолога нашей необъятной родины. Уточним: идеолог производит не какие попало слова, он производит идеи, философию. Но пугаться нечего — в данном случае сложного нет, ибо эти идеи и эта философия призваны руководить массами на их пути куда-то вперед. Чтобы массы могли жить и работать, руководствуясь идеями, они (массы) должны их (идеи) понимать. И даже если не вся советская масса хорошо понимала что к чему, то уж авангард этой массы — числом под двадцать

миллионов членов КПСС — должен был все понимать. А коли так — есть надежда, что и читателям «Столицы» кое-что будет ясно.

Примерно так я размышлял (стараясь не слишком поддаваться иронии) по дороге в большую (республиканскую) библиотеку. Представлялись бесчисленные труды: брошюры, сборники речей — толстые, в красных переплетах, — как у всех наших вождей. Вот морока — листать, читать, выписывать...

— Медведев? Рой? — уточнила библиотекарша.

— Нет, Вадим.

— Такого нет.

— Да вы что?! Член Политбюро! Секретарь ЦК!

— Ну не знаю, не знаю, сейчас поищем.

В ящичке каталога не было и полдюжины карточек «Медведев В. А.». Какой-то сборник «под общей редакцией», какой-то учебник по политэкономии «под редакцией Медведева и Абалкина»... А где идеи? где философские труды? Вот! — «Теоретические проблемы развитого социализма».

— Это дайте.

— Что вы! Это списано давно.

— Как? почему?

— Терминология непра-

вильная.

— Невозможно, чтоб ничего не было, — это же наш главный идеолог был до середины июля.

— Знаете, может, в Ленинском читальном зале найдется.

В этой библиотеке помимо нормального читального зала обнаружился еще и Ленинский. И там Медведев В. А. действительно нашелся: «Ленинизм и перестройка: за реализм и творчество» — 30 страниц, 10 копеек.

И это — всё.

Название хорошее, почти стихи. Полистал. «И крестьянские массы пошли навстречу большевикам». (Это не о тамбовских и других крестьянских восстаниях, это о любви народа к РКП(б).) «Ленин идет на тяжелый, по его выражению, «похабный» мир, чтобы...» «Любым попыткам разъединить наше общество КПСС противопоставляет конструктивный диалог... Она открыта как для внутренних дискуссий, так и... Но коммунисты знают: им есть что защищать, и защищать непреклонно. Это — наши социалистические ценности, наш социалистический выбор...» По-моему, мы все это уже где-то читали. «Ленинское понимание культуры поистине всеобъемлюще, глубоко нравственно и гуманистично. Оно охваты-

вает весь спектр отношений человека к миру, обществу, к самому себе: от овладения элементарной грамотой и бережной заботы о природе... до приобщения к самым высоким духовным ценностям». (Через высылку философов и расстрелы священников?)

Язык убогий.

«Мысли» из школьных учебников, один абзац противоречит другому.

Лишь раз взгляд зацепился за фразу: «Надо создать устойчивый спрос на смелость и принципиальность, на самостоятельность и организаторский талант». Может, оно и не так глупо, как кажется, но способ издания «спроса на смелость» автор утаил.

Что ж, нечего читать — нечего и цитировать. «Теоретические проблемы развитого социализма» (1980 г., 64 стр., 30 коп.) пошли в макулатуру, а теоретик пошел в гору. С 1984 — член-корреспондент АН СССР, с 1986 — член ЦК КПСС, с 1988 — член Политбюро и председатель Идеологической комиссии — с сентября 1988 (когда Лигачева перебросили с духовной пищи на телесную, на крестьян).

Вообще биографии вождей — интереснейшее чтение. Особенно интересна придуманная Плутар-

хом форма «сравнительных жизнеописаний» — «Александр и Цезарь», «Демосфен и Цицерон»...

Если взять официальные биографии наших главных идеологов, обнаружатся любопытные совпадения.

Суслов Михаил Андреевич родился в селе Шаховском.

Лигачев Егор Кузьмич родился в деревне Дубинкино.

Медведев Вадим Андреевич родился в деревне Мохоньково.

Такое впечатление, что в отличие от всех прочих идеологий и философий коммунистическую — двигают исключительно крестьянские дети — философы в первом поколении. Хотя духовный отец упомянутых идеологов — Жданов Андрей Александрович родился в Мариуполе (бывш. Жданов; пусть маленький, а все ж — город). Зато он (Жданов А. А.) дальше реального училища (ремеслуха по-нонешнему) не пошел — ему хватило и среднего образования, чтобы учить писателей, композиторов, биологов... Наследники его (Жданова А. А.), хоть и получали высшее образование, но к философии отношения имели косвенные.

Суслов М. А. — экономист.

Лигачев Е. К. — инженер.

Медведев В. А. — экономист.

Вероятно, на свежую, не забытую Кантими, Гегелями и Кьеркегорами голову легче думать о социалистическом лагере и коммунистическом распределении. Впрочем, если недоучившийся семинарист мог 30 лет двигать коммунистическую теорию куда попало, то экономистам сам бог велел.

Но быть молодцу не укор. В циркулярном «списании за неправильную терминологию» есть некая гуманная надклассовая справедливость. Списываем миллиарды рублей, вбуханные в бестолковые дырявые колхозы; списываем миллиарды, зарытые в повороты рек, утопленные на дне рукотворных морей, сгнившие и засохшие в бывшем Арале; списываем миллиарды, угроханные во все наши Чернобыли; списываем миллиарды, выброшенные на ветер — в безнадежные долги воинственным нищим Азии, Африки, Латинской Америки... почему же не списать десятки миллионов томов «неправильной терминологии»? Тоненькая брошюрка Медведева В. А. «Теор. проблемы разв. соц-ма» изрублена в лапшу вместе с толстенными томами Брежневца, Суслова, Андропова, Гришина, Черненко, Кунаева, Романова...

И если одни лежат в почете у Кремлевской стены, а другие нежатся на суперпенсиях — и все прощено, и все забыто, и о пенсионерах, как и о мертвых, — либо хорошо, либо ничего, — то почему же к Медведеву В. А. предъявлять какие-то особые претензии? Ведь теперь он говорит (а может быть, и думает) иначе, чем прежде.

Былое — списано. Забудем. Ведь мышление человека меняется. Все марксисты вам скажут: бытие определяет сознание. И с этим не поспоришь. У члена партии — одно сознание, у члена ЦК — другое, а у члена Политбюро — просто ничего общего. Ведь бытие меняется, да как! У члена ЦК персональная машина, а у члена Политбюро персональный самолет, персональные повара, персональная охрана... И когда главный идеолог едет по городу, глубоко задумавшись о благе народных масс в своем бронированном лимузине, — он даже не замечает, как одно его появление останавливает движение людей и машин. Жизнь останавливается, давая дорогу главному философу. Такие дела.

Встречаются, правда, люди, которые и до ссылки, и в ссылке, и после ссылки думают, говорят и поступают одинаково. Они, видимо, не понимают, как их независимое от бытия сознание глубоко оскорбляет марксистов. И в ссылку-то этих упрямыцев отправляют, чтобы не портить картину, не марали теорию, которая всеильна, потому что верна.

Былое — списано. Забудем. Забудем, что вчера Медведев В. А. был гонителем рынка. Ведь теперь он — «за». Теперь он считает, что «рынок, если отсесть от него спекулятивные извращения, — это одно из крупных достижений развития человеческой цивилизации»¹. Забудем, что еще вчера Медведев В. А., продолжая дело Суслова-Лигачева, запрещал печатать Солженицына и душил «Московские новости». Забудем, ведь случается же Откровение, и жестокий гонитель христиан Савл чудесно преображается в апостола Павла.

Только новый, преображенный

¹ Чем, каким инструментом «отсесть» спекуляцию от рынка — милицией с дубинками или армией с лопатками?

Если у жесточайшей тотальной власти 73 года не получалось «отсесть», что дает идеологу надежду теперь?

Медведев В. А. интересен и важен нам сегодня. И потому мы так внимательно читаем его речь на XXVIII съезде КПСС — речь главного идеолога, знающего, вероятно, о том, что завтра он — член Президентского совета (см. «Правда», 11 июля 1990 г.).

Оставим нападки на убогий язык (и Моисей был косноязычен). Не будем придираться и к тому, что Медведев В. А. часто сам не понимает, что говорит. Например: «...идеологический корабль, на который я вступил осенью 1988 года, сильно качало. Шатало и влево, и вправо, причем в отличие от обычного корабля качало одновременно и на левый, и на правый борт». Воображение отказывается представить «обычный корабль», качающийся на один борт. Но еще большая загадка — мышление Медведева В. А., искренне считающего, что, будучи зам. зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС с 1970 и ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС с 1978, он не вступал на идеологический корабль до 1988 года. Но это мелочи. Главное — чтоб человек был хороший.

И начинает он хорошо. «В былые времена, когда в идеологии царили лицемерие и ложь, застойность мысли, догматизм и узость мышления, было огромное расхождение слова и дела, бесстыдное ограничение гласности...» Прямо Робеспьер. Прямо как не о себе. Но минутой позже: «Мы все должны взяться за дело ограждения нашей культуры от разлагающих влияний... ежегодно подвергались уголовному наказанию 300–400 человек, главным образом лица, занимающиеся демонстрацией видеofilмов иностранного производства. А в 1989 году по этим статьям Уголовного кодекса уголовному наказанию подвергнуты 52 человека. Снижаем сами требовательность и не используем силу закона, хотя я считаю, что законодательные механизмы должны быть дополнены. На этот счет разработаны предложения Идеологической комиссии. Я считаю, что нужно создать общественно-государственный механизм нравственной защиты общества».

Дополнить УК новыми статьями — хороший рецепт выработала идеологическая комиссия. Сажать побольше — отличный рецепт. Когда всех безнравственных посадим — получим стопроцентно нравственные массы, занятые в основном охраной

безнравственных масс. Это и будет искомым механизм. Это и будет воплощение призыва «всем взяться за дело ограждения!» И после такого совета Президент берет Медведева В. А. в советчики?

Мы называем Жданова и Суслова душителями мысли, гонителями правды. Обязательно ли ждать перехода идеологов в лучший мир, чтобы открыто давать им такие характеристики?

Нет разницы между Ждановым, Сусловым и Медведевым. Мертвые считали (а теперешний считает), будто имеют право указывать всему народу, в том числе гениям, — что читать, что писать, что любить, что думать.

Почему же Жданов вызывал ужас, Суслов — опаску, а Медведев — презрение? Потому что слово Жданова — убивало, слово Суслова — кидало в психушку, вышвыривало за границу, а слово Медведева — бессильно. Карательные органы, наконец, отошли от занятий музыкой, литературой и прочими искусствами.

Жданов обладал дикой палаческой властью. Медведев В. А. — бессилён. Но разве от этого он лучше? Его бессилие не его заслуга. Медведев В. А. в 1940-е душил бы Зощенку и Шостаковича. Недоучка Жданов А. А. не вызывал бы сегодня ничего, кроме презрения.

«...никогда не изменю целям и идеалам перестройки» — клянется Медведев В. А., а через минуту наивно признается: «Предложения разработаны, мы просто их не вводили в действие, ожидая решений съезда». Понятно. Многие ждали — как повернется, но можно ли откровеннее признать себя политическим флюгером?

Вся речь Медведева В. А. — смесь угроз и заискивания, да и не без «ошибок». Так, Медведев В. А. гордо сообщает, что «принимал прямое и непосредственное участие в разработке всех теоретических и политических документов последнего времени. Кроме того, были личные публикации... в «Коммунисте», в том числе опубликованная принципиальная статья «К познанию социализма» (неразвитого. — А. М.) в конце 1988 года».

Делать нечего — пришлось проверить. Оказалось, нет никакой принципиальной статьи, а есть чрезвычайно рыхлое, невнятное интервью, в котором, несмотря на всю редактуру, такое количество благоглупостей, что и цитировать стыдно.

Можно было бы подумать, что неловкие противоречия возникают оттого, что выступления Медведева В. А. по кускам сочиняют разные люди. Но нет. Он утверждает: «...я не привык подписывать теоретические статьи, которые написаны чужими руками». Фраза темная. То ли «подписываю, но еще не привык», то ли намек на кого-то, кто не столь щепетилен.

Но главное, что поразило в речи воспитателя нравственности масс, — это его понимание совести.

Совесть упомянута Медведевым В. А. трижды. Один раз — это постулат: «...принципиальное значение имеет партийная и гражданская совесть...» Два других — о себе: «...никаких угрызений совести... я, товарищи, честно скажу, не испытываю» и «моя совесть чиста на 100 процентов».

Как объяснить философу Медведеву В. А., что ничего отвратительнее партийной совести нет на свете. Партийная совесть постоянно была чиста и у товарища Сталина, и у партайгеноссе Гитлера, и у всех их товарищей по партиям. Ведь и у эсэсовцев была чиста партийная совесть, а что им на это сказал Нюрнбергский трибунал, помните?

Вы, идеолог Медведев В. А., упомянули две совести: партийную и гражданскую. Не мало ли? Вы забыли совести мужскую, генеральскую, городскую, колхозную... Во все века беспартийные философы полагали, что совесть у человека одна — человеческая. Все остальные «совести» — суть ложь, подлость, лицемерие.

Когда главный идеолог партии, приведшей нас на край гибели, заявляет, что его совесть чиста, — он демонстрирует аморальность. Какая из его совестей чиста за академика Сахарова? за развитой социализм? за выбор Черненко? за запрет Солженицына? Идеологи сетуют на упадок общественной нравственности, то ли жульничая, то ли искренне не понимая, что это их лживые брошюры, их запреты честных книг, их «идеи», внушаемые с помощью «органов» и лопаток, — развратили народ. Но клановая совесть развратителей — чиста.

Интересен ли нам этот философ без книг, идеолог без идей, носитель девственно чистой партийной совести? Нет.

Зачем пишем о нем? — Затем, что нас волнует судьба страны. У нас есть Президент,

который, как умеет, тащит страну из позорного болота, куда ее затащили все эти Суслы-Медведевы. И когда этот Президент берет себе такого советника...

Верно говорят: скажи, кто твой друг, и я скажу — кто ты.

Говорят: друзей не выбирают. И это верно.

Но советников именно выбирают.

Что может посоветовать Вам, Михаил Сергеевич, этот новый советник? Увольте его, он дискредитирует Президентский совет.

Прислушайтесь к нашему совету, Михаил Сергеевич. Хотя наша совесть и не совсем чиста, но списанных брошюр за нами не числится.

Возможно, это недопустимая вольность: в финале публицистической заметки вдруг сбиться на открытое письмо. Но стоит ли без конца играть в прятки? Эта статья обращена не к читателям. Эта статья обращена к Президенту. К Вам, Михаил Сергеевич.

Мы очень волновались, когда шли выборы первого Президента СССР. Мы были очень рады, что Вас избрали, пусть не совсем конституционно. Мы понимали, что победа с результатом 59% — победа тяжелая, без запаса, без резервов. Победа более эмоций и тактики, чем реальной силы и надежной стратегии.

Политические иллюзии опасны. Будем реалистами. К сожалению, отнюдь не исключено, что Вы проиграли бы Ельцину на выборах в парламенте России. Что еще хуже — Вы почти наверняка проиграли бы Полозкову на выборах первого секретаря Российской КП. Слишком хорошо мы видели по ТВ, как — в тот момент, когда во всем мире правящие компартии умирают, доказав свои лживость, жестокость и полную неспособность дать народам обещанный рай, — у нас рождается новая коммунистическая партия. Слишком хорошо мы слышали, как оворожденная КП встречала овацией всякую, даже самую мелкую, даже самую глупую атаку на Вас и Вашу политику. Может быть, Вас несколько утешит, что там, где Вы проиграли бы Полозкову по очкам, Сахаров проиграл бы нокаутом.

Понимая — в час выбора Президента СССР — расстановку сил, важность момента и необходимость победы, мы старательно затыкали уши, когда Вы снова и снова упоминали о верности идеалам Октября, о социа-

листическом выборе, который в 1917-м кто-то сделал за нас с тем же правом, как в 1939-м за прибалтов.

Мы говорили себе: это политика, так надо. Ведь не одному же Ленину приходилось идти на «похабный мир» ради удержания власти. Слишком большая шла игра, слишком велика была ставка.

Вы выиграли. Мы радовались. Но недолго.

Многие, очень многие, Михаил Сергеевич, услышав состав Президентского совета, стискивали зубы и бормотали что-то неразборчивое. Сказать, что список членов вызвал тягостное недоумение, — ничего не сказать. Но опять — в который раз за эти пять с половиной лет — мы, смиряя разочарование, говорили себе: это политика, так надо. Мы понимали, что по счетам приходится платить, а кредиторов у Вас много: и православные, и мусульмане, и пролетарии, и военные, и в штатском...

Но когда сегодня Вы назначаете членом Президентского совета Медведева В. А. — мы не можем найти объяснений.

Бесцветная фигура, от которой никто никогда не слышал живого слова; вялый, унылый догматик, ни разу не проявивший себя как государственный деятель; чиновник, прославившийся лишь тем, что по приказу его ведомства с миллиона экзemplяров «Нового мира» содрали обложку с анонсом Солженицына. Это была первая открытая акция цензуры за все время гласности — акция глупая и позорная. Не менее позорной была и его общеизвестная борьба против закона о печати.

Одним президентским Указом Вы возвращаете Солженицыну гражданство. Другим президентским Указом — назначаете себе нового советчика, который, дискредитируя политику гласности, Солженицына запрещал.

Не умея найти политического объяснения назначению этой, казалось, отыгранной фигуры на оклад в 2100 (две тысячи сто) рублей в месяц, мы поневоле задумываемся: не пригтели ли попросту «своего человечка»? За наши деньги. Ведь член Президентского совета — не член Политбюро. Медведев В. А. теперь получает не из партийной кассы, а из нашего кармана.

Мы — налогоплательщики, стоящие в многочасовых очередях за молоком и за водкой, за мясом и сигаретами, а теперь и за хлебом, — мы содержим и

правительство, и Президента, и Президентский совет.

Мы — не съезд сытых функционеров. Отчитываясь перед нами, Медведеву В. А. не удастся заслужить одобрение рассказами, как он возвращал устойчивость однобортному кораблю.

Михаил Сергеевич, назначение Медведева В. А. членом Президентского совета вызывает одно, еще не забытое чувство. За время перестройки мы, кроме радости, испытывали и досаду, и гнев, и даже ярость. Но мы — слава Богу! — отвыкли испытывать чувство позора, чувство крошечного стыда перед собой, перед детьми и перед всем миром. Весь мир с брезгливой насмешкой смотрел на наших бездарных, увешанных звездами, тяжело больных маразматиков. Весь мир с презрением смотрел на нас — покорных подданных маразма. Думаю, чувство стыда и позора тогда приходилось испытывать и Вам.

Вы не можете дать нам сытую, спокойную, счастливую жизнь. Ничего не поделаешь — слишком далеко зашло, слишком поздно спохватились. Нам предстоит еще многие, увы, неизбежные беды.

Но позора мы нахлебались по горло. Больше не хотим.

Александр
ИВАНОВ

КЛОК СЕНА

Фото А. Жижоняса

Н АКАНУНЕ открытия XXVIII съезда КПСС в газете «Советская Россия» было опубликовано письмо, подписанное так: «Б. Кривда, рабочий Азовского объединения «Донпрессмаш».

Одно место в письме особенно поразило и натолкнуло на грустные размышления.

«Среди нас, коммунистов, уже существует определенная группа людей, которые считают, что капитализм — это нормально, потому что там люди много едят и имеют много вещей. Мол, и Коммунистическая партия должна строить точно такое же общество. Я не могу сам себе ответить на этот вопрос: правильно это или неправильно. Надеюсь, он прозвучит на XXVIII съезде КПСС».

Прежде чем поразмышлять над этой цитатой, могу успокоить рабочего человека: коммунистическая партия «точно такое же общество» создать не способна. Потому что это значит — подписать самой себе смертный приговор.

Вы не поехали, читатель? Взрослый и в общем-то разумный, во всяком случае, думающий человек не в состоянии сам себе ответить на вопрос: что лучше — когда много еды или когда живешь впроголодь? когда много вещей или когда безуспешно рыщешь в поисках колготок, носков или сорочки? О видеомангитофонах и речи нет...

Но выход рабочий видит: вот соберется партийный съезд и даст ответ — как всегда мудрый и соответствующий никому, кажется, не отмененному лозунгу «все для блага человека, все во имя человека».

В недавние времена люди сумрачно шутили: «А мы даже знаем имя-отче-

ство этого человека...»

Такое признание, несмотря на очевидную искренность, ужасает. Человек признается, что он — баран. Что без пастуха с кнутом, без свирепых сторожевых овчарок он не знает, чего ему надо и куда топтать...

То, что я печатал последние год-два, публицистикой в полном смысле слова назвать трудно — не тот калибр. Это скорей наброски в публицистическом жанре. Однако один мой приятель, ознакомившись с некоторыми из моих попыток, сказал:

— Да ты, братец, антикоммунист!

И я задумался. Сколько людей, не верящих в коммунизм, заплатились годами несвободы, изгнанием; жизнью. И было это буквально вчера... Да и что можно иметь против коммунизма, ведь это в принципе что-то очень хорошее...

Несмотря на любовь ко всякой живности, у меня никогда не было лошади. Но я знаю, читал, что с этим прекрасным благородным животным можно сыграть злую шутку.

На веревке, привязанной к палке, висит клочок аппетитного сена. Все это сооружение закреплено так, что сено находится в нескольких сантиметрах от лошадиной морды.

Лошадь, естественно, хочет отведать лакомство и делает к нему шаг, другой, третий... Но сколько она ни идет, сено по-прежнему, хотя и имеет «зримые черты», ей недоступно.

Лошадь очень умна, но у нее не хватает разума понять, что ее просто обманывают, над ней издеваются, заставляя работать.

В моем представлении коммунизм — нечто вроде этой охапки сена. Несмотря

на страну леса, изведенную ради издания трудов по «научному коммунизму», толком так никто ничего и не сформулировал. Если предельно упрощенно, то коммунизм — это когда всё хорошо и всем хорошо. Полное благолепие! Одно условие: только трудись обществу и себе на радость — шаг, другой, третий... Очень уж хочется отведать соблазнительного снца...

В общем, нечто вроде царствия небесного. Но дальновидные служители культа еще никому не обещали рая на земле. Там, потом... Иди проверь! Поэтому к ним и претензий нет. Хочешь верь, хочешь не верь. Тем, кто верит, я, например, очень завидую. Счастливые они люди.

Маленькая деталь: в раю, кажется, работать не надо. На коммунизм — надо. Причем практически бесплатно.

Коммунистическая ориентация стоила нам дорого. Это надо уметь — установить такой порядок, при котором не хватает решительно всего: стройматериалов и шоколадных конфет, билетов на самолет и водки, бензина и гречки, бумаги и фруктов... Кому охота, продолжите... Зато все исчезает воистину по плану — одно за другим.

У нас создана уникальная система, при которой множество людей не работает и работать не хочет. А те, кто хотят, умышленно и целенаправленно ставятся в такие условия, что все у них идет прахом. А то и сами они идут в тюрьму.

И когда я слышу, что КПСС начала перестройку и, уж будьте уверены, доведет ее до победного конца, у меня есть все основания сомневаться.

Когда требуют привлечь компартию к ответу за всё, мне это представляется необходимым. Кто-то же виноват, в конце концов!! Кто? Руководители партии, видимо, считают, что виновато Всесоюзное общество филателистов...

Да, в этом смысле я, пожалуй, — антикоммунист.

Но партаппарат, изо всех сил цепляющийся за ускользающую власть, уже не страшен. Его время безвозвратно ушло.

Страшно другое — сознание, наивно продемонстрированное рабочим из Азова. Оно присуще десяткам миллионов наших сограждан. И если демократический процесс сломает себе шею, то именно натолкнувшись на это препятствие, как наталкивается лошадь на невидимую проволоку, натянутую невысоко от земли. Оно, это сознание, вбитое в наши бараньи головы, — самая главная вина коммунистической идеологии.

И когда я вновь и вновь вижу извораживающихся ужом партийных функционеров, когда я опять слышу бормотание о «социалистическом выборе и коммунистической перспективе», то со страхом понимаю: если так, то впереди — тупик, гибель.

Одна надежда — гордость и слава рабочего класса, шахтеры, кажется, уже разобрались с висящей перед носом охапкой душистого сена...

Важно, чтобы таких людей с каждым днем становилось все больше.

РАЙКОМ В ГНЕВЕ

«Мы требуем от Центрального Комитета перейти от позиции выжидания к наступательной, принимать конкретные решительные меры против тех, кто попирает наш социалистический выбор, наши духовные ценности».

(Из обращения участников IV пленума Булаевского райкома Компартии Казахстана Северо-Казахстанской области к Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза». «Правда», 29 августа 1990 г.)

ОТ РЕДАКЦИИ «СТОЛИЦЫ»

Все-таки демократизация в КПСС — налицо. Пленум далекого от Старой площади райкома не только выступает с публичным обращением к ЦК, но и категорически требует от него. Чего требует — другой вопрос. О каких «конкретных решительных мерах» против инакомыслящих речь? С работы их гнать? По этапу, привычными маршрутами? Или — еще решительнее? Было все это, то, что, кстати, в самом обращении скромно именуется «нарушением социалистической законности, авторитарно-бюрократическими извращениями». Конечно, 6-я статья Конституции отменена, слова «правовое государство» сейчас любой первоклассник выговорит. А Булаевский райком все сердчает, редакция «Правды», как сказано в небольшом послесловии, «разделяет тревогу авторов обращения».

И то — для чего-то ведь не выпускает КПСС правоохранительные органы из-под своего контроля? Но вот с решительными и конкретными мерами тянет, не переходит в наступление. Прямо не знаем, что и думать. И чего ждать.

НАСТИЛ

«Совместное предприятие «Литсан» производит набор на работу иногородних граждан с предоставлением жилья в благоустроенном общежитии с пропиской по лимиту».

(«Известия», 21 августа 1990 г.)

ОТ РЕДАКЦИИ «СТОЛИЦЫ»

МЯГКО СТЕЛЮТ — ЖЕСТКО СПАТЬ

В этом объявлении все вранье. И совместное предприятие «Литсан» — не то совместное предприятие, о котором вы подумали. Никаких иностранцев там нет. Это так называемое «межхозяйственное совместное предприятие» — то есть завод железобетонных изделий №5 объединился с кооперативом «ТЭЦ-25» (как мы поняли, обычная московская ТЭЦ-25 стала кооперативной). Название же «Литсан» — это зеркальное «настил». Там делают настилы — железобетонные потолочные перекрытия в домах.

И про лимит вранье. Нет в Москве лимита! Отменили. Для всех организаций, и уже давно. Нет лимита, естественно, и в «Литсане». В этом «Столицу» клятвенно заверил первый заместитель начальника бывшего Главного управления Моспромстройматериалов, а ныне Проектно-промышленного объединения с тем же самым названием Валерий Михайлович Силин. Он даже зачитал 8-й пункт 620-го решения исполкома Моссовета, принятого еще 4 апреля 1990 года. В том пункте говорится о мерах по насыщению завода ЖБИ №5 рабочей силой. На работу можно принимать очередников на квартиры, записано там, а про лимитчиков вообще не вспомнано.

Подумалось: «Если Валерий Михайлович не врет, значит, говорит правду». И мы позвонили в «Литсан». Главный инженер Анатолий Григорьевич Кабанов заверил, что о лимитчиках у себя не слышал! Подумалось: «Если не слышал, так, может быть, их и не было». А в отделе кадров «Литсана» спокойно сказали, что лимит, конечно, был, дали десять прописок. И все койки в общежитии уже заняты. А дали эти десять прописок из Главка. А в Главке сказали, как само собой разумеющееся, что «Литсан» курирует лично Валерий Михайлович Силин.

Вот и вышло, что запрещенный в Москве лимит, о котором кричит рекламное объявление, — вранье, но не в том смысле, что лимита нет, о чем вы сперва подумали, а в том, что он есть, но начальники врут, будто его нет. Хоть он и запрещен.

Интересно, во сколько обошлась «Литсану» реклама в «Известиях»? Должно быть, недешево. «Известия» дешево не берут. И за большие деньги готовы, как видим, печатать что угодно. Лишь бы им платили. А то, понимаете, их учредитель, Верховный Совет СССР, наскрести на зарплату журналистам не может. Беден, видно.

ЛИРИКА

«Погода недели с 27 августа по 2 сентября. Вот и лето прошло. На пороге сентябрь. Этот месяц недаром называют «задумчивым». Дни стоят тихие, воздух прозрачен — открываются далекие дали. Даже в безветренные дни начинают слетать жухлые листья. Природа как бы затаилась, притихла накануне больших перемен».

(«Правда», 26 августа 1990 г.)

ОТ РЕДАКЦИИ «СТОЛИЦЫ»

ПРОЗА

В день написания этого лирического опуса Гидрометцентр сообщал: «Москва и Московская область: переменная облачность, кратковременный дождь. На 27–28 августа: облачная погода, с прояснениями, дожди. 28 августа — местами».

На другой день: «В ближайшие сутки погоду в Москве и области будет определять ночью циклон. Ожидается погода облачная, с прояснениями, временами небольшой дождь, днем в отдельных районах».

Второго сентября Гидрометцентр СССР подвел итог своей насыщенной влажностью работы за неделю, за ту самую неделю, когда, по словам «Правды», «дни стоят тихие, воздух прозрачен». «Подводя итоги прошедшего августа, можно сказать, что он не избаловал москвичей теплом. За первые две декады месяца было всего шесть дней по-настоящему с летней температурой. А в конце месяца зарядили холодные осенние дожди. В первую неделю сентября, — говорилось в прогнозе, — в Москве и Подмоскovie погода постепенно изменит свой «хмурый» нрав...»

Но, может быть, «правдисты» имели в виду погоду не в Москве и Московской области, а где-нибудь еще, где и вправду «открываются далекие дали»? 26 августа лило в Центральном районе, Северо-Западном районе, в Эстонии, Латвии, Белоруссии... Второго сентября — «в отдельные дни небольшие осадки в Карелии, в Архангельской и Вологодской областях — преимущественно без осадков», в Псковской и Новгородской областях «временами небольшие дожди», дожди в Прибалтике, Белоруссии, на Украине, в Амурской области, в Крыму, на Черноморском побережье Кавказа...

«Правда» врет даже про погоду.

НЕЗАВИСИМОСТЬ ВСЕРЬЕЗ

Демократический Московский Совет народных депутатов учредил «НЕЗАВИСИМУЮ ГАЗЕТУ», регулярный выпуск которой начнется в конце 1990 года. Это будет первая в СССР ежедневная толстая политическая газета.

«НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА» не является органом учредившего ее Совета и провозглашает свою полную свободу от контроля со стороны каких-либо политических партий или движений.

Прежде всего «НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА» призвана оперативно и в наиболее полном объеме, без замалчивания каких-либо фигур или фактов, информировать читателей о всех политических событиях, происходящих в стране.

Демократическая по направлению «НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА» будет также комментировать события, руководствуясь при этом исключительно мнениями своих журналистов и нештатных авторов. Проведение на страницах «НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЫ» ее штатными сотрудниками политической линии каких-либо партий противоречит профессиональным принципам газеты и редакционному уставу.

Становление «НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЫ» требует значительных усилий от работающих в ней журналистов и поддержки демократической общественности. Именно поэтому я обращаюсь к 99 представителям демократических кругов нашей страны, к тем, кто известен своей интеллектуальной и политической независимостью, с призывом своим моральным и профессиональным автори-

тетом гарантировать и независимость создаваемого издания. Я также прошу подтвердить эту моральную гарантию денежным взносом в размере 1000 рублей, что поможет начать непростое дело создания первой в стране ежедневной политической «НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЫ».

Впоследствии эти деньги будут либо обращены в именные учредительные акции, если экономическое развитие газеты пойдет по пути создания акционерного общества, либо возвращены их владельцам, как только газета выйдет на уровень самоокупаемости.

По понятным причинам я обращаюсь с этой просьбой только к тем представителям демократических кругов, кто не является:

- официальными лидерами политических партий;
- высшими государственными должностными лицами союзного и республиканского уровня или высшими руководителями в системе исполнительной власти;
- главными редакторами тех изданий, с которыми новой газете придется конкурировать.

Все, к кому я обращаюсь, придерживаются разных, порой существенно разных точек зрения на те или иные события нашей политической жизни. В этом разнообразии — лучшая гарантия независимости той газеты, к созданию которой мы приступаем.

Виталий ТРЕТЬЯКОВ,
главный редактор «Независимой газеты»

Познакомившись с профессиональной программой «НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЫ», поддерживая стремление ее главного редактора провести в жизнь принцип независимости прессы, допуская возможное несовпадение наших собственных взглядов по тем или иным вопросам, которые будут освещаться в «НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЕ»,

мы заявляем о своей готовности поддержать собственными усилиями становление этой газеты и передаем в фонд ее создания по 1000 рублей каждый. Мы призываем сделать то же всех, к кому обратится с аналогичной просьбой главный редактор «НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЫ». Поддержка этой газеты не исключает нашего сотрудничества с другими органами демократической прессы.

Сергей АВЕРИНЦЕВ, член-корреспондент АН СССР, народный депутат СССР;

Анатолий АНАНЬЕВ, писатель, народный депутат СССР;

Евгений АМБАРЦУМОВ, политолог, народный депутат РСФСР;

Юрий АФАНАСЬЕВ, народный депутат СССР;

Григорий БАКЛАНОВ, писатель;

Андрей БИТОВ, писатель;

Олег БОГОМОЛОВ, академик, народный депутат СССР;

Георгий ГАЧЕВ, писатель, доктор филологических наук;

Леонид ГОРДОН, доктор исторических наук;

Григорий ГОРИН, писатель;

Борис ГРУШИН, директор независимого Центра социологических исследований;

Арон ГУРЕВИЧ, доктор исторических наук;

Вячеслав ДАШИЧЕВ, доктор исторических наук;

Ион ДРУЦЭ, писатель, народный депутат СССР;

Алексей ЕМЕЛЬЯНОВ, академик ВАСХНИЛ, народный депутат СССР;

Владимир ЕНИШЕРЛОВ, литературовед, главный редактор журнала «Наше наследие»;

Альфред ЖАЛИНСКИЙ, профессор Академии МВД СССР;

Михаил ЗАДОРНОВ, писатель;

Татьяна ЗАСЛАВСКАЯ, академик, народный депутат СССР;

Ясен ЗАСУРСКИЙ, декан факультета журналистики МГУ;

Марк ЗАХАРОВ, главный режиссер Московского театра «Ленком», народный депутат СССР;

Леонид ЗОРИН, драматург;

Рустам ИБРАГИМБЕКОВ, писатель, народный депутат СССР;

Фазиль ИСКАНДЕР, писатель, народный депутат СССР;

Олег КАЛУГИН, народный депутат СССР;

Михаил КАПУСТИН, доктор философских наук;

Татьяна КОРЯГИНА, народный депутат РСФСР;

Эдуард КЛОПОВ, доктор исторических наук;

Игорь КЛЯМКИН, политолог;

Кирилл ЛАВРОВ, народный артист СССР, народный депутат СССР;

Константин ЛУБЕНЧЕНКО, народный депутат СССР;

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН, народный артист РСФСР;

Александр ЛЮБИМОВ, ведущий программы «Взгляд», народный депутат РСФСР;

Елеазар МЕЛЕТинский, доктор филологических наук;

Андраник МИГРАНЯН, политолог;

Владимир МОЛЧАНОВ, ведущий программы «До и после полуночи»;

Аркадий МУРАШЕВ, народный депутат СССР;

Борис НИКОЛЬСКИЙ, писатель, народный депутат СССР;

Борис НОТКИН, ведущий программы «Добрый вечер, Москва!»;

Глеб ПАВЛОВСКИЙ, директор информационного агентства «Пост Фактум»;

Борис ПОКРОВСКИЙ, народный артист СССР;

Генри РЕЗНИК, член Президиума Московской городской коллегии адвокатов;

Юрий РОСТ, обозреватель «Литературной газеты»;

Юрий РЫЖОВ, академик, народный депутат СССР;

Афанасий САЛЫНСКИЙ, драматург;

Бenedикт САРНОВ, писатель;

Нодари СИМОНЯ, политолог;

Владимир СПИВАКОВ, народный артист СССР;

Галина СТАРОВОЙТОВА, народный депутат СССР и РСФСР;

Владимир ЦВЕТОВ, политический обозреватель Гостелерадио СССР;

Александр ЦИПКО, доктор философских наук;

Михаил ШАТРОВ, драматург.

КТО ПЛАЧЕТ ПОСЛЕДНИМ

НИ ОДНО доброе дело не обходится без милиции! Завезут в киоск сигареты (горячая тема) — очередь регулирует милиция. Дают в ЦУМе рейтузы — радостных женщин, которые готовы растерзать друг друга, подпускает по одной к прилавку сержант. Милиционеры охраняют Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Моссовет и прочие прекрасные учреждения.

Но самое главное дело милиции — избавлять общество от преступников, ловить их, обличать и доставлять в суд, где им определяют меру наказания. Такой объем разнородной работы едва ли взвален на какое-нибудь другое учреждение.

В последнее время органы внутренних дел стали откровеннее и начали предавать огласке свою статистику. Однако из нее невозможно заключить, стало ли наше общество хуже (если цифры преступлений растут) или это просто работники милиции стали действовать оперативнее (если цифры слишком велики или, наоборот, слишком малы). Поистине, милицейская статистика не свидетельствует ни о чем!

За семь месяцев 1990 года в Москве было зарегистрировано 32 тысячи преступлений. Житейская логика вроде бы подсказывает, что человеку достаточно совершить одно преступление, чтобы быть пойманным. Однако это не так. Из Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома сообщили, что эти 32 тысячи преступлений совершили 14 700 человек. Выходит; что на совести каждого пойманного по два с лишним преступления. В среднем, разумеется. Из этого следует, что в Москве живут, вероятно, и самые настоящие профессиональные преступники, которые, закончив одно «дело», приступают к следующему.

фото: Э. Кудрявниченко

Основную массу людей, совершивших преступления, составляют по-прежнему мужчины. (Их и без того меньше, чем женщин, так они еще сами себя не берегут!) Например, за разбой (547 случаев), квартирную кражу (2879), грабеж (1382) и за преступления против личности к уголовной ответственности привлекли 9 990 мужчин и всего 808 женщин. (В прошлом году квартирных краж было почти на 200 больше, разбоев — почти на 50, а грабежей — почти на 70.)

А вот за хищения, спекуляцию и прочие преступления по линии БХСС мужчин и женщин привлечено фактически поровну: 2 тысячи мужчин и 1 900 женщин. Женщины лидируют лишь в обмане покупателей.

Авторы сводки признаются, что «не снижается острота проблемы предотвращения убийств, тяжких телесных повреждений и изнасилований». Действительно, общество напугано слухами о страшных убийствах, случаях садизма, избиениях... Между тем в органах внутренних дел с некоторых пор созданы целые управления по профилактике преступлений, но там этим занимаются вовсе не психологи, не социологи и не специалисты по природе преступности, как можно было предположить, а те же юристы и милиционеры, что в уголовном розыске, в БХСС... Управления по профилактике есть, а профилактики вроде бы и нет.

Но может ли быть иначе, если одни и те же работники милиции с одинаковым усердием занимаются предотвращением убийств и поиском сбежав-

шего преступника? Затем ведут следствие? Ведь все это разные вещи, даже разные профессии! Тем не менее всем этим занимаются одни и те же люди. Много лет говорится о том, что нужно создать Следственный комитет, отдельный от милиции. Может быть, тогда останется больше времени на профилактику?..

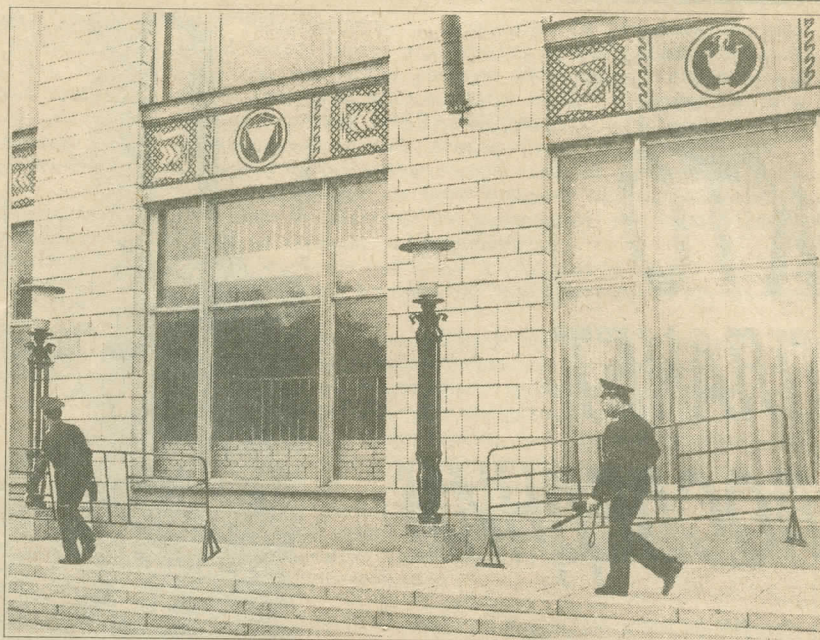
Впрочем, разве только на Петровке, 38 должны заниматься профилактикой? Это как раз такая область жизни, которая не может быть вменена в обязанность лишь одному ведомству. Обязывая милиционеров заниматься предупреждением преступности, не провоцируем ли мы их на вторжение в нашу личную жизнь? Не сеем ли в обществе идеи доносительства и подозрительности друг к другу?..

Причины, которые толкают человека на совершение тяжкого преступления, до сих пор не изучены до конца. Скорее всего, у каждого тяжкого преступления своя тяжелая причина. Но они изучены основательно. Известно, скажем, что причины, побуждающие человека к совершению преступления, не секрет для многих других людей. И в самом деле, редкий подсудимый в зале суда бывает один — на него смотрят заплаканные глаза родителей, жены, брата, сестры, друзей... Одно это говорит и самому непосвященному человеку, что поручать профилактику преступлений одной милиции несправедливо. Она и без того участвует почти в каждом добром деле.

**ОТДЕЛ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ
ПРОБЛЕМ «СТОЛИЦЫ»**

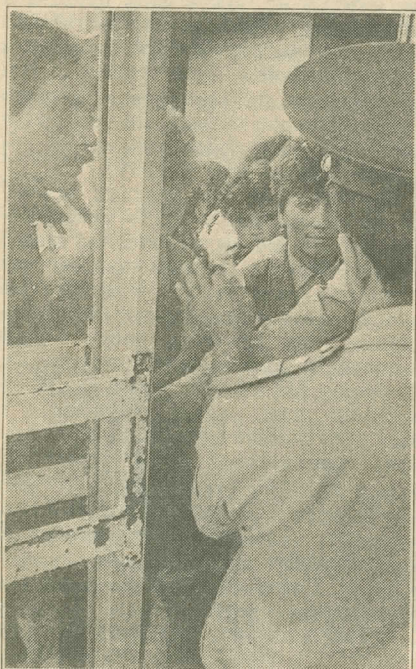
У сотрудников милиции сейчас очень много работы. То «табачный бунт», то пикет таксистов у здания Моссовета... А в тот вечер, когда корреспондент «Столицы» сидел в кабинете первого заместителя начальника Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома ЮРИЯ АНДРЕЕВИЧА ТОМАШЕВА и задавал ему вопросы, случилось нечто, о чем в Москве прежде и не слыхивали. Санэпидемстанция закрыла один больничный морг, и покойников решено было везти в морг другой больницы, но этому решительно воспротивились тамошние врачи — им были не нужны чужие покойники. Юрию Андреевичу позвонили. Непонятно было, чем может быть полезна несчастным покойникам Петровка, 38 и вообще при чем тут милиция? Но интервью, едва начавшись, прервалось. Юрий Андреевич целиком погрузился в разгадку врачебных тайн...

Однако тов. Томашев пообещал ответить на вопросы письменно. И свое обещание, несмотря на сильную занятость, выполнил. К сожалению, некоторые его ответы, как увидит читатель, лишь породили новые вопросы, которые в живой беседе, вероятно, не возникли бы. Поэтому заведующему отделом социально-бытовых проблем «Столицы» Вячеславу Баскову пришлось не только задать во-

ЗАОЧНОЕ ИНТЕРВЬЮ

С прибавлением комментария, которого могло бы и не быть, если бы встреча состоялась с глазу на глаз

просы, но и прокомментировать ответы. Заочное интервью получилось слишком большим, и пришлось сократить и ответы, и вопросы.

Вопрос: Как строится работа ГУВД после разделения Моссовета на собственно Моссовет и исполком?

Ответ: В соответствии с Положением о советской милиции, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 8 июня 1973 года № 385, Главное управление внутренних дел, осуществляя руководство милицией, подчиняется в своей деятельности как Московскому Совету народных депутатов и его исполнительным и распорядительным органам, так и МВД СССР.

В настоящее время разработан Закон о советской милиции, проект которого будет обсуждаться на Верховном Совете СССР в сентябре текущего года.

Редакция просила тов. Томашева прислать Положение о милиции, которое почему-то всегда считалось «не для печати», и он выполнил нашу просьбу. Но тут возникло маленькое недоразумение: в своем ответе он ссылается на одно Положение, а редакции передал совсем другое — «Положение о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел», которое было утверждено постановлением Совета Министров СССР 23 октября 1973 года

№ 778. В этом Положении ничего не говорится о тройном подчинении Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома — Моссовету, исполкому Моссовета и МВД СССР. Здесь сказано, что работники милиции обязаны «беззаветно служить своей Родине», «твердо и неуклонно проводить в жизнь политику и решения Коммунистической партии Советского Союза и Правительства СССР», «настойчиво овладевать марксистско-ленинской теорией», «проявлять высокую политическую бдительность» — и дальше в том же духе.

Вопрос: Печать не раз писала о случаях срачивания работников милиции с работниками торговли. В магазинных очередях, однако, милиционеров можно увидеть очень редко. Чаще наоборот: их можно встретить на «черном ходе» магазина. Что делает ГУВД в этом направлении?

Ответ: Работники милиции стоят в тех же очередях за товарами, что и все москвичи, никаких привилегий для них не существует.

Отношение руководства Главка к тем, кто пытается создать для себя льготы несправедливыми путями, однозначное — нечестные люди не должны работать в милиции. По всем известным нам фактам такого рода строгие меры принимаются незамедлительно. В текущем году наказано около 2,5 тысячи

СТОЛИЦА

сотрудники милиции, по отрицательным мотивам их уволено более 1,2 тысячи.

И тут небольшая неувязка. В ответе сначала утверждается, будто «работники милиции стоят в тех же очередях за товарами, что и все москвичи». А потом — «по всем известным нам фактам такого рода... в текущем году наказано около 2,5 тысячи сотрудников милиции», а больше тысячи и вовсе уволены. Так за что же наказали и уволили блюдущих очередь милиционеров?

Вопрос: Снижается ли преступность среди сотрудников московской милиции?

Ответ: В 1990 году были привлечены к уголовной ответственности сорок сотрудников милиции, уволенных из органов. В прошлом году таких случаев было 35. Из сорока тринадцать обвиняются во взяточничестве, превышении власти и злоупотреблении служебным положением. Остальные двадцать семь — в противоправных действиях, которые преследуются в уголовном порядке. Имеются в виду кражи, грабежи, другие корыстно-насилиственные преступления, а также дорожно-транспортные происшествия. Такого рода преступления совершены бывшими сотрудниками милиции в свободное от службы время.

Хочется верить, что, раз милиционеры грабили, брали взятки и кого-то насиловали в их нерабочее от правоохранительной работы время, им на суде сделают поблажку.

Вопрос: Московская программа ТВ систематически дает объявления о людях, пропавших без вести, и о поимке опасных преступников. Не смогли бы Вы привести конкретные примеры, когда такие объявления дали положительный результат?

Ответ: За истекший период 1990 года по программам ТВ «Добрый вечер, Москва!», «Коммерческий канал» была передана информация о 99 пропавших без вести, 27 разыскиваемых преступниках и 23 неопознанных трупах, в результате чего с помощью телезрителей было установлено 15 без вести пропавших граждан, задержано 4 преступника, установлено 3 неопознанных трупа. Например, Сокольническим РУВД г. Москвы с марта 1990 года устанавливалась личность трупа неизвестного мужчины. В апреле он был показан по телевидению, через некоторое время в райуправление позвонили его родственники и сообщили, что опознали данный труп.

С апреля Первомайским РУВД разыскивалась без вести пропавшая гр. Тищенко Н. Н., 1910 года рождения. После передачи информации о ее розыске в телепередаче «Добрый вечер, Москва!» буквально на следующий день позвонила гражданка Хомутова и сообщила, что Тищенко находится в больнице г. Балашихи Московской области. Об этом сразу же было сообщено ее родственникам.

Вопрос: Почему бы по ТВ, раз уж дают эти объявления, не сообщать об этапах поиска и о результатах?

Ответ: В большинстве случаев с момента объявления о розыске пропавших без вести или о приметах предполагаемых преступников до установления первых и задержания последних проходит много времени поэтому особого интереса такие объявления представлять не будут. Если же положительный результат достигнут в короткий срок — по возможности информация до населения доводится.

Согласиться с таким суждением все-таки трудно. Конечно, не всякий преступник должен по телевизору услышать о том, где и как его разыскивают. Но во всем мире публично информируют, как продвигается поиск, потому что одна голая информация о непоиманном преступнике общество лишь будора-

жит. А каскад такой информации и вовсе держит в напряжении постоянно. Думается, необходимость регулярно выходить в эфир и оповещать зрителей о ходе поиска побудит и самих работников сыска действовать активнее. Тогда, возможно, сократится число нераскрытых преступлений. Другое дело — как сообщать промежуточную информацию, чтобы преступника не вспугнуть. А что касается информации о результатах поиска тех, кто скрылся от правосудия или кто пропал без вести, то она бы все-таки не была лишней. И в начале беседы, до звонка из morga, Юрий Андреевич с этим согласился! Ясно же, что это было бы в интересах тех, кто ведет поиск, так как благодаря подобным сообщениям укрепилась бы вера граждан в возможности милиции. И потом, если сыску помогли сами граждане, почему бы не сообщить об этом им же?

Без объявления результатов вся эта информация только еще больше запугивает население.

Вопрос: Принят закон об участии адвоката с момента задержания гражданина. С Вашей точки зрения, заработал этот закон в полную силу или что-то еще сдерживает его? Может быть, есть примеры, когда бы задержанный тотчас пригласил адвоката?

Ответ: В правоохранительных органах не предусмотрен специальный учет, фиксирующий количественные показатели участия защитников на предварительном следствии. Однако в июне ГУВД совместно с прокуратурой города изучалась практика исполнения ст. 14 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве, введенная в действие с 1.12.89 г. Результаты такие: в 45,8 процента случаев защитники вступали в дело с момента предъявления обвинения, в 37,6 — предъявления обвиняемым материала дела для ознакомления после окончания расследования, в 16,6 — с момента задержания, с учетом ходатайств подсудимых.

О желании иметь защитника на ранней стадии предварительного следствия извещаются родственники или знакомые подозреваемого и обвиняемого. При невозможности через них обеспечить защитника направляются письменные обращения о выделении адвоката в районные юридические консультации. Жалоб со стороны подсудимых на действия следователей, якобы препятствующих нормальному осуществлению их права на защиту, практически нет.

Этот четкий — в процентах — ответ, признаться, немножко смущает. Каждому человеку теперь дано право вызвать адвоката с момента задержания. Но в июне им воспользовались всего 16,6 процента задержанных. Можно подумать, что наши граждане так уверены в правосудии — а, спокойный тон ответа к этому подводит, — что адвокат задержанному вовсе не требуется. При любом оптимизме задержанные органы милиции должны быть обязаны сами предложить адвоката, даже без всякого «учета ходатайств подсудимых». Так делается в цивилизованных странах. У нас за это столько лет боролись.. Впрочем, более подробно о положении задержанного рассказывается в статье «Насищет милиция», которая следует за этим интервью.

Вопрос: На проспекте Калинина каждый день прямо на тротуаре возле магазинов, где особое скопление публики, идет крупная игра. Это игра на деньги. На крупные деньги... Я долго стоял возле играющих и видел, как мимо толпы не спеша взад-вперед ходили два милиционера. Безобидна ли эта игра? Она не считается азартной?

Ответ: Действительно, примерно с марта 1990 года на проспекте Калинина периодически появлялись лица, занимающиеся азартной игрой «наперсток». В состав групп входят граждане, проживающие в микрорайоне Строгино, городах Подольске и Люберцы.

Для пресечения указанных правонарушений в территориальном отделении милиции создана группа, работающая методом личного сыска в штатской одежде. На выявление организаторов и участников азартных игр ориентированы патрульно-постовые наряды строевых подразделений РУВД, сотрудники подразделений Главка, дополнительно выделяемые для оказания практической помощи в охране общественного порядка.

За истекший период 1990 года в органы милиции с Калининского проспекта было доставлено 106 человек за занятие азартными играми, 20 человек привлечено к ответственности по ст. 164¹ КоАП РСФСР; 10 административных материалов находится на рассмотрении в народном суде Киевского района г. Москвы. Остальные привлечены к административной ответственности за мелкое хулиганство, так как во время игры многие из них выражались нецензурной бранью, своими противоправными действиями нарушали общественный порядок.

Раз уличных игроков увозят в милицию, значит, играть в эту игру нельзя. Но отчего же тогда игра продолжается и никакие наказания не помогают? И зачем нужен был весь этот маскарад — создавать «группу... личного сыска в гражданской одежде», когда игра на проспекте Калинина идет в открытую, прямо на тротуаре, никто ни от кого не прячется? Даже от милиционеров в форме!.. Игроки — не прячутся, а милиционеры — зачем-то переодеваются... Или жуликов увозят всего лишь за нецензурную брань?

Вопрос: Мы видим работников милиции на различных митингах и демонстрациях. Часто ли там случаются нарушения общественного порядка?

Ответ: На органы внутренних дел возложена обязанность по обеспечению охраны общественного порядка при проведении митингов, демонстраций на улицах города в случаях, когда данное мероприятие проводится в установленном порядке (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 июня 1988 года). Если указанное мероприятие проводится с нарушением установленного порядка, органы внутренних дел принимают меры по пресечению правонарушения. Так, за 7 месяцев 1990 года за допущенные нарушения при проведении публичных выступлений органами милиции задержано 149 человек: из них 129 человек привлечено к административной ответственности, 5 материалов не рассмотрено в связи с неувязкой правонарушителей в суд, в отношении 5 человек административные дела народными судами Москвы прекращены. (Итого — 139. А куда потерялись еще десять человек? — В. Б.) Из числа привлеченных: 26 человек подвергнуты административному аресту, 29 человек оштрафовано, 59 человек предупреждено.

Полномочия сотрудников милиции при проведении данного рода массовых мероприятий определены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 года «Об основных обязанностях и правах Советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» и Уставом патрульно-постовой службы Советской милиции, утвержденным приказом МВД СССР от 20 июля 1974 года.

Вопрос: Сейчас стало очень трудно вызвать на помощь милиционера. Звонишь «02» — вам дают семизначный номер телефона

районного отделения милиции. Там начинают долгие расспросы, выяснение обстоятельств, а заканчивается обычно тем, что дежурный просто бросает трубку на рычаг со словами: «Разбирайтесь сами!». Конечно, случается, что люди звонят в милицию напрасно, но ведь и не всякий человек делает это каждый день — позвонить в милицию для большинства людей целое событие. Даже затрудняюсь предположить, что же такое с человеком должно случиться, чтобы милиция на вызов пришла, помогла не в криминальной, а в какой-то по-житейски сложной ситуации. Фиксируются ли в отделениях милиции телефонные звонки? Записываются ли разговоры на магнитную пленку?

Ответ: На службу «02» дежурной части города поступают практически все сообщения о преступлениях и происшествиях в городе. В течение суток сотрудникам данной службы приходится принимать от 20 до 23 тысяч различного рода сообщений, то есть на каждого приходится почти 2 тысячи сигналов, причем третья часть их не относится к компетенции милиции. Много звонков справочного характера, люди забывают о существовании справочной службы «09» или порой не могут дозвониться до этой службы. Часто граждане обращаются в милицию при неисправности водопровода, света и т. д., требуя приехать к ним работников милиции, так как аварийная служба почему-то не едет. Все это существенно отвлекает сотрудников службы «02», загружает линии связи, и порой граждане, сообщая о происшествии, не могут в течение нескольких минут дозвониться в милицию. Существует также проблема звонков из хулиганских побуждений, от психически больных людей, которые могут звонить в течение всей ночи по телефону «02», отвлекая и нервирова сотрудников. Учитывая большое количество сигналов (то есть заявители находятся в режиме ожидания), сотрудники данной службы в тех случаях, когда происшествие незначительное (конфликты между соседями, семейные неурядицы и т. д.), соединяют граждан с дежурными по отделению милиции, а если нет технической возможности соединить, дают городской телефон.

В течение суточного дежурства оперативными дежурными отделения милиции только по средствам городской телефонной связи принимается до 300 всевозможных сообщений от различных респондентов, а по городу этот показатель составляет свыше 50 тысяч. Вся поступающая в дежурные части информация, содержащая сведения о правонарушениях и происшествиях, регистрируется в специальной служебной документации. Записывающими техническими средствами дежурные части отделений милиции не оборудованы.

О том, как много работы на «02» и как скверно трудятся «09» с аварийными службами, узнать не ново, но, конечно, интересно. Однако ответа на вопрос, почему скверно работает «02», в ответе нет. Или автор хотел сказать, что «02» уж потому работает сносно, что «09» — ужасно?

Зато в ответе есть немного лукавства. Дело в том, что шутить с «02» небезопасно. Там на столе у каждой телефонистки стоит маленький аппаратик, на котором высвечивается номер телефона того, кто звонит. Это сделано на тот случай, если человек находится в беде, объяснить ничего не успеваешь — о месте его нахождения скажет светящийся номер телефона. Об этом знают все! Ситуация со светящимся аппаратиком десятки раз обыграна в детективах и в кино! Так что в смысле борьбы с телефонными хулиганами уж дежурные-то «02» находятся в гораздо лучшем положении, чем телефонистки «07»,

«09», «04», и даже «Скорой», и даже «По-жарной».

Вопрос: Чем муниципальная милиция, о которой говорили на сессиях Моссовета, будет отличаться от нынешней?

Ответ: Создание муниципальной милиции позволит повысить самостоятельность и ответственность органов местного самоуправления за состояние правопорядка на своей территории. Основное отличие муниципальной милиции в том, что она, как это планируется, будет содержаться за счет бюджета местных Советов, которые определяют и ее численность. Проект «Закона о муниципальной милиции» предполагается рассмотреть на сессии Верховного Совета РСФСР в сентябре.

Вопрос: В последнее время в милицмейской амуниции новшество — резиновая дубинка. Чем вызвано ее появление? Это средство нападения? Или средство защиты? Если средство защиты, то, следовательно, милиционерам, которые ходят обычно парой, грозит нападение постоянно и всюду — на шумных улицах, в магазинах, метро, парках, на площадях, причем ясным днем. Ночью работники милиции по улицам ведь не ходят, они ездят на машине. Были ли случаи нападения на милиционеров днем? А может быть, дубинки носят характер устрашения, предупреждения нападения? Не из-за этого ли их сразу прозвали «демократизаторами»?

Ответ: Происходящие в обществе процессы демократизации и гуманизации восприняты некоторой категорией граждан как вседозволенность. Отмечается усиление тяжести преступных проявлений, дерзость и жестокость со стороны уголовного и антиобщественного элемента. Возросли случаи неповиновения, физического противодействия и нападений на сотрудников милиции. Эти и другие обстоятельства вынудили нас экипировать сотрудников резиновыми палками (ПР-73), которые предназначены для отражения нападения правонарушителей или пресечения их неповиновения и относятся к средствам активной обороны. Они применяются в исключительных случаях, когда использованы и не дали желаемых результатов все другие формы предупредительного воздействия на правонарушителей. Перед применением делается предварительное предупреждение об испол-

зовании указанного средства. В случаях явного нападения со стороны правонарушителей это средство может быть применено без предупреждения.

Средства активной обороны запрещается применять против малолетних, беременных женщин и женщин с детьми, инвалидов (с явными признаками инвалидности), за исключением случаев нападения с их стороны. За неправомерное применение специальных средств виновные несут ответственность в установленном законом порядке.

Случаи нападений на сотрудников милиции не единичны. Так, 20 августа 1990 года было совершено нападение на двух милиционеров ППС, доставлявших правонарушителя в отделение милиции. При этом были отобраны резиновые палки и радиостанции, только после предупредительных выстрелов вверх нападавшие были задержаны.

Выходит, беременную женщину, если она «нападает» на милиционера (можно себе представить опасные последствия такого нападения!), милиционер все же вправе огреть резиновой палкой ПР-73. И ребенка. Если упадет на дядю. И инвалида («с явными признаками инвалидности»)... Конечно, на милиционера нападать нельзя. Он представитель власти. Мы это проходили еще в школе. Но все-таки из ответа неясно, зачем он ходит ясным днем по Тверской, на Красной площади, в метро, где миллионы людей, с ПР-73 в руках?

Пример с доставкой правонарушителя лишь напускает густого тумана на «демократизаторы». Совершенно непонятно, кто отнял у нескольких милиционеров их палки, которые цепляются к руке кожаным ремнем, обхватывая кисть, и еще вдобавок рации. Эпизод выглядел бы убедительней, если бы нам описали нарушителя, неких «нападавших», место происшествия и время. Странно, однако, что приходится задавать наводящие вопросы. Можно подумать, что Юрий Андреевич не понял вопроса.

Редакция надеется, что тов. Томашеву однажды ничто больше не помешает встретиться с корреспондентом «Столицы» и в спокойной обстановке состоится разговор, который не потребует запоздалых комментариев.

Фото Г. Бодрова

Вячеслав
БАСКОВ

НАС ИЩЕТ МИЛИЦИЯ...

В МИЛИЦИИ все виноваты. Как-то, помню, меня забрали в милицию, и я пошел туда очень охотно, даже настаивал, чтобы забрали скорее, раздражался, отчего это дружинники, тихонько перебросившись с моим обидчиком парой слов, медлят. Я громко требовал, чтобы нас с ним повезли в отделение как можно скорее! Я считал себя потерпевшим: какой-то парень, которого я увидел впервые в жизни, эдак походя сломал мне на руке большой палец! Я ему, видите ли, чем-то не понравился, и он полез драться.

Но милиционеры потерпевшим меня не сочли. Натя бумагу, сказали мне, пишите «Объяснение». Я им говорю: у меня палец сломан, мне нужен врач, пусть пишет «Объяснение» мой обидчик! В ответ — молчание. Тогда я сам хочу сию минуту ехать в травмопункт — в дверях расставил ноги и заложил руки за спину милиционер. Глаза его усмеваются. «Что происходит, товарищи? — спрашиваю, помнится, проникновенно, обращаясь к их совести. — У меня же ПА-ЛЕЦ сломан!» «Пишите, — в ответ, — вот бумага, ручка». Не криком, нет — бесцветным голосом, ровным. Написал «Объяснение» — через часок, так и быть, довезли до травмопункта...

Поклялся: убивать будут — в мили-

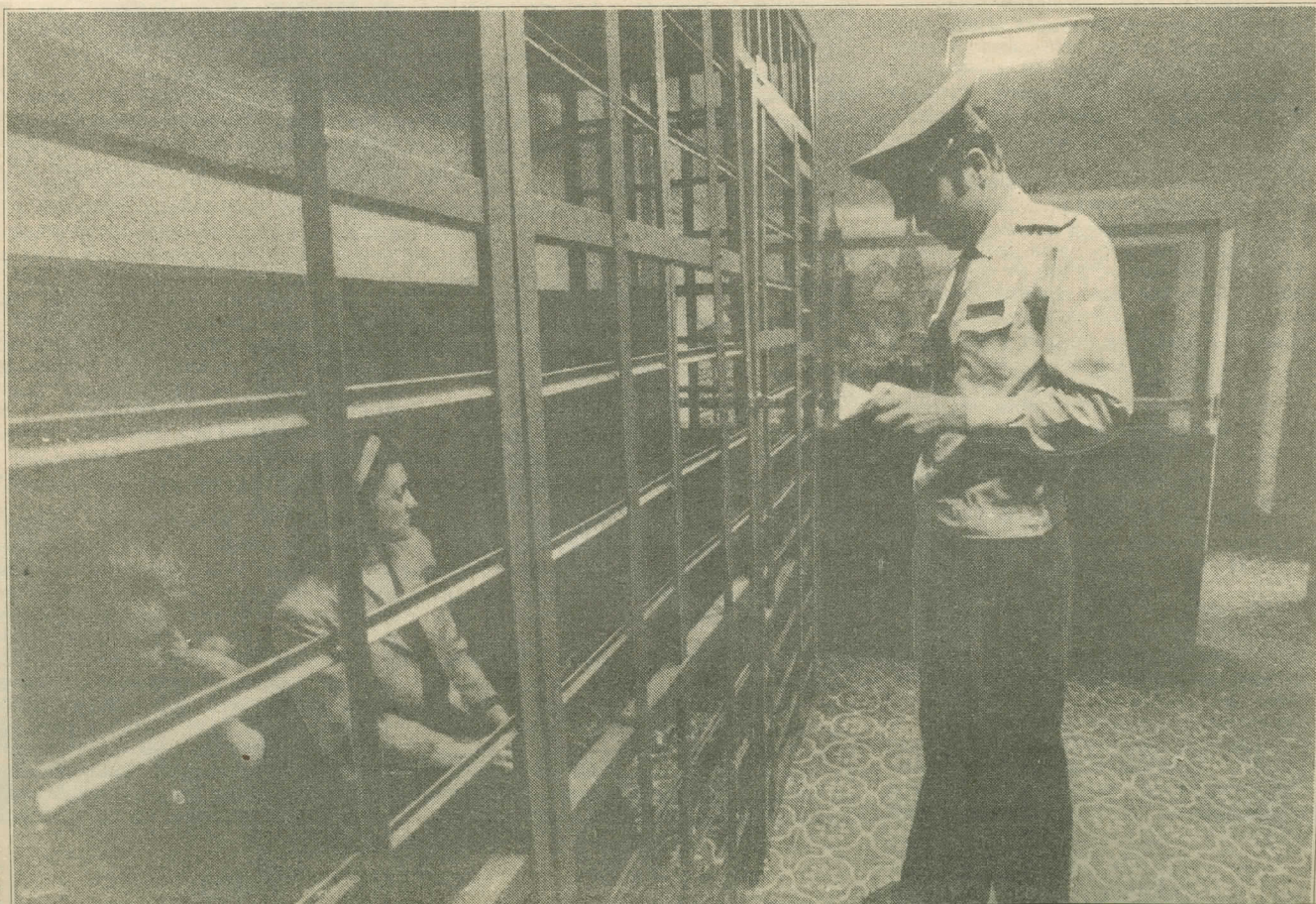
цию за помощью не обращусь. А моего обидчика, кстати, отпустили без всякой писанины. Потихоньку отпустили, за моей спиной, пока я приноравливался к авторучке. Он оказался сотрудником КГБ. В милиции, знаете, все виноваты, кроме сотрудников КГБ...

Для любого человека попасть в милицию — целое событие. Поэтому все задают очень много вопросов: «За что? Что я такого сделал? Когда отпустите?» Люди никак не могут понять, что в советской милиции ничего не объясняют. Наоборот, это вы ей должны объяснить ваше поведение. В школе милиции, вероятно, учат не реагировать на гневные вопросы, патетические восклицания граждан и, оставаясь лицом спокойными, усмехаться одними глазами. Внутреннее превосходство обескураживает и подавляет. Советскую милицию нужно принимать такой, какая она есть, — это стена непробиваемого молчания...

В 40-м отделении милиции города Москвы перед наглухо закрытым окном дежурного, который там за своим столом что-то сосредоточенно писал, стояли шестеро мужчин средних лет и, пожимая плечами, вымученно улыбаясь, спрашивали: «За что? За что взяли, товарищи?» У выхода, заложив руки за

спину, стоял милиционер, который смотрел в стену, думая о чем-то личном. Может быть, о квартирном вопросе.

Дело в том, что исполком Моссовета очень плохо обеспечивает жильем работников милиции. 40 тысяч работников милиции стоят в очереди на квартиры, больше тысячи мечтают о комнате, потому что живут в общежитии, 1 200 милиционеров вовсе не прописаны. Московской милиции не хватает 5 000 милиционеров. Молодежь в милицию не идет, поэтому приходится брать приезжих. Эти сведения, не заглядывая в бумажку, живо и даже как-то радостно наизусть выложил начальник политотдела ГУВД Мосгорисполкома Лев Петрович Бельянский. Он и сам об этом часто говорит на брифингах для советских и иностранных журналистов, и другие начальники с Петровки, 38. Эти цифры у всех на слуху. У Льва Петровича, как я понимаю, есть две несбыточные мечты: чтобы милиционерам давали квартиры без очереди, а чтобы на работу в милицию принимали, наоборот, по конкурсу. Как в оперную труппу Большого театра. Что касается квартир, то несовершенство Советской власти в этом вопросе давно известно. А вот что касается конкурса, то Лев Петрович, начальник политотдела, знает, что нуж-

но делать.

— Нужно меньше проводить политбесед, — сказал он, — а больше работать...

Так вот, в 40-м отделении милиции стена смотрела на мили... простите, милиционер смотрел на стену, пока кто-то там патетически спрашивал: «За что? За что? Ну, за что взяли-то?» Он — работал. Тут в дежурную часть бодро вошел уже по-настоящему рабочий милиционер: он нес здоровый ключ. Им он отпер дверь «обезьянника» и указательным пальцем провел в воздухе траекторию «отсюда-туда». «За что? За что?»

Да будет вам известно, теперь в каждом отделении милиции в дежурной части делают клетку, как в зоопарке: отделяют часть комнаты не сплошной стеной, а толстыми металлическими прутьями, и за этой решеткой ставят лавку. Клетку сразу прозвали «обезьянником». Советская пенитенциарная система берет начало именно с этого зоопарка. В нем людей задерживают на несколько часов. И вот на моих глазах шестеро растерянных мужчин средних лет оказались в «обезьяннике». И тотчас умолкли. И почему-то взяли за прутья, как на плакате «Свободу народу Анголы!».

В 40-е отделение мы пришли с Александром Григорьевичем Хлудовым, заместителем начальника ХОЗУ ГУВД Мосгорисполкома, чьими усилиями во дворе Петровки, 38 разбиты бархатные газоны, клумбы, насажены кусты роз и благоуханные пионы, — этот чудесный сад видят прохожие тоже через толстые металлические прутья забора. Почти такие, как в любом «обезьяннике». Влиятельный Александр Григорьевич помог мне узнать, за что же взяли тех мужчин. Оказалось, их взяли в лесу, они собирались выпить. Если в милицию забирать всех, кто летом после работы выпивает на косогорах вблизи железных дорог и в лесочках, которые так и не стали парками, то пол-Москвы придется огородить забором. Гораздо более знающие люди потом предположили, что озорные милиционеры выследили тех шестерых и упредили их, пока бутылку не открыли. Они, говорят, это иногда делают, чтобы конфисковать водку — самим выпить охота...

Пенитенциарная система берет начало в «обезьяннике», а имеет продолжение в КПЗ, камере предварительного заключения. В КПЗ 122-го отделения милиции я случайно увидел человека. В КПЗ обычно очень слабый свет, а окон нет, они забиты. Здесь крошечное оконце было забито куском жести, проколотой в нескольких местах гвоздем для поступления струек кислорода. В камерах вонь нестерпимая, скопище углекислоты. В КПЗ людей держат до трех дней. Им надо лежать, поэтому на полу из досок сбивают невысокую эстраду — это кровать, на которой все лежат впопалку. Тот, кого удалось разглядеть, лежал один, он оказался тут еще вчера, его взяли из ресторана: не было денег, чтобы расплатиться. Девчонки обманули, рассказали он. Подсели, веселились, его напоили, а сами смылись. Официантка вызвала милицию.

— За что били?! Какое имели право бить?! — закричал обманутый из темноты, откуда-то с пола. — Пусть везут в спецприемник! Я там все расскажу!

Били в машине! Всего отбили! За что?!

— Да он себя не называет, — сказал мне по секрету постовой при дежурной части Александр Михайлович Махоткин. — А что били — не били. Они все говорят, что били.

— Били! Били! Принципиально называть себя не буду! Пусть везут в спецприемник! — Неизвестный, держась за ребра, лег на пиджак, уткнулся в него и затрясся от рыданий.

— Принципиальный, — сказал Александр Михайлович Махоткин, запирая дверь и вгоняя внутрь букет нецветочных ароматов...

Вершиной пенитенциарной системы на уровне милиции является ИВС — изолятор временного содержания. С санкции прокурора там держат людей до десяти дней. Я попросил показать лучший ИВС. Меня повезли в 169-е отделение милиции. Начальник отделения Виталий Михайлович Бухтенков заботливо высадил перед входом в здание кусты роз и пионы. Но, естественно, с убранством Петровки, 38 не сравнить. Здешние камеры ИВС, наверное, действительно лучшие: в них светло, есть окна, в камерах — кровати, правда, несколько необычной конструкции, даже вовсе без всякой конструкции потому что они литые, — металлические лежаки, на которые кладут матрац, а с некоторых пор постояльцам выдают и комплект постельного белья. В ИВС 169-го отделения содержались Валерия Новодворская, председатель Демократического союза, партии, которая не верит в коммунизм. Может быть, когда-нибудь на этом доме в Крылатском повесят мемориальную доску в честь известной политической деятельницы, которую чуть что сажают на пятнадцать суток. Некоторые подруги Новодворской теперь живут за границей, а она тут все борется, борется, а ее все сажают, сажают... Ельцин, Попов, Собчак, Травкин вышли из КПСС — их за это в милицию не посадили, а Новодворскую, тяжело больную женщину, Центральное телевидение показывало нам и в «обезьяннике» среди пьяных проститутки, и в КПЗ, а теперь, оказалось, она и в 169-м отделении посидела. В лучшем ИВС.

Но особая гордость Виталия Михайловича Бухтенкова — отнюдь не Новодворская, о которой он лично невысокого мнения, и даже не кусты роз и пионы, а замки на дверях камер ИВС.

— Нет, ваше ХОЗУ нам таких замков не давало, — мягко попрекнул он Александра Григорьевича Хлудова, — это наши ребята сами сделали.

И он пригласил меня взглянуть в произведения местного замкового искусства. Мне показалось, что я уже видел такие замки на гаражах, но, поскольку я дилетант в столь тонких вопросах, не настаиваю. Правда, гораздо более знающие люди потом подтвердили мою догадку (случается, что утром на гараже не оказывается замка, хотя машина на месте), но Виталию Михайловичу Бухтенкову я верю больше. А тому Фоме Неверующему, которому пришла запретная мысль о конфискации милиционерами чужих гаражных замков, я бы посоветовал пойти работать в милицию, чтобы лично убедиться, что ей ни на что денег не дают. Ни на что! Там на содержание одного гражданина даже в лучшем ИВС выделя-

ют в день 28 копеек. Еды нет и в детской комнате милиции. На вокзалах есть детские комнаты, куда то и дело приводят детей-путешественников. Покармливают их нечем. Корки хлеба нет. Сотрудница одного из таких вокзальных санаториев (она закончила педагогический институт, по образованию учительница) сажает ребенка перед собой и допрашивает всухую.

— Вы ее покормите, — говорю я бывшей училке. — Она, наверное, голодная?

— Голодная, — отвечает чумазая девочка-путешественница, которая врет напрапалую про то, как она поехала к любимой тете в Москву, они разминулись... Потом она скажет правду: сбежала из дому от родителей-пьяниц.

Училка кидается к казенному шкафу — он пуст. Зачем тут стоит, непонятно. Пошарила на одной полке — достала из угла скомканную газетку. Развернула — огрызок кубика рафинада, кто-то уже обсосал или мышь обгрызла. «А вот и сахар нашла!» Налила девочке кипятку в стакан и говорит:

— Ну, ешь и рассказывай, как заблудилась. Только правду говори. Ешь.

В том незабываемом допросе мне особенно понравилось «ЕШЬ»...

Итак, в 169-м отделении хвастаются гаражными замками, в 122-м, где очень плакуче, — дополнительной из металла сваренной решетчатой дверью, которую сами навесили, потому что, говорят, обычную деревянную проламывают, а в 40-м, где «обезьянник», окно дежурного не из стекла. Впрочем, оно теперь повсюду не из стекла. Оно из оргстекла, потому что, как пояснил дежурный, стекло разбивают вдрызг, а оргстекло танк не прошибет. И выходит, что люди, которых доставляют в отделение милиции, вовсе не слабые и не беззащитные — наоборот, они изо всех сил ломаются в двери, разбивают окна, сшибают замки. Интересно, что они доказывают кулаками, каблуками, с разбегу плечом? Почему в милиции общение идет на уровне мордобоя, потасовок, побоищ? Милиция — это вообще что? Это же правоохранительный орган!

Милиционеры все время жалуются: клиенты их бьют, государство им мало платит, из-за Советов живут в общежитиях и даже без прописки. В этих жалобах что-то есть. Например, в 18-м отделении милиции нам показали уборную, которая сгнила, и милиционеры, по их признанию, писать и какать выходят во двор, под деревце, там сгнили две КПЗ, поэтому предварительно заключенных держат в «обезьяннике», и они там, наверное, ходят под себя. 75-е отделение закрыла санэпидемстанция — милиция одно время работала... в автобусе.

Однако не всякого, кто страдает, жалко. Известно, что и в милицейской среде есть своя преступность. МВД СССР регулярно дает ее статистическую сводку. Конечно, и врачи умирают от болезней, но все-таки преступления в правоохранительной системе — нонсенс. Вот если бы, сказали мне, в системе МВД, как в КГБ и Министерстве обороны, была своя торговая сеть, милиционеры перестали бы ходить в магазины с черного хода. И преступная статистика сразу бы заметно сократилась. А что нужно сделать, чтобы в отделе-

ниях милиции было светло, свежо и чисто? По этому поводу никаких проектов не высказывается. Темнота, спертый воздух и антисанитария встречают любого человека, кто по своей воле или насильно переступает порог дежурной части отделения милиции. Это — стиль.

Могут возразить, что в милицию доставляют слишком много пьяных, с которыми церемониться просто смешно. Это для них — «обезьянники», заплывающие деревянные настилы вместо кроватей, смрадные КПЗ, невообразимо грязные уборные. Пьяные есть во всем мире — но где еще увидишь столь удручающую атмосферу, под покровом которой есть возможность самим работникам милиции творить всяческие безза-

кония: бить, обкрадывать, унижать, отпущать виновных и требовать «Объяснений» от пострадавших?

Милицию почему-то никто не контролирует. Наоборот, она контролирует всех нас. Чего стоит один милиционерский взгляд из-под надвинутого на глаза козырька фуражки — под этим взглядом съезжаются женщины, мужчины, дети и спешат миновать милиционера. Милиционеры в неустанном поиске сбежавших от них преступников — задержать могут любого из нас, проверят, не преступники ли мы...

Сейчас вышел закон о том, что с момента задержания граждане вправе воспользоваться помощью адвоката. Но как его воспользоваться? К кому обра-

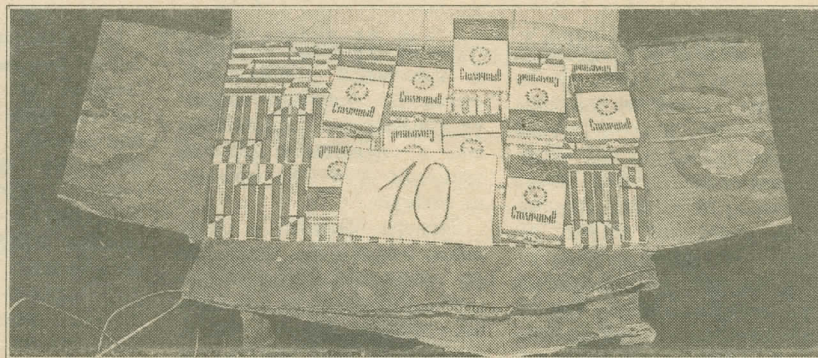
титься, чтобы позвали адвоката, если окно дежурного плотно закрыто, его танком не прошибешь, дежурный у двери на вопросы не отвечает и только усмехается глазами? Не потому ли люди бьются в окна и двери, что с ними не разговаривают, не объясняют им их положения?..

Сколько задержанных ни повстречал я в отделениях милиции в эту поездку, все, трепыхаясь, или молча — глазами, спрашивали: ЗА ЧТО? ЗА ЧТО? Но на них старались не обращать внимания, своим молчанием подавляя, как меня когда-то.

Так за что же?

МАЛЕНЬКИЙ ДЕТЕКТИВ

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ТАБАЧНОЙ ИСТОРИИ

Можно до посинения спорить, кто виноват в табачном дефиците: хозяйственный бардак или мафия. Наши непревзойденные экономика и управление преподносили нам и не такие сюрпризы. Смешно и удивляться десяткам закрытых одновременно на ремонт табачных фабрик. И все же — очень хочется найти главного супостата, который так хитро все устроил, что и оборудование враз износилось, и Болгария сорвала поставки, и Армения с Прибалтикой взялись устраивать собственные дела, забыв о нашей тяге к никотину. Найти, наказать и успокоиться до следующего «заговора».

Мне нравится быть объективной, но я также не отрицаю и «роль личности в истории».

Если бы две темные личности из светлого города Баку не запаслись драгоценным по нынешним временам куревом на сумму 3 тысячи 732 рубля 20 копеек, то 1547 честных москвичей и гостей столицы смогли бы беспрепятственно купить в один из августовских дней свои законные, тогда еще доталонные пять пачек. И еще три пачки достались бы 1548-у очереднику.

Список дефицита, изъятого в квартире, где остановились запасливые бакинцы, выглядит так:

5708 пачек «Явы»; 350 — «Столичных»; 630 — «Герцеговина Флор»; 1050 — «Космоса».

Хозяин квартиры (кстати, друг семьи одного из задержанных), ни сном, ни духом не ведавший о тайном складе, с

нескрываемой горечью признался, что именно накануне раскрытия сей тайны он три раза отстоял в длиннющей очереди, чтобы обеспечить себя куревом.

По подозрению в хищении задержан водитель грузовика, обслуживавший фабрику «Ява». Именно он передал на квартиру последнюю партию товара — 5 коробов «Явы» по 640 пачек в каждом. Правда, один из запечатанных на фабрике коробов оказался с недовложением 10 пачек. Как говорится, вор на воре едет и воров погоняет...

Меня, естественно, заинтересовала специфика милицмейской работы — поди узнай, в какой квартире какой дефицит искать. Оперативных тонкостей мне выдавать не стали, но намекнули, что в нынешней взрывоопасной ситуации некоторые машины могут быть «отслежены» от ворот фабрики до табачного киоска.

По мнению всех курильщиков, с которыми я делилась этой историей, лучшим судом для двух темпераментных южан, проходящих пока по делу в качестве свидетелей, был бы суд толпы у табачного киоска. Несомненно, эмоции курильщиков берут верх над разумом. Но расследование проводит некурящий следователь Бауманской прокуратуры Геннадий Харламов, и в его беспристрастности можно не сомневаться.

Елена САЛИНА

«Да ты что, не знаешь? Город заполнили чеченцы. Грабят, насилуют среди бела дня. А милиция поделатъ ничего не может, потому как — мафия. Страшно из дома выйти».

Из разговора в очереди.

«Чеченская» группировка обезглавлена

Охваченная ужасом, я долго не решалась выйти из дома. Но бестактные напоминания редактора и непомерно развитое чувство служебного долга все-таки выгнали меня на улицу. Я добралась до Петровки, 38 и, едва отдышавшись, задала свой главный вопрос: «Это правда?» Побеседовать со мной на злободневную тему любезно согласился заместитель начальника отдела по борьбе с организованной преступностью ГУВД Мосгорисполкома Владимир РУШАЙЛО.

Первый камень с моей души свалился сразу, как только выяснилось, что определение «мафия» в данном случае не подходит. Обычная (для моих собеседников, естественно) организованная группировка. Подобные компании людей, не слишком почитающих закон, существовали всегда: распались и собирались вновь, меняли районы расположения и формы деятельности. Просто в последние 2—3 года, с развитием кооперации, у преступников, ранее находившихся «в тени», появилось такое обширное поле деятельности, что им поневоле пришлось «проявиться».

Сейчас можно говорить о трех самых крупных действующих группировках: «люберецкой», «солнцевской» и «чеченской» (названия, разумеется, условны). У каждой из них своя территория, сферы влияния и способы наживы. Известной в недавнем прошлом «бауманской» команды фактически больше не существует.

В отличие от первых двух

групп, не брезгующих воровством и примитивной поножовщиной, «чеченская» отличается строгой «экономической» направленностью и, следовательно, рядовому труженику со средней зарплатой не угрожает.

Предвидя обвинения в оскорблении национальных чувств, спешу объясниться. Действительно, группа составила по национальному признаку. Но это вовсе не означает, что надо смотреть с подозрением на каждого москвича-чеченца.

Самыми модными стали сейчас спекуляции на национальных чувствах. Так, недавно созданная Ассоциация чеченцев, обучающихся в Москве, в ноябре прошлого года составила декларацию, в частности, с гневными выпадами в адрес милиции. Декларация, ущемляет их права, тащит за решетку «почем зря».

А в марте этого года три студента-чеченца вновь оказались в следственном изоляторе, но уже никаких претензий милиции не предъявляли. Потому что разбойное нападение на студента МГУ, вымогательство у него крупной суммы денег, фальшивомонетничество и незаконное хранение наркотиков квалифицируются уже не как «почем зря». Тем более, когда задерживают с поличным. Интересная деталь: все трое активно участвовали в выработке громкой декларации.

Основным поставщиком кадров для «чеченской» группировки являются... столичные вузы. Нет, в преступное братство спешат вовсе не дипломированные техника-

ри и гуманитарии. Туда идут провалившиеся на вступительных экзаменах абитуриенты либо отчисленные студенты, которым взятка (в среднем 5 тысяч рублей) обеспечила «место под солнцем», но не прибавила ума в голове к первой сессии.

Три основных вида деятельности до последнего времени обеспечивали безбедное существование как лидеров, так и рядовых исполнителей. Первый можно обозначить как сельскохозяйственный. Например, на полях Казахстана в изобилии растет люцерна, которая в средней полосе России в дефиците. Краденые семена люцерны скупаются по цене 7 рублей за килограмм и перепродаются (правда, очищенными) уже по 25 рублей. Так же поступают с клевером, другими культурами, которые вывозятся даже за границу. А Москва играет роль центрального банка, где производятся все расчеты и заключаются неписанные договоры.

Ничуть не меньший доход приносят коммерческие махинации с электронной техникой. Делается это так. Через подставных лиц открывают кооперативы, торгующие компьютерами, и начинают успешно наживаться и на постав-

щиках, и на потребителях. Известны случаи миллионных хищений. Вместе с тем отряды спекулянтов-оптовиков проворачивают более мелкие операции, скупая в Москве чай, кофе, конфеты, мебель, автозапчасти и многое другое. Затем с помощью водителей-междугородников все это переправляется домой, чтобы «порадовать» бешеными ценами своих же соородичей.

Третья доходная статья — вымогательство. Регулярным налогом облагаются нечистые на руку кооператоры, проститутки, торговцы «черных» рынков, «кидалы» из Южного порта. То есть те, кто не победит жаловаться в милицию. Возможный клиент предварительно изучается, идет сбор «компромата», запугивание. Поэтому, даже написав заявление, потерпевший часто наотрез отказывается давать показания, а тем более приходит в суд, что сильно осложняет работу милиции.

«А чтобы у читателей не создалось впечатления, что наш отдел занимается лишь «научными исследованиями», — подвел итог Владимир Борисович, — скажу, что арестованы 3 лидера, обладавших решающей властью, и 7 лидеров структур и боевых групп. При аресте последнего из них, 30 июля, изъято 18 газовых пистолетов. Всего за последний год привлечено к уголовной ответственности 55 активных членов «общины». Группировка пока еще существует, но фактически она обезглавлена».

Говорят, свято место пусто не бывает. Пока есть лазейки для экономических операций и люди, вынужденные скрывать свои доходы, найдутся и другие, готовые экспроприировать излишки и с выгодой для себя затыкать дыры в дефиците.

Е. АНАТОЛЬЕВА

Оперативная съемка

**Сергей
УШАНОВ**

— Наша наука простая: по Псалтирю да по Полусоннику, а арифметики мы нимало не знаем.

Англичане переглянулись и говорят:

— Это удивительно.

А левша им отвечает:

— У нас это так повсеместно.

Н. С. Лесков. «Левша»

ПСАЛТИРЬ И ПОЛУСОННИК

**НАЛОГОВЫЙ ДЕТЕКТИВ
С ТАЙНАМИ И РАЗОБЛАЧЕНИЯМИ**

Тишина... Никто вроде и не заметил, что с 1 июля мы живем уже в другой эпохе: вступил в силу и действует новый закон о подоходном налоге с граждан. Затих бушевавший на обсуждении законопроекта ураган страстей. Пожалуй, теперь можно и мне сказать свое негромкое слово. Раньше, ей богу, бесполезно, да и, что греха таить, боязно было подавать голос: когда твои распаленные соотечественники, крепко взявши один другого за грудки, выясняют, сколько с кого причитается, — тут с умствованиями не лезь. А то свободно можешь, извиняюсь, по морде схлопотать: деньги же! «О деньги, деньги...».

На этой почти что эстетической платформе и разворачивались главные сражения. Неотразимый довод критиков закона был стар как мир и прост как правда: «Много берешь!» Матерьялист поневоле, душой я на стороне возражателей, но — скажу словами поэта — протестует разум, господа.

Взглянем вначале на цифры. Со среднего заработка (примерно 200 рублей в месяц) казна возьмет 11%, с 2 000 рублей — 27%. И только сверхдобытчик, заколачивающий в месяц 20 000 рублей, должен отдавать 56% дохода. Так говорит Заратустра, тьфу, налоговая таблица. Пугающие 60%, что часто порхали над головами спорящих в налоговой перебранке, — плод некоторой путаницы. С непривычки порой смешивают совершенно разные понятия: **налог** — процентная доля дохода и **ставка налога** — приращение отдаваемой в казну суммы на каждый рубль прибавки дохода (в процентах же). По-ученому эту самую ставку, доходившую прежде до 13%, а ныне — аж до 60%, можно назвать коэффициентом наклона налоговой кривой.

Впрочем, лично мне не то что 60%, а и 11% жалкого своего дохода отдавать больно до слез. Но без толку плакать по волосам, коль голову давно сняли. Официальные (читай: успокоительные) данные говорят, будто зарплата возвращает нам в среднем копеек так 30 с каждого добытого нами работодателю-государству рубля. Неутешительная теория. А вот и практика: провозившись, например, с этими налоговыми проблемами изрядное время, пусть я напечатаю — при благо-

Рисунок А. Казанчкова

приятном расположении светил — статейку о них в крупной газете или журнале. Получу я за труды меньше, чем полкопейки с каждого заработанного на мне издателем рубля. Моя доля в доходах — 0,5%. Каково?

Об этом форменном грабеже мы почему-то забыли. Не вспоминаем и про то, что первое же посещение магазина — с твердыми пока ценами — мгновенно превращает наши скудные проценты дохода в промилле: цены на многие товары и сейчас гораздо выше себестоимости (бывает — в десятки раз, бывает — в сотни). О таком сверхналоге молчим, а о несчастных подоходных 11% какой крик подняли — хоть уши затыкай.

Так что же — хорош новый закон? Увы, плох. Коряв, неказист, неумел — и настолько, что, будь я тираном сталинского пошиба, не удержался бы и приказал его творцов сей же час арестовать. Но расстреливать бы не стал, а, заточив в глухие лубяньские подвалы, заставил бы в наказание выучить и сдать неподкупной тройке ОСО хоть простенький шкслный курс основ информатики и вычислительной техники. Ибо на этих именно уроках наших недорослей учат нынче приемам национального обращения с информацией, обыкновенной логике, наконец.

Это, разумеется, шутка. Знакомство совбюрократа с модной информатикой на деле дает совсем другой результат. Отсидев немало рабочих дней на курсах (казна платит за своих любимых деток иногда по 30—40 рублей в час), интеллектуально обогатившийся столоначальник научается разъяснять, что да, в прошлом имели место случаи недообдумывания отдельных вопросов по его линии, но все-не из-за лени и глупости, как полагают писаки-очернители, а лишь по причине отсутствия самого дорогого компьютера.

Школяров сегодня учат: алгоритмы, компьютерные программы, равно как и программы для людей (то есть законы, инструкции), должны быть составлены четко, стройно, понятно. Они не могут допускать многозначную трактовку или содержать логические противоречия. Это азы. Текст же нового налогового закона (см. «Известия» от 5 мая 1990 года) пестрит примерами прямо противоположного свойства. Не могу удержаться от цитирования. Вот, скажем, пункт 2 статьи 3.

«Подлежащий налогообложению доход уменьшается на:

а) суммы, перечисляемые по заявлениям граждан из причитающихся им к выплате предприятиями, учреждениями и организациями доходов в... отделения Советского детского фонда...

б) суммы взносов на перечисленные в подпункте «а» настоящего пункта цели, производимые гражданами из доходов, подлежащих налогообложению налоговыми органами, в размерах не более суммы дохода, учитываемого при налогообложении за соответствующий календарный год».

Понимаю, что предлагаемое мной занятие не из приятных, но все-таки еще раз прочтите вдумчиво подпункт «б», этот маленький шедевр бюрократического пера. Я говорю не о грамотности законодателя (читаем: «цели, производимые гражданами из доходов» — ?! — или: «подлежащих налогообложению налоговыми органами» — какими же, скажите на

милость, иными органами может вестись налогообложение?). Тут дела посерьезнее корявости слога. Логика заставляет делать из текста закона удивительные выводы. Например, такой: полученные от предприятия доходы... налогом вовсе не облагаются. Смотрите сами: подпункт «а» говорит о пожертвованных из доходов, полученных человеком от предприятия, учреждения и т. д. А подпункт «б», как бы закрывая не охваченную еще область, добавляет и о других взносах — из других доходов. Каких же доходов? «Подлежащих налогообложению». Яснее, по-моему, не скажешь.

Очарователен и пассаж «в размерах не более суммы дохода...» Главное слово «в размерах» грамматически не связано ни с чем (оно тут вроде междометия), поэтому совершенно непонятно, к чему, собственно, прилагать оные «размеры». К жертвуемой части дохода? Но, коль известно, что гражданин денег сам не печатает (а ежели печатает, по напечатанным законопослушно вносит их в налоговую декларацию — тоже доход), как же это ему удастся столь щедро благотворительствовать, что его жертвования могут превышать весь полученный за год доход?

Читая далее, замечаешь, что стиль общения законодателя с нами, законополучателями, живо напоминает деловой разговор барыни с придурковатой «куфаркой», которой каждую вещь непременно нужно поименовать отдельно, чтоб поняла и ничего потом не перепутала: «Ты, Фекла, смотри у меня только не побей стаканы, рюмки, чашки, тарелки и все бьющееся». В столь же доходчивой манере составлен и новый закон: «...Привлекаются к уплате налога: а) авторы произведений... б) авторы переводов... в) авторы открытий... г) граждане, осуществляющие редактирование... д) другие граждане, которые... получают авторское вознаграждение...» Нормальному — не придурковатому — читателю достаточно было бы сообщить лишь последний из старательно перечисленных авторами закона пунктов: он заменяет собой все. Однако законодатель в нормальности нашей явно не уверен.

Я бы даже сказал определеннее: он, видимо, уверен в обратном. И тому есть превосходный пример. Вот после долгого и путаного введения законотворцы раскрывают перед нами таблицу налоговых ставок (статья 8) — это святая святых закона. Разглядим ее повнимательнее, чтобы запечатлеть в памяти: как-никак по ней придется с казной рассчитываться. Таблица оказалась склеена почему-то из двух не похожих одна на другую частей. Вторая ее половина выглядит вполне естественно: интервалы месячных доходов, а рядом — формулки (в три арифметических действия) для расчета налога. Налоги на все случаи жизни, если доход больше 150 рублей в месяц, описаны всего семью строчками. Что ж — экономно, стройно, четко. Просто приятно видеть такую хорошую работу.

Но, боже, что это стряслось с нашим законодателем, когда он составлял первую половину таблицы? Его тут будто подменили. Словно намеренно забыв и про свою четкость, и про экономию, он с неожиданной, с ростовщицкой какой-то скаредностью вдруг перебирает богатства по рублику, трясающейся

рукой вписывает всякий рубль прибавки дохода в отдельную непровержимую строку: со 101 рубля дохода — платит столько-то копеек, со 102 рублей — столько-то, со 103 рублей — столько-то... Так он методично доковылял до 150 рублей, растравив на целых полсотни строк то, что требовало всего-то пары строчек.

Знакомый профессор выдвинул остроумную гипотезу: предполагалось, что на зарплатах в 100—150 рублей могут сидеть одни лишь умственно неполноценные. Ergo, сему спецконтингенту требуется персональное разъяснение про каждый отдельно взятый рубль. Иначе что-нибудь да напутают, а казна терпи из-за них убытки. Я не мог согласиться. Ну, во-первых, законодателю не хуже нас известно, что на глубоком финансовом дне тут обычно обретаются как раз самые полноценные и образованные. Во-вторых, простым гражданам, хоть и полноценным, налог самостоятельно рассчитывать никто не позволял и не позволит. Еще чего! Не Америка.

М-да... Действительно — тайна, покрытая мраком. Вот и в другом новом законе (о налоге «бездетном», опубликованном в том же номере «Известий») снова та же детективно-бюрократическая загадка. Тут уж вся обширная таблица, занявшая в газете целый маленький «подвал», легко заменяется одной-единственной строкой, и ясности от этого только прибавляется. «Ой, дурить нас!» — справедливо заключает в таких случаях наш народ-языкотворец...

Когда-то давным-давно ради того, что именуется социальной справедливостью, государство наше избрало принцип так называемого прогрессивного налогообложения. Расхожий политический термин имеет здесь вполне простой смысл: налоговая ставка в целом растет с ростом дохода. (Словечко, впрочем, достаточно богатое, что и позволило родиться остроте: «Наш налог — самый прогрессивный в мире».) В пределах второй — ясной — половины налоговой таблицы это на самом деле так: коэффициент наклона кривой, о котором говорилось выше, сперва равен 13%, потом — 15%, 20% и т. д. до 60%. «Прогрессивно, Григорий?» — «Прогрессивно, Константин!»

В первой же половине таблицы — в той самой, непонятной, загадочной — с налоговым прогрессом случился маленький казус. Если попросту взять да подсчитать на счетах коэффициент наклона, то неожиданно обнаружится, что вместо плавного повышения он, вероломный, отплясывает здесь буйный танец. Для доходов в 101—130 рублей коэффициент подскакивает сразу до 29%, для доходов в 131—150 рублей и того пуце — 30%. После 151 рубля он, попадая в спокойную половину таблицы, утихомиривается, снижается до 13% и начинает постепенно расти, теперь уже свято блюдет предписанную нашему налогу прогрессивность.

Ничего ужасного в этих прыжках коэффициента нет: законодатель вынужден был круто загнуть налоговую кривую вниз, чтобы совсем освободить от налога самых бедных — тех, чей месячный доход не превышает 100 рублей. Цель благородная, ею бы следовало гордиться, а не скрывать... Но — страдал его величество принцип: заранее

объявленный самым прогрессивным, налог стал в начале шкалы доходов, как бы это поделикатнее сказать, немножечко регрессивным. Слово другое. Нет, извините, не слово — принцип! Мы не можем поступиться принципом. Мы ведь за его незыблемость кого хошь жизни лишим. Сами насмерть стоять, голодать будем, а принципов своих не отдадим.

И пришлось несчастному опутанному догмами законодателю пускаться на манипуляции: чтобы постыдную регрессивность нового налога замаскировать, выдумали раскатать пару злосчастных строк в огромную таблицу. И фиговый листик — и вроде как забота о простом человеке: глянь, милый, тут тебе все через каждый рубль расписано — пользуйся. Нечего, понимаешь, в «кифициенты» заумыне углубляться. Веселись, мужичина!

Бог мой, да за кого ж они нас принимают?..

Раз уж мы заговорили о ре- и прогрессивных налогах, надо бы обсудить эту тему чуть подробнее. Прогрессивный налог применяют во многих странах. В самой Америке он таков — а по нынешним временам эталоном официально, пожалуй, не сыщешь. В основе этого принципа лежит практическое соображение биндюжника, что больше взваливать нужно на ту лошадь, которая везет. Плюс резонное умозаключение, что умножение доходов отнюдь не требует эквивалентного умножения затрат и усилий. Но выбором принципа налогообложения всегда решается не тактическая задача, а стратегическая. Заткнуть дырку в бюджете государство может любым налогом — и ре-, и прогрессивным, и пропорциональным (промежуточным). От типа же налога будет зависеть нечто более важное — развитие производительных сил, как сказал бы старик Маркс. А значит, успешность, устойчивость экономики, да с нею и всей жизни страны. Тут государственным мужам требуется немалая дальновидность, дьявольская интуиция и — расчет. Расчет!

Возьмем простой пример. Всяк, кто не окончательно забыл, чему учили в школе, сумеет доказать примитивную теорему: при прогрессивном налоге месячная сумма выплат работников завода, кооператива и т. д. в казну минимизируется равномерным распределением общего дохода по налогоплательщикам. Если вы начальник, то есть если в вашей власти как угодно расписать общий доход ваших подчиненных по реальным, а то и фиктивным работникам, вам (и им, подчиненным, тоже) выгоднее всего будет как бы разделить доход точно поровну. «Как бы» — потому что дележка поровну будет не на деле, а лишь в отчетных налоговых бумагах. А общее число работников выгоды сделать как можно большим. Этим обманым приемом вы сохраните максимальную часть дохода своих сотрудников от посягательств казны, а уж там распределяйте полученную «прибыль» между работниками как пожелаете. Каждый участник такого преступного альянса получает реальную выгоду, поэтому и содействовать станут, и язык держать за зубами будут. Я не утверждаю, что так уже где-то делается или будет делаться завтра. Просто такова тенденция этого типа налога, таков объективный экономический закон. А закону объек-

тивному — например, тяготения — подчиняется даже совсем глупый камень: всегда катится с горы и никогда в гору.

При таком развитии событий официальная статистика станет радовать нас сводками о сужающемся разрыве доходов населения, хотя на деле будет наоборот. Занятость в отчетах будет полной, а в действительности все больше станет появляться безработных, лишь числящихся работающими и живущих продажей своего имени в чьи-то налоговые реестры. Из-за искаженной статистики органы управления начнут принимать все более неадекватные решения — в общем, государство пойдет потихоньку вразнос. Трагический исход тем вероятнее, чем сильнее выражена «прогрессивность» налога. Раньше налог был у нас прогрессивным только формально (для большинства людей — практически пропорциональным), а с 1 июля стало совсем иначе.

«Но в Америке налог тоже прогрессивный...» — возразит мне читатель. Что Америка? Далеко Америка! — отвечу я с интонацией гоголевского почтмейстера Шпекина. Совсем не так уж схожи мы и американцы, чтобы всякий раз с ними равняться. У нас и у них, например, совершенно разное отношение человека к той надстройке, что именуется государством. И это, несомненно, связано с разным отношением наших государств к человеку. Мы отсидели семь долгих десятилетий в школе ненависти, а такие уроки чего-нибудь да стоят. Обмануть «родное» государство, украсть, урвать у него кусок помястее давно уж для нас есть дело чести, дело доблести и дело славы. В этой маленькой разнице между нами и ими американцы теперь могут воочию убедиться, наблюдая с близкого расстояния нравы новой русской колонии на Брайтон-Бич. Вот бы и нам для пополнения образования завести тут такой же зверинец из настоящих янки... Жаль, экспонаты не поедут.

Конечно, описанная мною модель слишком груба и годится только как иллюстрация. Я ведь не собирался решать здесь задачи реального прогнозирования (для этого у нас есть люди поумнее и повыше оплачиваемые — академики, депутаты, — а я свои полпроцента дохода и так уж с лихвой отработал). Мне важно было показать, что любое существенное социальное действие требует вдумчивого и обязательно количественного анализа последствий. А вот демагогию, «выбивание» сословных льгот, притворные слезы и прочие атрибуты более чем знакомого нам политического балагана лучше бы оставить — побережь для будущих партсобраний (самых разных партий).

Наши налоговые дела вообще удивительны. Сперва мы раскидали «от фонаря» зарплаты и ставки налога, а затем нанимаем огромную армию бухгалтеров, чтобы они дни напролет считали, пересчитывали, возились с налоговой таблицей, требовали разные справки, снова пересчитывали и снова требовали. Если законодатель не любит пропорциональный налог, где и считать-то нечего, так выбрал бы хоть какую-нибудь удобную функцию вроде квадрата, значения которой есть даже в школьных таблицах Брадиса. Сколько бумаги, сколько денег сэкономила бы стране эта еретическая мысль! Впрочем, нынче есть ко-

мпьютеры, значит, мыслить теперь можно вовсе перестать. А мы, видно, давно уж перестали — опередили эпоху...

Светлым пятном налоговых торжищ, сотрясавших Кремль, было лишь выступление депутата Н. В. Карлова (ректора МФТИ). Он прекрасно понимал ценность более рациональной процедуры исчисления налога — и для планирования, и для сокращения бесполезных расходов, идущих на поддержание жизни бухгалтерского перпетуум-мобиля. Жаль, что убеждателем ученый оказался плохим: предложенное им «двухпараметрическое семейство» налоговых функций не вызвало энтузиазма у остальных депутатов. Кто-то даже попенял, что больно-де шибко сложное выдумывают академики — простому человеку и не понять. Ведь простым людям в деньгах нужна ясность. Потому-то Верховный Совет и принял в конце концов не двухпараметрические семейства какие-то, а нормальный закон, анализу ярких фрагментов которого посвящено начало статьи. Пиввица домыслов научных была вновь повержена в прах, и опять восторжествовали наши вечные Псалтирь и Полусонник.

Да что автор заладил про Полусонник этот самый? Что это за Полусонник такой вообще?.. Англичане, между прочим, о том же в свое время левшу спрашивали. И вот как он им ответил.

— Это, — говорит, — книга, к тому относящая, что если в Псалтире что-нибудь насчет гаданья царь Давид неясно открыл, то в Полусоннике угадывают дополнение.

Они говорят:

— Это жалко, лучше бы, если б вы из арифметики по крайности хоть четыре правила сложения знали, то бы вам было гораздо полезнее, чем весь Полусонник...

Левша согласился.

— Об этом, — говорит, — спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные.

...Так по сей день и живем.

В середине сентября совместное советско-венгерское предприятие «Микроинформ» отметило не то чтобы юбилей, но вторую годовщину со дня рождения. Сфера его деятельности: разработка программного продукта, обучение пользователей, поставка компьютеров.

Как водится, именинник пригласил к себе гостей. Вернее, не к себе, а в Центр международной торговли — на персональную выставку.

— Практически мы подводили итоги за прошедший год, — говорит генеральный директор «Микроинформа» Борис Фридман. — И рассказывали о планах на будущее. Надо сказать, нам очень повезло с учредителями. Это венгерский «Телефондьяр» и советский Центральный межведомственный институт повышения квалификации в строительном комплексе. Повезло, потому что они абсолютно не мешают нам работать, что по нынешним временам редкость.

Предыдущий владелец, испытывая финансовые трудности, ничего с ним не делал и не хотел делать. Здание было попросту брошено. Крыша наполовину разрушилась, все заливалось дождем и заносилось снегом. Мы взялись за два года дом восстановить и достроить. Привлекли строительный кооператив «Наследие», все отделочные работы будут вести чешские строители. Стоимость работ из-за очень жестких сроков и плачевного состояния здания составила 3 млн инвалютных рублей. Здесь кроме офиса нашей фирмы мы откроем районный компьютерный центр, причем услуги населению будем оказывать бесплатно. Появятся также спортивно-тренажерный зал, зал для выставок.

К чему так подробно расписываю? Да к тому, что после известного постановления Моссовета все ранее выданные ордера ликвидированы и мы оказались в подвешенном состоянии: ведем интенсивное строительство, но

«ВАЛЮТА или ЖИЗНЬ!»

Такой выбор встал перед многими совместными предприятиями

Они смотрят на нас правильно — не как на филиал, а как на равноправного партнера. Мы самостоятельное предприятие — очень здоровая ситуация. У нас сегодня деловые отношения со многими фирмами: из ФРГ, Швейцарии, Англии, Западного Берлина, Италии, Сингапура, Тайваня, Канады, США, Японии, Австралии.

— Вы работаете на советский рынок?

— Исключительно. Есть точка зрения, что цель создания СП — получение экспортной продукции. Мы так не считаем. Сегодня на своем рынке столько дыр, что их только закрывать и закрывать. Другое дело, надо стараться создавать продукцию на уровне того, что можно было бы поставлять на западный рынок. А для этого надо привлекать передовые технологии и инвестиции. Но добывание валюты не должно быть самоцелью. Это ведь как с зерном. Собственное гниет, а мы из кожи вон лезем, чтобы купить чужое за валюту.

Если СП нацеливать на «заколачивание» валюты, то оно лишь через два года начнет делать отчисления в бюджет. А до тех пор (да и потом частично) валюта идет западному партнеру. По-моему, лучше ориентироваться на производство продукции здесь и критерием эффективности считать количество заказчиков в Союзе.

Вот мы, допустим, занимаемся той продукцией, которая дефицитна у нас, а на Западе ее в избытке: разработкой программного продукта для персональных ЭВМ и обучением пользователей. Это дело хлопотное, и не могу сказать, что с коммерческой точки зрения оно самое эффективное. Но мы изначально не хотели пользоваться сегодняшней конъюнктурой — уповая на голую поставку, торговлю компьютерами. И то, что производим сами, мы реализуем за рубли. А за твердую валюту продаем лишь те компоненты, которые приобретаем за рубежом.

— Вы строите новое здание и, видимо, через полгода переедете в его стены. Но и платить за аренду и коммунальные услуги, судя по всему, будете «по-новому»?

— Очень болезненный вопрос. В свое время Моссовет выдал нам ордер на помещение на улице Островского. Этот дом прошлого века был к тому моменту в жутком состоя-

пока не понятно, с кем предстоит иметь дело — с городом или районом. Получается юридическая дикость. Мы что, сейчас строим нелегально? А если с домом что-то, не дай Бог, произойдет — нечаянное бедствие, — кто несет ответственность? Что происходит? Я понимаю, что это из серии казусов, и вполне лояльно отношусь к новому прогрессивному Моссовету, но такова реальность.

Или вот недавно нам было сказано: вы должны за все платить в валюте. Мы восстанавливаем — и для города тоже — развалившееся здание, а нам говорят — будьте любезны, платите полмиллиона долларов аренды за это самое здание. Нонсенс. Мы отказались подписать договор, он не на уровне здравого смысла. Мы же вкладываем 3 миллиона! Значит, наоборот, нас надо на 6 лет освободить от арендной платы. Мы опять выходим на то, с чего начали! Нужна валюта? А зачем? Чтобы искать за кордоном людей, могущих сотворить конкретное волшебство (по нашим понятиям, разумеется).

Какие у города, у района проблемы? Давайте мы их будем решать сами или в кооперации с соседями. Нужно отремонтировать школу? Мы ее возьмем под свою опеку — это конкретное дело. А самое простое сказать: вот за это столько в валюте, за это — столько. И сидеть ждать, когда принесут. И не знать, что с этим делать.

Мы же предлагаем вместе зарабатывать! Району своему предлагаем. Приглашаем в партнеры — строить гостиницу. Наш вклад — деньги, его — земля. Давайте работать как полноценные партнеры и получать валюту за эксплуатацию гостиницы — это нормально.

Естественно, то, что я говорю, относится к СП, не превратившимся в представительства западных фирм, созданным ради получения банковских счетов и «эспешных» льгот, а к тем, кто продает продукцию за рубли. Но их хотят обирать в валюте и тем самым подталкивают к продаже на валюту производимого продукта.

Евгений ЦИРЛИН

Фото Э. Кудрявниченко

ЧАЙ С ТАЛОНОМ

Помните, как это начиналось в Москве? Уж что-то, а сахар в продаже был всегда — сколько угодно, где угодно, когда угодно. И вдруг... Впрочем, произошло это не столь уж и внезапно. В прошлом году сахарная талонизация начала охватывать один город за другим. Наконец «пал» Ленинград. И тут шквал покупательского спроса со всей страны обрушился на Москву. Суточное потребление сахара с обычных для столицы шестисот с небольшим тонн возросло до двухсот тысяч. С прилавков и из подсобок сметались все сахарные запасы. Магазины, где его «выбрасывали», можно было определить по длиннющим, вдоль всей улицы, очередям. И тогда появились талоны. Апрель прошлого года...

— Это была вынужденная, чрезвычайная мера, — спокойно повествует заместитель генерального директора Мосгорторга В. В. Жилинский. — Талоны были не выдумкой Мосгорторга или Моссовета, а защитной мерой по отношению к покупателю. И его мы защитили, гарантировав каждому необходимое количество сахара. Сегодня его среднесуточное потребление по талонам — 650 тонн. Этого вполне хватает.

Да, пожалуй, тогда многие из нас вздохнули с облегчением. Тут же пропали клубящиеся очереди, каждый обладатель талона мог спокойно подойти к прилавку и взять положенные ему два килограмма. Острота сахарного бума, этого чрезвычайного положения, была мгновенно снята при помо-

щи бумажек с обозначением на каждой названия месяца. Чрезвычайная мера — осталась. Талоны на сахар стали обычной и устойчивой приметой нашего быта.

— Система прижилась, — удовлетворенно отмечает Валентин Владимирович, — она оправдывает себя, и нареканий со стороны покупателей мы не слышим.

Вот он, печальный и сокрушительный итог наших чрезвычайных мер: система прижилась!

Ну а чем она так уж плоха, эта самая талонная система? — может спросить рядовой покупатель. Ведь не от хорошей жизни стали печатать эти бумажки. Все знают, что у нас всего не хватает, а талоны, по крайней мере, гарантируют покупку товара, и это

удобно человеку.

Насчет гарантий — чуть ниже. А насчет того, кому это удобней...

Сегодня ко всем нашим большим и маленьким несвободам прибавилась и эта — продажа товаров по талонам. Для москвичей это пока лишь талоны на сахар, список же «талонных» товаров в других регионах страны достаточно широк. Введение этой системы посягает на главную свободу покупателя — свободу выбора. Даже при обвальных наших дефицитах остается у нас еще крохотная возможность — купить или не купить тот или иной товар. Но если у вас на руках талоны, ни о какой свободе выбора речи нет, вы обязательно — даже если этот товар не нужен вам сейчас, все равно, — обязательно купите его. Таким образом государство включает нас всех в тотальную систему распределения, планируя за нас повседневную нашу жизнь, пусть даже в такой частности, как количество сахара, которое нам надлежит купить и съесть.

Мы говорим о сахаре потому, что пока лишь только его покупают москвичи по талонам. Пока... Кто-нибудь знает, какие талоны настигнут нас завтра? В Мосгорторге, похоже, не знают. «Ну, сейчас трудно предсказать...» — было ответом на мой вопрос. Впрочем, талонная система уже вводится при торговле табачными изделиями, да еще и так замысловато: сахарные талоны за декабрь можно отоварить в сентябре сигаретами, а можно — тем же сахаром в декабре.

И это еще не самый большой абсурд талонизации. Вот интересный пример. Каждый житель Риги получает ежемесячно лист с отпечатанными на нем сорока семью талонами. По номерам: первый на мыло, второй на порошок, четвертый и пятый — напитки. Так вот, если вы не хотите покупать «напитки», на эти талоны можно приобрести... альтернативные товары. Да, да, так они и называются, в полном согласии с перестроечной лексикой — альтернативные. Список их меняется в зависимости от того, что в данный момент попадает в разряд особо дефицита. Фантастическая задумка! Вполне логично, впрочем, вписыва-

ющаяся в нашу абсурдную систему распределения. И нас еще пытаются уверить в том, что она удобна.

— Система талонов вводится для защиты покупателя, — повторяет В. В. Жилинский. — Вы думаете, она нужна нам, Мосгорторгу? Для нас это лишь дополнительные заботы. Печатание и распределение талонов, усложнившаяся система бухгалтерской отчетности — все это не приносит нам никакой экономической выгоды, а хлопот прибавляет. Для удобства населения мы разрешили отоваривать сахарные талоны до десятого числа следующего месяца, хотя нам лучше бы отчитываться к первому числу...

Итак — удобство для покупателя? Скорее, для себя. Печатающая талоны, государственные учреждения заботятся в первую очередь о собственном спокойствии. Введя талоны на сахар, государственные чиновники на время сняли возникшую напряженность, ничего по существу не сделав для того, чтобы увеличить производство этого продукта. В идеале предполагалось стабилизировать положение, а затем заняться модернизацией сахарных заводов, увеличить, возможно, импортные закупки, расширить плантации и поднять урожайность сахарной свеклы... Но медлительна и неповоротлива государственная машина. И мы, включенные в систему талонного распределения, смирием своим помогаем государству быть медлительным. Оно ведь уже произвело работу — ввело талоны. А теперь учрежденческие служащие могут неторопливо заниматься служебной перепиской по данному вопросу, вводить новые формы бухгалтерской отчетности...

Ну, хорошо, а как же все-таки, не прибегая к талонам, дать покупателю необходимые товары? Да очень просто: увеличив их производство. Ничего себе просто! — воскликнут многие. Ну, конечно же, это сложнее, чем отпечатать очередную порцию талонов. Но ведь были, были примеры, когда именно таким образом снимался дефицит. Помните давнишнее уже исчезновение постельного белья? А еще тот, предыдущий дефицит посуды? Ликвидировали же тогда эти провалы без

введения талонов: нарастив производственные мощности, резко увеличили выпуск продукции. Не вводили в Москве талонов и на стиральные порошки. Но как же велик соблазн талонизации, если даже серьезные экономисты как о реальности говорят о карточной системе!

Да, ни Моссовет, ни Мосгорторг товары и продукты не производят. Но в их власти, в их компетенции воздействовать на производителей, применив меры экономического характера, разработать которые, конечно же, несравненно сложнее, чем перебросить декабрьские сахарные талоны на покрытие сегодняшнего табачного дефицита. Сложно, но зато какое благодородное поле деятельности! Настоящей, а не бумажной.

Введение талонов действительно снимает напряженность — как это и произошло в Москве в апреле восьмидесяти девятого. Но — только на первом этапе. А дальше? Казалось бы, за полтора года устойчивого потребления можно было бы увеличить производство сахара и отменить эту чрезвычайную меру. Увы! Летом прошлого года на талоны выдавали по три килограмма сахара. В этом году по два — фонды уменьшились. Валентин Владимирович Жилинский говорил о том, что талоны дают покупателю гарантию. Но если в первое после введения талонов время сахар можно было спокойно купить в любом бакалейном или хлебном магазине, то теперь для этого надо побегать — то в одном, то в другом районе города он периодически исчезает.

Не хочу сеять панику, но знаете, какая информация ненароком вырвалась у работников Мосгорторга, когда я беседовала с ними о «гарантированной» талонной системе? Запасы сахара в городе подходят к концу. Торговля в ожидании, когда Украина уберет и переработает весь свой урожай сахарной свеклы. И возможно, в октябре мы не сумеем отоварить наши талоны...

Елена БОЛДЫРЕВА

ПРЕСС-МЫШЕЛОВКА

ЧУДЕСА...

«До самого утра не могли уснуть вчерашней ночью жители села Мадаево Горьковской области. Весь вечер и часть ночи они провели у дома электромонтера районного отделения связи И. Цыганова, где

на протяжении целых семи часов наблюдали аномальное явление... Свеча «поднялась» в воздух... «Ходуном» заходили и немногочисленные продукты питания, хранившиеся в кастрюлях, коробках и вазах, — картошка, пряники, яйца. Они носились по комнатам, целенаправленно метили в спальни...» («Московская правда», 2 сентября 1990 г.)

...ИЛИ ЛЕТАЮЩИЕ ЯЙЦА

Ничего аномального в этом явлении, конечно, нет. Обычный полтергейст. Сколько уж раз мы про это читали — и как предметы перемещаются, и про самовозгорания... Явления полтергейста в различных регионах страны, как правило, усиливаются с наступлением подписной кампа-

нии, и это, видимо, тоже объяснимо. Тут другое непонятно. Насчет «немногочисленных продуктов питания». О какой «немногочисленности» может идти речь, если летающие яйца исчисляются десятками? Поставить бы полтергейст на службу человеку — перебросить несколько крупных партий яиц на прилавки московских магазинов!..

А вообще заметка хорошая. Как сказала на первой странице этого же номера Анна Андреевна Макушина, преданный подписчик газеты, «в «Московской правде» много интересной информации. Желаю ей еще большей правды о жизни».

Государственная торговая инспекция, пожалуй, единственная организация в системе государственной торговли, которая не словами, не бумагами, а делом защищает интересы покупателя. Полное ее название — Государственная инспекция по качеству товаров и торговли.

Очень жаль, что любая государственная инспекция, в том числе и торговая, не является независимой полностью — она входит в состав того министерства, работу которого и инспектирует же. Так было когда-то задумано, чтобы снизить роль государственного контроля. Но сейчас, как никогда прежде, особенно хорошо видно, до чего же старая структура несовершенна. Она лишь способствует произволу ведомств над потребителем. Государственный инспектор должен быть независимым, и его мнение для кооператора, государственного служащего, ча-

стного предпринимателя, арендатора или целого акционерного общества должно стать непререкаемым.

Государственная инспекционная служба сильно развита в Америке, Франции, ФРГ — во всем цивилизованном мире. Она препятствует не только выпуску товаров низкого качества (что во всем мире человек обычно обнаруживает после покупки), но и недоброкачественных лекарств, автомобилей, самолетов — всего того, без чего современные люди обходиться не могут, но что каждую минуту может стать нашей погибелью.

Между Государственной торговой инспекцией по качеству товаров и торговли гор. Москвы и отделом социально-бытовых проблем еженедельника «Столица» достигнута договоренность о регулярной публикации материалов обследования московских магазинов. Сегодня мы начинаем

дартными оказались всего 25 процентов, нестандартными — 63,5 процента и отход — 11,5 процента. Было также пересмотрено качество арбузов, в которых отхода оказалось 10,9 процента вместо 1 процента, указанного в накладной. Завышена была кондиция и на свежую капусту. В магазине № 60 Октябрьского района 16 августа продавали фасованный картофель низкого качества. Он был получен в количестве 960 килограммов — и тоже якобы 100 процентов стандарт. Фактически в одном купленном пакете картофеля оказалось 30 (тридцать!) загнивших клубней.

В результате страдают покупатели, вынужденные брать нестандартную продукцию по цене стандартной, а дома ее выбрасывать.

В магазинах Первомайского района в конце июля снято с продажи 3,2 тонны овощей и 19 тонн фруктов. На базе Главмосплодоовощпрома Калининского района забраковано 3500 килограммов соленых помидоров, которые не соответствовали требованиям ГОСТа и были приготовлены с нарушением действующих рецептов.

Из 12 магазинов в Таганском районе в каждом втором в продаже имелись те или иные товары неудовлетворительного качества. И в каждом втором магазине Кунцевского района покупателям продавали овощи, не соответствующие стандарту.

Факты продажи продукции неудовлетворительного качества установлены в 46 из проверенных 107 магазинов...

Теперь — о ценах. Депутаты Кунцевского райсовета 14 августа приняли неправомерное решение № 1436 «О разрешении продажи плодоовощной продукции на условиях безыбыточной реализации». Естественно, оно было немедленно отменено горисполкомом! Тем не менее при проверках 23 и 24 августа в магазинах этого района продолжалась торговля по неустановленным ценам. В некоторых магазинах помидоры шли по 1 р. 50 коп. за килограмм вместо установленной цены 70 коп., картофель — за 50 коп. вместо 40, репчатый лук — по рублю вместо 70 коп., морковь и вовсе чуть не вдвое дороже: вместо 35 коп. килограмм — за 65 коп., свекла вместо 25 коп. — 45 коп. Отмечены факты, когда одни и те же овощи в магазинах продавались по трем разным ценам!

Депутаты Калининского райсовета никаких неправомерных решений не принимали, но и там попался магазин № 46, где зеленые помидоры продавали по 70 коп. вместо установленных 10 коп. Немало подобных фактов в магазинах и других московских районов.

Но перейду к прямому обсчету покупателей. Из 107 проверенных овощных магазинов факты обмана установлены в 58, то есть в каждом втором.

По результатам проверок Госторгинспекцией направлены материалы на 25 человек — в административные комиссии районных исполкомов для наложения штрафа, а на 15 человек — в следственные органы для расследования и привлечения к уголовной ответственности.

«Разговор государственного инспектора с читателем»

Его ведет начальник управления Госторгинспекции
гор. Москвы Галина Борисовна БЕЛОВА

Московским городским управлением Госторгинспекции в июле-августе 1990 года проверена организация торговли овощами и фруктами в 107 магазинах восьми районов — Калининского, Октябрьского, Таганского, Кунцевского, Первомайского, Куйбышевского, Черемушкинского и Сокольнического. В связи с поступающими жалобами проверялись отдельные магазины и в других районах города.

У овощных прилавков города два хозяина: Главмосплодоовощпром и Мосгорторг. Анализ проверок показал, что специализированные овощные магазины снабжаются лучше, чем овощные отделы в продуктовых магазинах.

Так, 14 августа на складах Главмосплодоовощпрома Калининского района имелись 12 наименований плодоовощей. Однако в овощные отделы

продуктовых магазинов поставлялось всего 5 наименований, а в «свои» магазины — все 12. В Таганском районе в пяти магазинах Главмосплодоовощпрома ассортимент был широким, от 11 до 14 наименований, в то время как в магазинах Мосгорторга — от 4 до 5...

При проверке установлены многочисленные случаи, когда районные базы поставляют в магазины продукцию низкого качества, кондиции, не соответствующей указанной в накладной. Например, в крупный магазин Таганского района, который снабжается лучше, поскольку он относится к Главмосплодоовощпрому, 14 августа поступило 2071 килограмм помидоров в такой кондиции: стандарт — 75 процентов, нестандарт — 20 процентов, отход — 5 процентов. Но после пересмотра качества помидоров стан-

Из Литвы выселяли дважды. В несколько приемов. В сорок первом вывозили интеллигенцию: учителей, врачей, инженеров... По Указу. На вечное поселение. Потом война. Именно поэтому, наверное, продолжение этой «акции» было отложено. В сорок восьмом грянул новый Указ. Настала очередь крестьян. Сценарий старый, проверенный...

Теперь Верховный Совет СССР собирается реабилитировать народы, «подвергшиеся» в годы сталинизма... Все собирается и собирается. «Реабилитировать народы». Вдумайтесь в это словосочетание. Бред какой-то!

Тем не менее — это наша жизнь. И скоро мы дождемся, что высший законодательный орган объявит: «Народы не виноваты! Зря их так!» Ура! Вот только не знаю, коснется ли это прибалтов. Ведь геноциду-то подвергли не весь народ, а так, какие-нибудь 350 тысяч из трех республик. Да и руководствовались при этом классовым признаком. Так что, может, это и не геноцид был вовсе?

Литва первой перестала оглядываться на «старшего брата». Движение, начатое литовским «Мемориалом» — «Тримтинисом» и Союзом ссыльных, получило поддержку литовского правительства. Совет Министров почти два года назад издал постановление: каждый родственник угнанного в Сибирь литовца вправе получить на месте своей работы отпуск и полторы тысячи рублей денег для перевозки праха родных и перезахоронения его на родине.

Первые группы литовцев, приехавшие выполнить завещание своих замученных на чужбине предков, появились в прошлом году в Игарке, Улан-Удэ, Иркутске. Приезжают семьями: дети, внуки, братья...

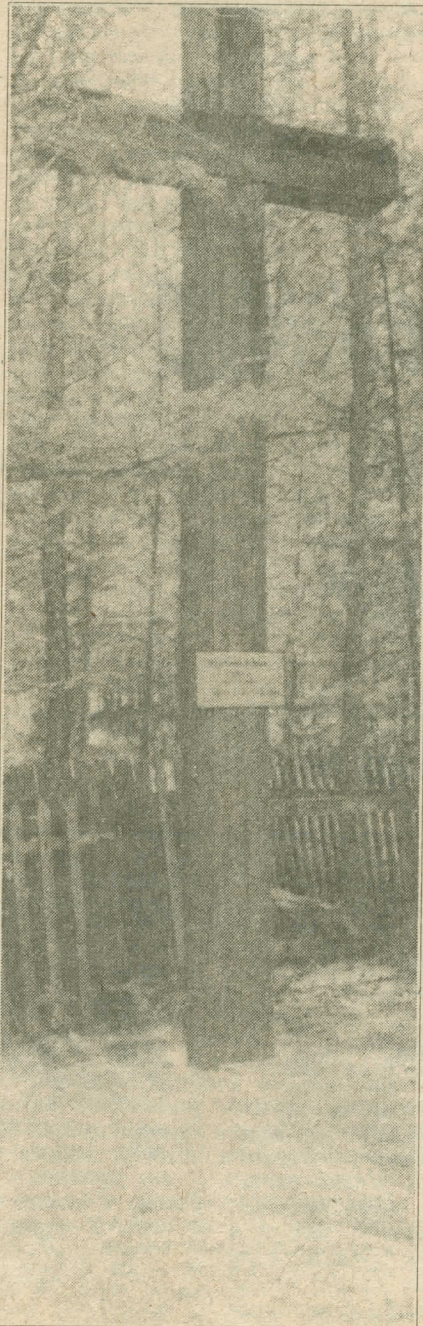
В Улан-Удэ каждый житель знает, что приехали потомки ссыльных к своим могилам. Отношение к этому разное. «Зачем тревожить мертвых?» — считают многие. Литовцы думают иначе.

Первый же водитель в аэропорту знал, где живут «приезжие из Литвы». И вот, добравшись до старенького общежития, знакомлюсь с руководителем одной из групп. Йонас Лукше. Маленьким ребенком был вывезен сюда вместе с родителями. Сейчас приехал на могилу отца.

Пропылив полторы сотни километров на «газике», мы добрались до одного из литовских кладбищ в Заиграевском районе. Несколько холмиков, поросших травой. Надгробий не сохранилось. Документов, по которым можно узнать, кто где лежит, — тоже. А значит, и раскопки вести тут нельзя: местные власти не разрешат, да и вероятность потревожить чужой прах слишком велика. Йонас присаживается у надгробия, привезенного им из Каунаса. На гранитной плите — десяток фамилий. Отец его тоже где-то здесь, но где именно — узнать уже невозможно. «Жертвам сталинского геноцида» — выбито на плите по-русски и по-литовски. Йонас зажигает свечи. Стоим молча несколько минут...

Следующая наша остановка — километрах в двадцати. Литовцы называют это место «зоной». Здесь был лагерь японских военнопленных. После того как японцев освободили, бараки заселили ссыльными. Теперь только кладбище в лесу осталось. Слева японские могилы, справа — литовские. Кладбище совсем заброшено. Несколько крестов среди де-

ВЫПОЛНИТЬ ПОСЛЕДНЮЮ ВОЛЮ

ревьев и короткие столбики — могилы военнопленных. На одном из деревьев — табличка. Русские и латинские буквы: «Здесь похоронены литовцы. Люди, берегите эти могилы!»

Едем дальше. Поселок Верхние Тальцы. Снова кладбище. Работает группа. Человек двадцать. При нас вытаскивают гроб. Совсем целый. «Это моя бабушка, — говорит парень с лопатой. — Тут жить осталась после ссылки. Умерла десять лет назад. Завещала перевезти себя в Литву при первой возможности. Теперь мы можем это сделать».

На следующий день моим провожатым стал Антанас Уогинтас. Тоже был вывезен ребенком. Теперь приехал забрать бабушку.

— Антанас, как вас вывозили?

— Да очень просто. В сельсоветах заранее заготовили списки. Потом эти списки утвердились в районе. 22 мая сорок восьмого года часов в шесть утра приехали два солдата и несколько местных коммунистов. Велели собираться. Через час явились снова. Погрузились мы на телегу, и повезли нас в Паневежис. Там — в вагоны.

Пока по Литве ехали, из вагонов вообще не выпускали. Как скот везли, в товарняках. Двери заколотили. Мне шесть лет было. Бабушке шестьдесят четыре. Везли больше двадцати дней. Стариков, детей в дороге очень много умерло.

Начиная с Иркутской области, вагоны от эшелона стали постепенно отцеплять. Так вот и идут оттуда наши кладбища, остатки поселений.

Нас выгрузили в Онохое. Потом приехали «купцы» из леспромхоза, погрузили в машины, отвезли в бараки. Бараки построили пленные японцы.

Охраны не было. Был только военный комендант. Надо было два раза в месяц у него отмечаться. Если отлучиться куда надо — к нему за пропуском.

Нет, бежать никто не бежал. Куда здесь убежишь? Впрочем, однажды было. Муж и жена. Их быстро поймали. Устроили показательный суд. Дали по два года лагеря за хулиганство. Другой статьи не было.

В 58-м начали выпускать потихоньку. Паспорта дали. Но в Литву ехать далеко не всем разрешали. Там, где мы жили, только пяти семьям из сорока позволили вернуться. Из каких уж они там критериев исходили — не знаю.

Представляете, до сих пор находятся люди, которые считают, что нас правильно вывезли, что мы в чем-то виноваты были. А мы просто жили богаче, чем сосед...

Подъезжаем к кладбищу. Литовских могил около двадцати. Снова рядом японские. Уже почти все готово. Подъехала машина с ящиками для прахов. На каждом ящике — АҫА — сокращение, по-русски «Вечный покой». Люди бережно укладывают останки в ящики. Потом все могилы будут зарыты, надгробия восстановлены. Мученики наконец-то обретут свою родину. После стольких лет разлуки. Вечный покой!

И только те, кто так и не смог исполнить завещание, будут приезжать сюда каждый год просить прощения у своих предков. Прощения за чужой грех.

Алексей ЗУЙЧЕНКО

Отмечать финансовые юбилеи — странное дело для нас, привыкших судить о развитии страны по пускам заводов и электростанций. Что, впрочем, понятно. Мог ли быть сильным банк в директивной системе?

В чем тогда благо от миллиарда рублей кредитных ресурсов межбанковского объединения научно-технического прогресса «Менатеп»? Что взятие сего рубежа означает? — адресуя вопрос к заместителю директора по связям с общественностью «Менатепа» В. СУРКОВУ.

— То, что коммерческие и кооперативные банки прочно становятся на ноги. На первый взгляд удельный вес их скромнен. К началу года в СССР зарегистрировано больше двухсот таких банков с уставным фондом около трех миллиардов рублей и оборотом — свыше десяти. На их долю приходится лишь два с небольшим процента всех кредитов. Не много. Тогда в чем успехи?

Прежде всего — в динамике роста. Что видно на примере того же «Менатепа», начинавшего четыре года назад как скромный инвестиционный центр ГКНТ СССР с 500 тысячами рублей уставного фонда и небольшой группой специалистов.

Сегодня, продолжает В. Сурков, оборот финансового объединения, куда входят уже семь банков, два страховых общества и пятьдесят предприятий, достиг почти 1,5 миллиарда рублей. Причем планируем в нынешнем году эту сумму, а также объем кредитов удвоить. Число одних только банков возрастет до пятидесяти. Резко расширится и география услуг.

— Секрета тут нет. Дело в качестве обслуживания, количестве предоставляемых услуг, активном привлечении клиентов. Сегодня им оказывается 50–60 видов банковского сервиса, а вскоре будет уже несколько сот, как практикуется в развитых странах.

— И какие услуги пользуются наибольшим спросом?

— Ну, скажем, лизинг — долгосрочная сдача в аренду различных видов имущества и оборудования. Преимущества лизинга очевидны — возможность в кратчайшие сроки изыскать ресурсы для осуществления своих проектов, достижение высокой технической оснащенности без больших капитальных затрат. Если речь идет о приобретении импортного оборудования, часть валютных расходов берет на себя банк.

Другая операция — факторинг. Проще говоря, перекупка долгов своих клиентов. Допустим, вы отгрузили продукцию, а получатель не торопится с оплатой. Банк, заключив с вами договор, выплачивает под процент причитающееся и одновременно берет на себя обязательство погасить требуемую сумму с должника. И наоборот. Если вы получили товар, а расплатиться возможности нет, банк рассчитывается за вас с поставщиком. Появятся деньги на счете — рассчитаетесь с банком, опять же с процентом. Где банк берет деньги? У тех предприятий и банков, где они свободны.

Все больший размах получают и вексельные операции. Выступаем гарантом, когда одно предприятие предоставляет коммерческий кредит другому.

— Чем-то это напоминает работу жонглера. Едва поймал шарик, спеши вновь подбросить вверх. Не боитесь уронить?

— Надежда лишь на высокую скорость оборота. Риск? Есть, конечно. На то и коммерция. И здесь не обойтись без продуманной финансовой стратегии, определения приоритетных направлений вложения капитала. Замечу, что «Менатеп» — единственный пока союз, в котором входящие в него банки отдали всю аналитику центру, где есть десятки высококлассных экспертов. Указания генеральной дирекции — фактически директива. Жестко? Да. Но, заметьте, полномочия отданы добровольно. Ведь в одиночку любому коммерческому банку, сколь бы крупным он ни был, выжить трудно — неизбежно сужается рынок. У нас все банки связаны между собой взаимным страхованием, своего рода круговая порука. Но главное — есть возможность быстро перебросить капиталы в сферы с наибольшей отдачей. С выгодой для себя и всего общества.

— Значит ли это, что вы имеете дело лишь с благополучными организациями?

Миллиард

В ДОЛГ

ГОТОВ ПРЕДОСТАВИТЬ НОВЫЙ БАНКОВСКИЙ СОЮЗ

— Ни в коей мере. Мы охотно помогаем кредитам и слабым предприятиям, и совсем лежачим колхозам. По сути, спасаем от банкротства. Но с одним непременным условием: перейти на новые прогрессивные формы собственности — акционерную, арендную, кооперативную. Согласятся — и десанты наших экспертов быстро наладят дело. Помогут со структурной перестройкой, маркетингом, менеджментом, свяжут с иностранными фирмами. То есть помимо щедрых кредитов возможны любые комбинации помощи. Можем стать пайщиками, участниками совместного предприятия. Не так давно к одному из наших

банков обратился имеющий немалые долги владинский колхоз с просьбой создать СП. Сегодня хозяйство не узнать. Поднялись новые животноводческие корпуса, коттеджи сельчан, подскочила зарплата, начал выплачиваться долг, на который государство уже махнуло рукой. Отчего такие перемены? Только ли дело в крупном кредите? Нет. Дело в другом. Крестьяне работают на землях, арендованных СП у колхоза. Иными словами, хозяйство как бы стало арендатором у самого себя. А аренда — это высокая эффективность.

— Выходит, не столько банк лечит предприятие, сколько оно само себя? Вы лишь подсказываете — как?

— Так делают во всем мире. Сейчас мы содействуем переводу на акционерную форму многих десятков предприятий, в разных отраслях. Прежде всего в пищевой, текстильной, издательском деле, торговле, где можно получить эффективную отдачу. Для банка это — «быстрые деньги», для общества — рост производства товаров народного потребления, повышение покупательной способности рубля. И лучшая гарантия под кредиты — не статьи госбюджета, превратившиеся для иных в дойную корову, а ум, деловая хватка, профессионально разработанный проект, программа модернизации.

— Как видно, в стремлении бежать впереди паровоза, поддерживать передовые идеи коммерческие банки могут дать фору государственным?

— Мы развернулись бы еще больше, если бы не дискриминационные условия, в которые поставлены. Спецбанки получают кредитные ресурсы гарантированно и за низкую плату, у них еще десятилетия назад сложилась широкая сеть клиентуры, которая фактически монополично к ним прикреплена. Не нужно госбанкам и выплачивать дивиденды по акциям. Всего этого мы лишены. Мало того, в коммерческом секторе помимо налогообложения дивидендов действует и прямое фискальное обложение самих банков. Размеры его таковы, что впрямую отбить всякое желание работать. Напомним, Закон о налогах устанавливает норматив отчислений в бюджет 55% от прибыли, включая средства на развитие, что намного выше средних мировых норм. В этом споре более взвешенной выглядит позиция Госбанка СССР, считающего, что плану отчислений следует установить на уровне 45%. Оставляя коммерческим банкам полную свободу в распределении оставшейся части. Неплохо бы вообще освободить их от выплат в бюджет первые два года после регистрации, то есть помочь новым финансовым институтам твердо встать на ноги. Ведь чем богаче каждый отдельный банк, предприятие, человек, тем богаче и общество.

— Однако же многие упрекают вас во взимании чересчур высокого коммерческого процента.

— Да, взимаем. 12% годовых для валютного финансирования и 15% для рублевого — высокий потолок. Но давайте вместе задумаемся, такое ли уж благо сверхльготные ставки, под которые госбанки предоставляют кредиты в промышленности и сельском хозяйстве? Тем более, что многие, превратившись фактически в бессрочные и безвозмездные, питают инфляцию.

На собственном горьком опыте мы убеждаемся, что низкий процент не благо, а зло. Дешевые кредиты, процентный демпинг не стимулируют работать лучше, предлагать товаров и продовольствия больше и дешевле, перестраиваться быстрее. Подобные условия кредитования лишь поддерживают на плаву нерадивого и ленивого, не давая развернуться умелому, предприимчивому, способному обеспечить большую прибыль.

Жизнь показала: предприятия, финансируемые коммерческими банками, быстрее модернизируются, осваивают новые виды продукции, улучшают ее качество до мирового уровня.

Словом, новые банки многое могут дать нашему обществу. Их деятельность стимулирует модернизацию не только банковского дела в СССР, но и всей советской экономики, расширяет возможности подключения к международному разделению труда.

Беседу вел М. УМАНСКИЙ

В первом номере «Столицы» мы познакомили читателей с работами художника Вячеслава Сысоева, чья судьба подобна судьбам многих российских талантов: громкая слава и безусловное признание на Западе, преследования и унижение — на родине. Отъезд за границу. А в сентябре мы получили вот это письмо.

Вячеслав СЫСОЕВ: **На Родину нельзя обидеться**

На днях услышал по радио «Либерти» интервью с главным редактором «Столицы». Новость порадовала вдвойне: во-первых, потому, что появился новый мощный «орган» оппозиции, а во-вторых, потому, что, кажется, мои работы наконец смогут увидеть те, для кого они предназначены, — т. е. мои сограждане. Я задаю сам себе два вопроса, на которые и постараюсь вразумительно ответить:

За что я сидел?
Почему я за Западе?

Меня посадили за то, что советская власть увидела в моих работах себя. Лет 30 назад я нарисовал бабу, косящую серпом молоты. Сначала мои работы видели единицы. На протяжении многих лет я делал год за годом сотни рисунков. В 1975 году впервые выставил 2 работы на квартирной выставке в Москве. Попал в поле зрения КГБ. Выгнали с работы. Работал макетчиком в художественном комбинате. В 1976 году вместе с «модернистами» посадили под колпак — приняли в Горком Графики г. Москвы. Первая публикация на Западе — в 1976 году. В ноябре 1978 года у меня были проведены обыски сотрудниками милиции и людьми в штатском. Пришли как к свидетелю по неведомому мне делу о порнографии. Унесли из дома литературу (которую сейчас издают), кассеты, альбомы по искусству, краски. Моих работ, к счастью, дома не было. На допросы к следователям не являлся, их, кстати, сменилось трое. Весной 1979 года меня повесткой известили, что из свидетеля я перевожусь в подозреваемые. Я был твердо убежден, что дело мое сфабриковано КГБ и цель у них четкая — любым способом посадить меня. Я скрылся. В подполье находился 3 года и 11 месяцев. Очень много рисовал. Несколько раз был на грани ареста. 8 февраля 1983 года был арестован. (Видимо, по доносу.) Осужден на 2 года лагерей общего режима по ст. 228 УК РСФСР (изготовление и сбыт порнограф. изделий). «Судом» руководили два «стажера юр. факультета МГУ» — единственные, кто находился в зале. Отбывал наказание в Холмогорах Архангельской области. Варлаам Шаламов написал, что в Холмогорах был устроен первый советский концлагерь... Освободился 9 февраля 1985 года — перед приходом Горбачева к власти. За пару дней до освобождения окончательно убедился, что мое дело было создано в КГБ. В зону приехал старший следователь УКГБ по Архангельской области. Привез целый чемодан улики: изданный в Париже альбом карикатур, письма в мою защиту, пришедшие с Запада, целую стопку машинописных листов радиопе-

рехвата сообщений обо мне по «Свободе». Угрожал вторым сроком, требовал, чтобы после выхода не общался с иностранцами, не передавал ничего на Запад, не вредил Родине. Я обещал...

Интересный факт: моя рукопись была издана на русском языке в Париже в 1983 году, сразу после ареста, а по-французски — в 1984, когда прошла половина срока. В то же самое время появились в Москве два фельетона — в 1983 году в «Вечерней Москве» и в 1984 году в «Литературной газете». Видимо, сотни моих рисунков были опубликованы за время подполья и лагеря на Западе. КГБ использовало самые подлые приемы, чтобы сломать и утратить мою жену (теперь — бывшую). Им это удалось сделать — не впервой...

После освобождения вернулся в Москву. Так как за годы подполья я был заочно исключен из Горкома Графики г. Москвы, то устроился рабочим в детский сад. Первые два года после освобождения меня несколько раз вызывали для «бесед» в московское Управление КГБ. Беседовали 2 товарища. У меня сложилось впечатление, что именно на Лубянке обосновались (по крайней мере в те годы) истинные знатоки и ценители моего творчества. Товарищи требовали, чтобы я не общался, не передавал, не вредил... Говорили, что я должен... Однажды я не выдержал и накричал на них. Они были, по-моему, просто ошарашены, когда я сказал, что ничего им не должен, раз меня даже в Горкоме Графики не восстанавливают. На следующее утро позвонил председатель Горкома. Через две недели меня восстановили в членстве. Далее я повел себя непоследовательно. В

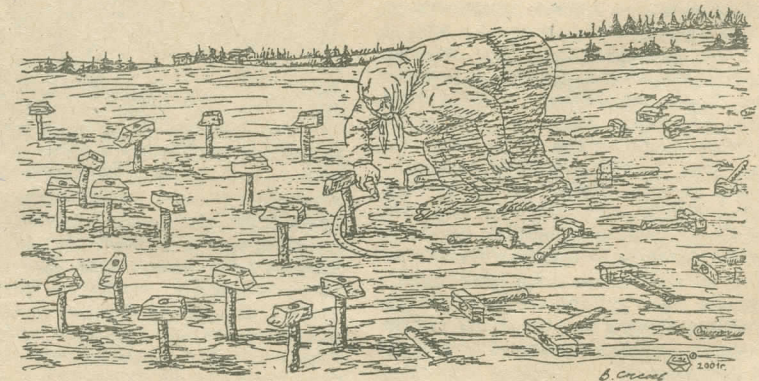
начале 1987 года устроил вместе с художником О. Кандауровым скандал в стенах Горкома. Чиновники из Управления культуры (их оборот речи!) пытались запретить что-то показывать на выставке, а мы пытались доказать им, что их время кончилось. Нас исключили из профсоюзной организации, Роев является это прибежище «модернистов», за хулиганские действия.

Теперь ответ на второй вопрос — почему я на Западе? За 52 года жизни я сделал, видимо, тысячи работ. В СССР (до 1990 года) опубликовано 5 или 6 рисунков — благодаря Егору Яковлеву и Александру Минкину, их личной смелости. Художника Сысоева просто нет. Есть уголовник-порнограф до перестройки и уголовник-хулиган во время перестройки. Этим, пожалуй, исчерпывается моя советская биография. Все остальные детали моей жизни (сведения о западных выставках, упражнения в сочинительстве, публикации на Западе, а теперь, видимо, и вторая книга, изданная в Париже в прошлом году и рассказывающая о том, что ОНИ могут сделать с художником) бережно хранятся в бывшем 5 управлении КГБ. Моих читателей в штатском я видел и на 2-х моих выставках в 1988 году в Москве.

В январе прошлог года я уехал с выставкой своих работ сначала в Амстердам, потом — в Париж и потом — в Западную Германию.

Знаете, почему я не возвращаюсь? Потому что я слабый человек. Все друзья в один голос, как сговорились, твердят:

— Сысоев, не возвращайся пока!
Я не знаю, сколько это «пока» продлится. Утешаю себя тем, что хотя бы мертвых у нас

ЭТОТ рисунок — новатор того, который я сделал

лет около 30 назад.

СТОЛИЦА

опять стали ценить. Даже какая-то зависть берет. Иногда меня гложет тоска; как и в зоне. Безумно хочется пройтись по Никитской, по Петровке (не в сторону дома № 38, конечно). Но я знаю, что той Москвы уже нет. А эта?..

Надеюсь, камень в меня не кинут за то, что я покинул Родину в тяжелый момент. Я своей Родине служил давно. Когда это еще опасно было. Карикатура — дело не прибыльное, поверьте. На Родину нельзя обидеться. Родина — это не начальники. Но начальники — на Родине!

Пользуюсь случаем и благодарю от всей души всех знакомых и незнакомых людей, которые, рискуя свободой, помогли мне — укрывали, берегли мои работы, вселяли в меня уверенность, что селекционеры на Старой площади просчитались, пытаюсь вырастить «гомо советикуса». Теоретически я должен был бы поблагодарить и КГБ, и МВД, а также судебно-прокурорские, партийные и профсоюзные организации, которые способствовали привлечению внимания к моей персоне, создавая шумиху и подогревая «нездоровый» интерес к моим работам в годы за-

стоя.

Но сделаю я это только после того, как они покаются. Не передо мной, конечно, а перед всеми нами — за все свои подлости. Если сейчас что-то до них дошло.

Посылаю Вам копии всяких документов. Это моя бесплодная переписка с советской властью по проблемам прав человека.

Искренне желаю всем вам успеха.

10 августа 1990 года.

В. СЫСОВЕВ
Берлин

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
г. Москва

127577, Москва, ул. Декабристов, д. II,
кв. 417
гр-ну Сысову В.В.

113184, Москва, ул. Новозавицкая, 77
29.04.87 № 16-3690-85

На № _____ от _____

Прокуратурой г.Москвы Ваше заявл
рассмотрено.

Как Вам ранее сообщалось, уголо
ходилось в производстве заместителя
Иноземцева А.В., который в настоящее
не работает. 10 сентября 1980г. бол
летов им уничтожено в присутствии п
кол, однако, без перечисления унитч
В действиях Иноземцева уоматри
к служебным обязанностям, из ортено
делить размер причтенного Вам мете
время невозможно, в обяза с чем в в
посторно отказано.

Прокурор отдела по надзору за следо
и дознанием в органах внутренних дел

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
г. МОСКВА

117331, Москва, ул.М.Ульяновой,
д. 17, корп.1, кв. 32,
гр.Сысову В.В.

113184, Москва, ул. Новозавицкая, 77
22.11.85 № 16-3690-85

На № _____ от _____

Прокуратурой г.Москвы рассмотрено Ваше заявление по поводу
изъятия при обысках вещей.
По существу интересующих Вас вопросов прокуратурой г.Москвы
организована проверка. поавления киевляе полнече прокуратуре
Бр

За
по
вп
N13

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
г. МОСКВА

117331, Москва, ул.М.Ульяновой,
д. 17, корп.1, кв. 32,
гр.Сысову В.В.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ
РАБОТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

**ОБЪЕДИНЕННЫЙ КОМИТЕТ
ПРОФСОЮЗА ХУДОЖНИКОВ-ГРАФИКОВ**

Москва, 123557

Малая Грузинская ул., 28

Тел. 264-45-06

107/8

Иск. № ОК. 409

2 октября 1980.

Москва, Теплый Стан, I Микрорайон
корпус № 4, кв. 48
Сысову В.В.

/Копия в Горком Культуры г. Москвы/

Президиум Объединенного комитета художников-графиков
неоднократно доводил до вашего сведения, что Вы не исключены
из членов живописной секции в июне 1980г., как Вы об этом
утверждаете в своих письмах.

На наши неоднократные вызовы на заседания Президиума ОК
Вы не являетесь, а отвечаете только письменно.

Что касается возбужденного против Вас уголовного дела,
в результате чего Вы решили скрыть свое место пребывания,
то ОК художников-графиков сообщает Вам, что эти вопросы пе-
ликом и полностью находятся в компетенции советских органов
правопорядка, в которые Профсоюз по Конституции СССР не в
праве вмешиваться.

Если Вы не чувствуете за собой никакой вины и уверены в
своей правоте и невинности перед законом, то Вам нечего
скрываться.

Вопрос о вашем членстве в живописной секции будет об-
суждаться 9 октября 1980г. на заседании Президиума ОК неза-
висимо от того, явитесь Вы или нет на заседание, т.к. до этого
времени Вам было послано три уведомления, на которые Вы не
откликнулись.

- 2 -

Оснований для исключения Вас из членов живописной секции
вполне достаточно:

неуплата взносов в течение 8 месяцев / с II-80г./

прекращение участия в живописных выставках ОК.

Просим Вас явиться на заседание Президиума Объединенного
комитета художников-графиков которое состоится 9 октября 1980г.
в 17.00 ч.

Сысов

Г. Чулина

113184, Москва, ул. Новозавицкая, 77
16-3690-85

от

рассмотрен Вашем заявлении, прокуратурой
объярен материал прокуратуре Брехневского района
речь изъяты у Вас вещей и книг. Составление об
збуждения уголовного дела отменено, материал принят
кту прокуратурой г.Москвы.
Итах проверки Вам будет сообщено.

начальника отдела
за следствием и дознанием
внутренних дел
Чулина В.П. Чулина

ПРОТОКОЛ
дата
присутствие
и т.д.

15 февраля 1983г.

отск. 08г. 45м.
отск. 17г. 00м.

- Инкассатор ОБХСС Горьковского
Нов В.Н. в прикуратуру
В.А. и Сидоренко С.В. и
Золосев В.А. (ул. Шенниковская
962/7 кв. 400)
В.И. (Балайковский проспект,
9.38, кв. 52).

Видать:
бу, белогород, охотничье
мед из золота, баллон

интерес отделе было
пущено и известно:

нижка в красной перилете;
нижка в красной перилете;
нижка в серой перилете с изобра-
сией,
чек с указанным адресом, ф.ч.о. и
сертификат № 13 (тринадцатый)
порядка охватывает и другие объекты

артюшка "Nicolas V. Jeline"
картур, Giorgio Forattini;
картур на иностранном языке
"Метал"
иностранном языке "METAL HODLNI"
иностранном языке "А-Я И 1"

IN MEM

Когда со дня смерти Андрея Дмитриевича Сахарова прошло 9 дней, я познакомился с одним человеком. Не прошло и года, как его так же не стало. Его убили.

...Рождественская, гостиная. Старинные библиотечные шкафы. Запах свечей и хвои. Холодная темнота, сквозь которую я встал в эту теплую комнату с холодного жуткого съезда. На съезде давили; ощущение было, как у батискафа на глубине 10 километров. А здесь была свобода.

Я вошел в эту гостиную мимо милиционера у входа, через анфиладу каких-то комнат, по лестнице и осторожно продвигался в заполненном людьми замкнутом пространстве. И запах свечей, и аромат хвои от рождественских веночков. Слайды, полумрак, голос отца Александра. Вошел — и словно вышел на поверхность; но этот выход не разорвал меня.

И девочка сновала между гостями, раздавая билетки рождественской лотереи. Люди собрались в эту маленькую и тесную для них комнату, чтобы быть вместе, чтобы вместе скор-

беть по новопреставленному рабу Божию Андрею и вместе ждать прихода Рождества.

...Аромат хвои, запах свечей «Многая лета защитникам правды народной»...

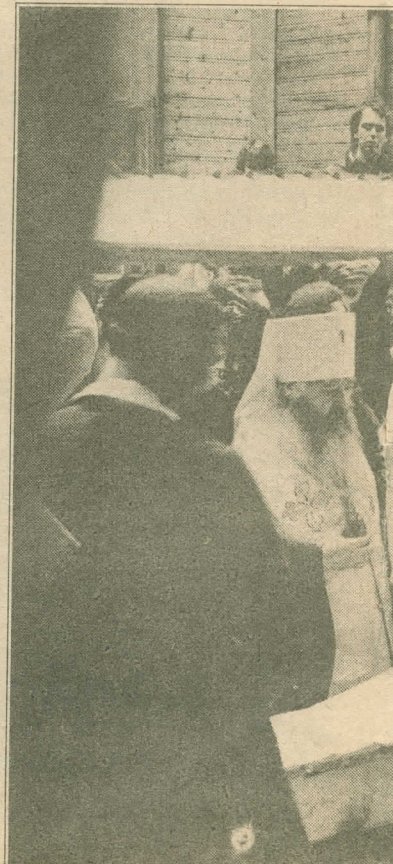
Вечер кончился. Догорали свечи, уходили люди, подходя к прощанью к тому, кто поддерживал их, разделив и облегчив тяжесть потери в вечер надежды и скорби, в вечер десятого дня и преддверия Рождества.

И меня подвели к нему. Его голос, рука... благословение. Маленький рождественский веночек — его подарок моей дочери — долго лежал потом под стеклом.

Долгий путь домой сквозь холодную темноту. Маленький веночек в руках; 10 километров глубины.

Кровь Закавказья. Крушение системы люди понимали по-разному и по-разному видели будущее. Возник дефицит организующего начала, способного сплотить все разумное, гуманное, конструктивное. И те, кому по душе были раздоры, разжигали их невозбранно. Чем меньше оставалось им властвовать, тем

Фоторепортаж Ю. Штукина

MORIAM

больше они стремились разделить.

Кровь Закавказья... И мечта противопоставить всем этим ужасам без конца и концам с ужасом идею объединения добра. Маленький ответный шаг ассоциации «Милосердие и культура»: концерт культурных и религиозных обществ. Разные нации, культуры и религии — все вместе. Наш маленький шаг на таком бесконечном пути.

Теперь уже непонятно, кто первым вспомнил отца Александра; по-моему, сразу многие. И вот — Театр эстрады. Толпа, аншлаг. Благотворительная торговля в фойе. И сквозь толпу — отец Александр Мень.

Он говорил о традициях религиозной благотворительности и о том, как милосердие объединяет людей, — о милосердном самаритянине. Он говорил, какие опасности таит в себе делание добра напоказ, — себялюбивая благотворительность, — о мытаре и фарисее.

Он говорил о великих истинах Евангелия.

Третья встреча не состоялась. В любом деле, и особенно в добром, всегда возникают ос-

ложнения. Великий грех, совершенный основателями советской власти, незаконно захватившими храмы, обрушился на тех, кто пришел в Советы теперь. Очевидно ведь — храмы нужно возвращать. Но как и кому? Как быть, если правопреемниками Русской православной церкви именуют себя несколько юрисдикций?

Светская власть столкнулась с богословскими вопросами — даст Бог, в последний раз. Получить разъяснения мы хотели у отца Александра. И он обещал нам помочь.

В то воскресенье он собирался позвонить вечером.

Потом, уже на похоронах, мне передали его слова о нашей работе — добрые.

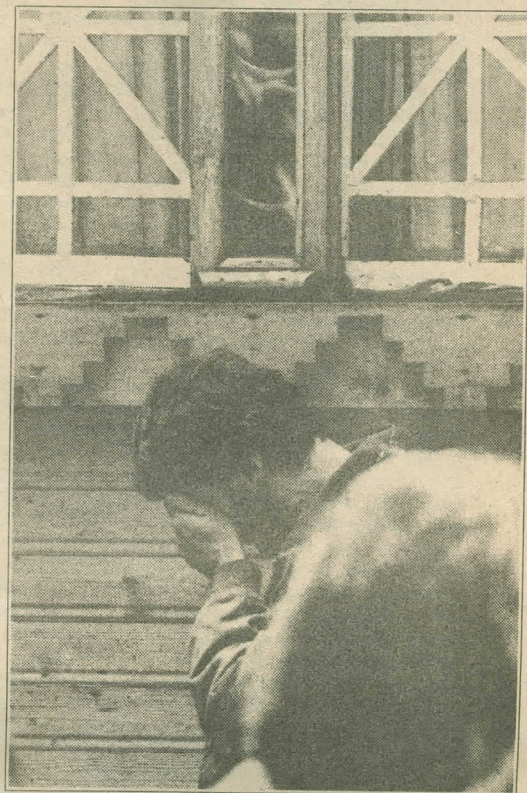
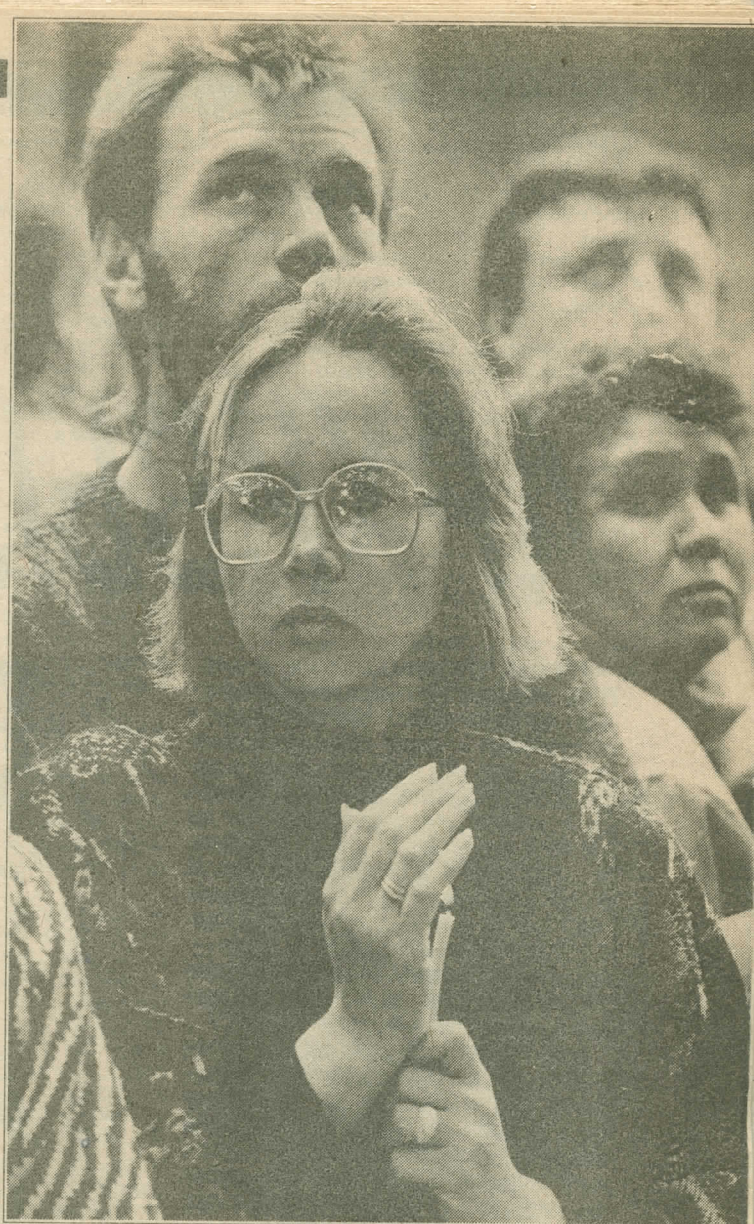
Сколько людей... Знакомые лица. Я встречал их в разных местах, по разным поводам, и все они были разные. Но все хорошие.

Здесь, в тесной церкви, они собрались воедино.

Запах воска, аромат хвои от погребальных венков.

Вечная память проповеднику Пути, Истины и Жизни.

Илья ЗАСЛАВСКИЙ

АРХИВЫ: СЕКРЕТЫ ОСТАЮТСЯ

В архивах, как положено, тишина и покой. Папки, документы, фотографии. А вокруг них который год бушуют страсти. «Нам нужны факты и свидетельства!» — кричат ученые, исследователи, публицисты. «Мы хотим знать правду о своей истории!» — надрываются читатели. «Погодите, — отвечают главные архивариусы, — мы уже почти всерьез решили открыть свои закрыта». И нет на них управы. Верное, нет Закона об архивах. Зато гуляют по инстанциям два проекта такого закона: один рожден в 1988 году Главным архивным управлением (ГАУ), другой — альтернативный, созданный силами общественности в прошлом году. Первый лишь приоткрывает архивы, второй — открывает их.

Как же осуществляется официальное «приоткрытие»? Об этом рассказывает член Научно-консультативного совета при Историко-дипломатическом управлении МИД СССР, заведующий сектором обобщения дипломатической практики научно-исследовательского отдела Дипломатической академии МИД, доктор исторических наук, профессор **Владлен СИРОТКИН**.

Еще два года назад министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе, выступая на научно-практической конференции МИД, сказал, что надо «шире открывать архивы МИД СССР и допуск исследователей к ним». А вскоре после этого руководство МИД, как говорится, «вошло в инстанции» с предложением снять гриф секретности с советских дипломатических документов 30-летней давности. Недавно Совмин СССР удовлетворил это ходатайство — первое, поступившее от центральных ведомств. Однако в эту первую бочку «архивного меда» чиновниками-архивистами Историко-дипломатического управления (ИДУ) МИД СССР была добавлена солидная ложка «дегтя».

Как члену Научно-консультативного совета при ИДУ мне довелось почувствовать запах этого «дегтя» еще на стадии подготовки постановления Совмина в 1988—1989 гг. Кто-то из работников ИДУ уже тогда полагал, что, например, документы Коминтерна к внешнеполитической деятельности СССР не относятся, так как это... «не система МИД». Аналогичная ситуация с документами КГБ и Министерства обороны: стало ясно, что те из них, которые встретятся в архивах МИД, рассекречиваться не будут. И действительно, перечень не подлежащих рассекречиванию документов из архивов ИДУ будут определять, по постановлению Совмина, не ученые, а «специалисты по секретам» из МИД и КГБ. То есть ведомственная гласность опирается на авторитет ведомственных же ученых.

Коллаж Э. Кудрявниченко

Так, один из моих коллег, профессор МГИМО, ратовал за отпор публицистам, лезущим «не в свое дело» — историю советской дипломатии, и призывать защищать «государственный (читай — ведомственный. — В. С.) интерес». На научных собраниях в последние годы нередко я слышал такие же призывы защищать «государственный интерес» Министерства обороны, АН СССР, МВД, КГБ и т. д. Больше того, Закон об архивах еще даже не обсуждался Верховным Советом, а ведомственные архивы КГБ и МВД, как сообщили в феврале этого года «Известия», уже получили (от кого, от Совмина?) «право постоянного хранения документов...» Стало быть, на дальних подступах к закону — снова изъятия «в порядке исключения»? И снова единая государственная архивная политика растаскивается по ведомствам. На заседаниях нашего Научно-консультативного совета я не раз слышал заверения начальника ИДУ посла Ф. Ковалева, что МИД вот-вот откроет все архивы, обгонит в смысле открытости даже Англию (там 5% засекреченных «навечно» архивных документов) и не сегодня-завтра все рассекретит, оставив в секретном фонде не более 2—3%. Но одна маленькая техническая деталь: для того чтобы наступило это «завтра», нужна, по его мнению, сущая бездельница — просмотреть с 1917 года тысячи дел с миллионами листов и установить, нет ли там чего-нибудь такого, что могло бы нанести ущерб интересам Советского государства, историческим лицам или их внукам и правнукам, кто дипломатическими или иными методами (например, «методом» убийства Л. Троцкого в 1940 году в Мексике) защищал интересы Советского государства?

Как же проверить эти миллионы листов? Да очень просто: само ИДУ необходимым штатом не располагает, поэтому ему в помощь надо направить 50 отставных кадровых дипломатов. И они быстренько, лет этак за 20—25, все пересмотрят, отберут, дадут заключение, и к 100-летию Октября все исследователи, наши и иностранные, получат, наконец, доступ в дипломатические архивы.

В 1957—1962 годах, прикомандированный к редакционному аппарату Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР, я участвовал в такого рода работе. И на основании личного опыта (а тогда я был в три с лишним раза моложе, чем нынешние отставные дипломаты, да и зрение было другое — очков не носил) могу с уверенностью сказать: чтобы пересмотреть «вслепую» (то есть не зная ни имен, ни обстановки в зарубежной стране в ту пору) одно архивное дело, нужна интенсивная работа на протяжении минимум двух-трех дней. Нетрудно подсчитать без компьютера, сколько лет ИДУ стало бы при 50 «контролерах» рассекречивать миллионы листов, хотя зарплата и гонорар по трудовому соглашению исправно начислялись бы им бухгалтерией МИД. И хотя Минфин СССР первоначально отказал таким «рассекретникам» в финансировании, тем не менее в постановлении Совмина оно возродилось вновь.

Уверен, что здесь порочен сам принцип рассекречивания. В цивилизованных государствах существует право ограниченной ответственности за действия предыдущего правительства и, тем более, режима (например, за политику гитлеровской Германии, правительства ГДР и ФРГ ответственности не несут). У нас же со времен Сталина установилось: внешняя политика едина — от Киевской Руси и до наших дней. И по сию пору за все ее «зигзаги» любой советский «винтик» ответствен. А поэтому — все секретно. Возьмите выпущенные ИДУ первые 14 томов «Внешней

политики России XIX и начала XX вв. (1801—1926 гг.)» под редакцией покойного академика А. Л. Нарочницкого. Где архивные шифры под документами этой, несомненно, ценной фундаментальной публикации? Их нет. Не дай Бог, наши идеологические противники их узнают, просмотрят архивные дела и найдут какого-нибудь нашего разведчика (например, графа А. И. Чернышева в 1810—1811 годах в Западной Европе), правнуки которого и сегодня живут во Франции? Ведь заарестуют же ребят, а это, по разумению ИДУ, — ущерб державе!

С таким доперестроечным мышлением мы реальной гласности в архивно-дипломатическом деле не достигнем, с каких бы высоких трибун нас к ней ни призывали. Кстати, пример работы с секретными документами (даже при отсутствии их оригиналов) блестяще продемонстрировала на II Съезде народных депутатов Комиссия по политической и правовой оценке советско-германских соглашений 1939 года во главе с членом Президентского совета А. Н. Яковлевым.

Значит, можем, когда захотим (и когда прикажем архивным чиновникам не саботировать), открывать государственные секреты давних лет, даже если этого не хотят и некоторые народные депутаты, все еще не освободившиеся от синдрома имперского мышления («права или не права, но это моя страна!»).

Что же делать? По-моему, только одно: законом снять гриф секретности за давностью лет — 30 лет (как это и сделал МИД СССР с санкции Совмина) во всех архивах. Но вопреки тому же совминовскому постановлению в Законе об архивах, безусловно, следует отменить право министерств и ведомств самим определять секретность. Сейчас они сдают документы в архив, как на склад, но ключи к содержанию этих материалов навечно у них. Если это будет продолжаться, то все конторы быстренько понастроят архивы. И при обилии у нас бумаг просто утонут в них.

Что же касается МИДа, то Архив внешней политики России (до 1917 г.) надо целиком передать в Главархив, как и все хранилища с 30-летней давности рассекреченными документами ИДУ.

Правда, суета вокруг секретов преследует тут вполне земные цели. Речь идет о штатном расписании: многие должности с открытием закрытых хранилищ окажутся не нужны, прекратятся и выплаты надбавок «за секретность». А главное, начальство архивов лишится власти над исследователями: «захочу — дам, захочу — не дам...»

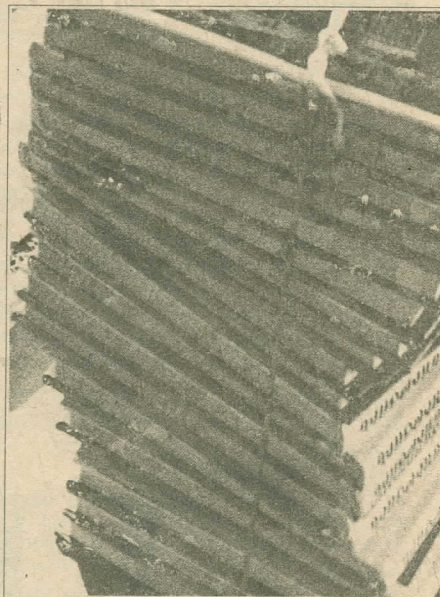
Власть — она и в архивах власть. Начальник Главархива Ф. Ваганов за последние годы где только не клялся (включая и зарубеж), что «все открыто». А попробовал режиссер французского телевидения Жак Рутман (я консультирую его 12-серийный фильм «Сталин и другие») в прошлом году прорваться в кинофотоархив в Красногорске и получил от ворот поворот. Почему? Возможно, потому, что там рядом со сталинскими лежат кинофотодокументы о Бухарине, а тов. Ваганов уже при перестройке забил в могилу «любимца партии» еще один осиновый кол, ибо тема его докторской диссертации — «правый» уклон в ВКП(б). А ну как французский режиссер обнаружит в Красногорске, что никакого «уклона»-то и не было, да и оповестит об этом весь мир?

Так уж лучше не пущать, благо советский парламент все еще не принял Закон об архивах, ибо постановление Совмина по мидовским хранилищам — еще не закон, а так называемый подзаконный акт. Поэтому все архивные начальники действуют по модели

своего главного шефа: «Не пущать!» Запросил я как-то в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР сущую малость — снять ксерокопии с оригиналов донесений наполеоновского маршала Нея в 1812 году (копии которых, кстати, давным-давно опубликованы во Франции).

И что же мне ответил тогдашний начальник этого архива А. Коротков? «На Ваш запрос сообщаем, что архив не производит копирование документов по запросам частных лиц». Да еще прибавил: «Для сведения сообщаем, что запрашиваемые Вами материалы являются особо ценными и копированию не подлежат». Вот так. Конвенция ООН 1948 года о правах человека (частных лиц) признала, Венские соглашения 1988 года подписали, а внутри СССР ни частных лиц, ни частной интеллектуальной собственности не признаем.

Тем более, что «особую ценность» архивных документов определяет субъективное желание архивных чиновников, а не Закон. Что ж, подождем Закона...

Зинаида
ГИППИУС

Ч Черная книжка

И. И. заболел. И сестра его — динтерией. «Перспектив» — для нас — никаких, кроме зимы без света и огня. Киев, как будто, еще раз взяли, кто — неизвестно. Не то Деникин, не то поляки, не то «банды». Может быть, и все они вместе.

Очень все неинтересно. Ни страха, ни надежды. Одна тяжелая свинцовая скука.

Петерс, уезжая в Киев (мы знаем, что Киев взяли потому, что Петерс уже в Москве: удрал, значит), решил вернуть нам телефоны. Причин возвращать их так же мало, как мало было отнимать. Но и за то спасибо.

Все теперь, все без исключения, — носители слухов. Носят их соответственно своей психологии: оптимисты — оптимистические, пессимисты — пессимистические. Так что каждый день есть *всякие* слухи, обыкновенно друг друга уничтожающие. Фактов же нет почти никаких. Газета — наш обрывок газеты, — если факты имеет, то не сообщает, тоже несет слухи, лишь определенно подтасованные. Изредка прорвется кусок паники, вроде «вновь угрожающей Антанты, лезущей на нас с еще окровавленной от Венгрии мордой...» или вроде внезапно появившегося Тамбово-Козловского

* Печатается с сокращениями.

(Продолжение. Начало в № 2)

(?) фронта.

Несомненно факт, что сегодня ночью (с 17 на 18 августа) где-то стреляли из тяжелых орудий. Но Кронштадт ли стрелял, в него ли стреляли — мы не знаем (слухи).

Должно быть, особенно серьезного шипения не происходит, — не слышно усиленного ерзанья большевистских автомобилей. Это у нас один из важных признаков: как начинается тараканье автомобилей — завозились большевики, забеспокоились, — ну, значит, что-то есть новенькое, пахнет надеждой. Впрочем, мы привыкли, что они из-за всякого пустяка впадают в панику и начинают возиться, дребезжа своими расхлябанными, вонючими автомобилями. Все автомобили расхлябанные, полуразрушенные. У одного, кажется, Зиновьева, — хороший. Любопытно видеть, как «следует» по стогнам града «начальник Северной Коммуны». Человек он жирный, белотелый, курчавый. На фотографиях, в газете, выходит необыкновенно похожим на пышную, старую тетку. Зимой и летом он без шапки. Когда едет в своем автомобиле, — открытым, — то возвышается на коленях у двух красноармейцев. Это его личная охрана. Он без нее — никуда, он трус первой руки. Впрочем, они все трусы. Троцкий держится за семью замками, а когда идет, то охранники его буквально теснят в кольцо, давят кольцом.

Фунт чаю стоит 1200 р. Мы его давно уже не пьем. Сушим ломтики морковки или свеклы, — что есть. И завариваем. Ничего. Хорошо бы листья, да какие-то грязные деревья в Таврическом саду, и, Бог их знает, может, неподходящие.

В гречневой крупе (достаем иногда на рынке — 300 р. фунт), в каше-размазне — гвозди. Небольшие, но их очень много. При варке няня вчера вынула 12. Из рта мы их продолжаем вынимать. Я только сейчас, вечером, в трех ложках нашла 2, тоже из рта уже вынула. Верно, для тяжести прибавляют.

Но для чего в хлеб прибавляют толченное стекло, — не могу угадать. Такой хлеб прислали Злобиним из Москвы, их знакомые, — с оказией.

Читаю рассказ Лескова «Юдоль». Это о голоде в 1840-м году, в средней России. Наше положение очень напоминает положение крепостных в имении Орловской губернии. Так же должны были они умирать на месте, лишенные прав, лишенные и права отлучки. Разница: их «Юдоль» длилась всего 10 месяцев. И еще: дворовым крепостным выдавали поменники на день не 1/8 хлеба, а целых 3 фунта! Три фунта хлеба. Даже как-то не верится.

Сыпной тиф, дизентерия — продолжают. Холодные дни, дожди. Сегодня было холодное солнце. <...>

Если большевики падут лишь «в конце концов», — то, пожалуй, под

свалившимся окажется «пустое место». Поздравим тогда Европу. Впрочем, будет ли тогда кого поздравлять, — «в конце-то концов»?

Матросье кронштадтское ворчит, стонет, — надоело. «Давно бы сдались, да некому. Никто нейдет, никто не берет».

Что бы ни было далее — мы не забудем этого «союзникам». Англичанам, — ибо французы без них вряд ли что могут.

Да что — мы? Им не забудет этого и жизнь сама.

Вчера видела на улице, как маленькая, 4-летняя девочка колотила ручонками упавшую с разрушенного дома старую вывеску. Вместо дома среди досок, балок и кирпича — возвышалась только изразцовая печка. А на валявшейся вывеске были превкусно нарисованы яблоки, варенье, сахар и — булки! Целая гора булок!

Я наклонилась над девочкой.

— За что же ты бьешь такие слабые вещи?

— В руки не дается! В руки не дается! — с плачем повторила девочка, продолжая колотить и топтать босыми ножками заколдованное варенье.

Чрезвычайку обновили. Старых расстреляли, кое-кого. Но воры и шантажисты — все.

Отмечаю (конец августа по новстилю), что, несмотря на отсутствие фактов, и даже касающихся севера слухов, — общее настроение в городе — повышенное, атмосфера просветленная. Верх и низы одинаково, хотя безотчетно, вдруг стали утверждаться на ощущении, что скоро, к октябрю-ноябрю, все будет кончено.

Может быть, отчасти действуют и слишком настойчивые большевистские уверения, что «напрасны новые угрозы», «тщетны решения англичан кончить с Петербургом теперь же», «нелепы надежды Юденича на новое соглашение с Эстляндией» и т. д.

Агонизирующий Петербург, читая эти выкрики, радуется: ага, значит, есть «новые угрозы». Есть «решение англичан»! Есть речь о «соглашении Юденича с Эстляндией»!

Я прямо чувствую нарастание беспочвенных, казалось бы, надежд.

Рядом большевики пишут о своем наступлении на Псков. Возможно, отберут его; но и это вряд ли изменит настроение дня. <...>

Живем буквально на то, что продаем, изо дня в день. Все дорожает в геометрической прогрессии, ибо рынки гремят систематически. И, кажется, уже не столько принципиально, сколько утилитарно: нечем красноармейцев кормить. Обывательское удовольствие жадно забирается. <...>

Южные «слухи» упорны относительно Киева: он, будто бы, взят Петлюрой — в соединении с поляками и Деникиным.

(Вот что я заметила относительно природы «слуха» вообще. Во всяком

слухе есть смешение данного с должным. Бывает слухи очень неверные. — с громадным преобладанием должного над данным; — не верны они, значит, фактически, и тем не менее очень поучительны. Для умеющего учиться, конечно. Вот и теперь, Киев. Может быть, его должно было бы взять соединение Петлюры, поляков и Деникина. А как данного — такого соединения и не существует, может быть, если Киев и есть.)

Большевики признались, что Киев окружен с 3-х сторон. Только сегодня (29-го августа) признались, что «противник (какой? кто?) занял Одессу». (Одесса взята около месяца тому назад.)

Ах, да что эти южные «взятия». И мы — Россия, и большевики — наши завоеватели, в этом пункте единомысленны: занятие южных городов «белыми» несколько не колеблет центральную власть и само по себе не твердо, не окончательно. Не удивлюсь, если тот же Киев сто раз еще будет взят обратно.

Хамье отъезжающее, глубоко аполитичное и беспринципное (с одним непотрясаемым принципом — частной собственности) спешит «до переворота» реализовать нахваченные пуды грязной бумаги, «ленинок», — скупая все, что может. У нас. В каждом случае учитывая, конечно, степень нужды, прижимая наиболее голодных. Помещают свои «ленинки», как в банк, в бриллианты, меха, мебель, книги, фарфор, — во что угодно. Это очень рассудительно.

Лупорожего А-ва с нашего двора, ражего детину из шоферов, который для жены купил мой парижский мех, — спалили. Спекулянул со спиртом на 2 1/2 миллиона. Ловко!

А чем лучше Гржебин? Только вот не попался, и ему покровительствует Горький. Но жена Горького (вторая, — настоящая его жена где-то в Москве), бывшая актриса, теперь комиссарша всех российских театров, уже сколотила себе деньжат... это ни для кого не тайна. Очень любопытный тип — эта дама-коммунистка. Каботинка до мозга костей, истеричка, довольно красивая, хотя sur le retour, — она занималась прежде чем угодно, только не политикой. При начале власти большевиков сам Горький держался как-то невыясненно, неопределенно. Помню, как в ноябре 17 года я сама лично кричала Горькому (в последний раз, кажется, видела его тогда): «...а ваша-то собственная совесть что вам говорит? Ваша внутренняя человеческая совесть?», а он, на просьбы хлопотать перед большевиками о сидящих в крепости министрах, только лаял глухо: «я с этими мерзавцами... и говорить... не могу».

Пока для Горького большевики, при случае, были «мерзавцами», — выжидала и Мария Федоровна. Но это длилось недолго. И теперь, — о, теперь она «коммунистка» душой и телом. В роль комиссарши, — министра всех

театрально-художественных дел, — она вошла блестяще; в буквальном смысле «вошла в роль», как прежде входила на сцене, в других пьесах. Иногда художественная мера изменяет ей, и она сбивается на роль уже не министерши, а как будто императрицы («ей Богу, настоящая «Мария Феодоровна», восклицал кто-то в эстетическом восхищении). У нее два автомобиля, она ежедневно приезжает в свое министерство, в захваченный особняк на Литейном, — «к приему».

Приема ждут часами и артисты, и писатели, и художники. Она не гордится. Один раз, когда художник с большим именем, Д-ский, после долгого ожидания удостоился, наконец, впуска в министерский кабинет, он застал комиссаршу очень занятой... с сапожником. Она никак не могла растолковать этому противному сапожнику, какой ей хочется каблучок. И с чисто королевской милой очаровательностью вскрикнула, увидев Д-ского: «Ах, вот и художник! Ну нарисуйте же мне каблучок к моим ботинкам!»

Не знаю уж, воспользовался ли Д-ский «случаем» и попал, или нет, «в милость». Человек «придворной складки», конечно, воспользовался бы.

Теперь, вот в эти дни, у всех почему-то на устах одно слово: «переворот». У людей «того» лагеря, не нашего — тоже. И спешат что-то успеть «до переворота». Спекулянты — реализовать «ленинки», причастные к «властям» — как-то «заручиться» (это ходячий термин).

Спешит и Марья Федоровна А-ва. На днях А-ский, зайдя по делу к Горькому, застал у М. Ф. совсем неожиданный «салон»: человек 15 самой «белогвардейской» породы, — П., К. и т. д. Говорят о перевороте, и комиссарша уже играет на этой сцене совсем другую роль: роль «урожденной Желябужской». Вот и «заручилась» на случай переворота. Как не защитят ее гости — своего поля ягоду, «урожденную Желябужскую»?

Недаром, однако, были слухи, что прямолинейный Петерс, наш «беспощадный», в раже коммунистической «чистки», метил арестовать всю компанию: и комиссаршу, и Горького, и Гржебина, и Тихонова... Да широко махнул. В Киев уехали.

Киев, если не взят, то, кажется, будет взят. Понять, вообще, ничего нельзя. Псков большевики тогда же взяли, — торжествовали довольно! Однако, Зиновьев опять объявляет — мы, мол, накануне цинического выстуления англичан...

Вы так боитесь, товарищ Зиновьев? Не слишком ли большие глаза у васшего страха? У моей надежды они гораздо меньше.

Атмосфера уверенности в перевороте, которую я недавно отметила, ее температура (говорю о чисто кожном ощущении) за последние дни, и как будто тоже без всяких причин — сильно понизилась. Какая это странная вещь!

Разбираясь, откуда она могла взять-

ся, я вот какое предполагаю объяснение: вероятно, *были*, опять ставился, вопрос о *вмешательстве*. Реально так или иначе снова *поднимался*. И это передалось через воздух. Только это могло родить такую всеобщую надежду, ибо: все мы здесь, сверху донизу, до последнего мальчишки, *знаем* (и большевики тоже!), что сейчас одно лишь так называемое «вмешательство» может быть толчком, изменяющим наше положение.

Вмешательство! «Вмешательство во внутренние дела России!» Мы хохочем до слез, — истерических, трагических, правда, — когда читаем эту фразу в большевистских газетах. И большевики хохочут — над Европой, — когда пишут эти слова. Знают, каких она слов боится. Они и не скрывают, что рассчитывают на старость, глухоту, слепоту Европы, на страх ее перед традиционными словами...»

Но видно и соседей наших, и Антанту Бог наказал, — разум отнял. Даже просто здравый смысл. До сих пор они называют этот необходимый, и такой нетрудный, *внешний толчок*, жест самосохранения — «вмешательством во внутренние дела России».

Когда рассеется это марево? Не слишком ли поздно?

Вот мое соображение, сегодняшнее (26-ое августа), некий мой прогноз: если в течение ближайших недель не произойдет резко положительных фактов, указывающих на вмешательство, — дело можно считать конченным. Т. е. это будет уже *факт невмешательства*.

Как вылетит большевистская зима? Трудно вообразить себе наше внутреннее положение — оставим эту сторону. С внешней же думаю: к январю или раньше возможно соглашение большевиков с соседями («торговые сношения»). С Финляндией, со Швецией и, может быть (да, да!), с самой Антантой (снятие блокады). Я ничего не знаю, но вероятия большие...

Учсть последствия этого невозможно, однако в общих чертах они для нас, отсюда, очень ясны. Первый результат — усиление и укрепление красной армии. Ведь все, что получат большевики из Европы (причем глупой Европе они не дадут ничего — у них нет ничего) — все это пойдет комиссарам и красной армии. Ни одна кроха не достанется населению (да не что большевикам население?). Пожалуй, красноармейцы будут спекулировать на излишках, — только.

Слабое место большевиков — возможность голодных бунтов в армии. Это будет устранено...

Пусть совершается несчастье: мне не жаль Англии; что же, если она сама будет вооружать и кормить противника.

Европа получит по делам своим...»

В Москве зимой не будет «ни одного полена даже для Ленина», уверял нас один здешний «приспособившийся» (не большевик), заведующий у них топливом.

Кстати, он же рассказывал, что,

живя вблизи Петропавловской крепости, слышит по ночам бесконечные расстрелы. Мне кажется иногда, что я схожу с ума. И думаю: нет, уж лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас...<...>

Сегодня (30 авг. нов. стиля) — теплый, влажный день. С утра часов до 2-3 — далекая канонада. Опять, верно, вялые английские шалости. *Copium et vit!* * В московской газете довольно паническая статья «Теперь или никогда!», опять об «окровавленной морде» Антанты, собирающейся, будто бы, лезть в Петербург. Новых фактов никаких. Букет старых.

Здешняя наша «Правда» — прорвалась правдой (это случается). Делаю вырезку, с пометкой числа и года (30 августа 19 г. СПб.) и кладу в дневник. Пусть лежит на память.

Вот эта вырезка дословно, с орфографией:

Рабочая масса к большевизму относится несочувственно и когда приезжает оратор или созывается общее собрание, т.т. рабочие прячутся по углам и всячески отлынивают. Такое отношение очень прискорбно. Пора одуматься.

ЧЕРЕХОВИЧ

* * *

ОТДЕЛ НЕДВИЖИМЫХ ИМУЩЕСТВ
АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО РАЙОНА.

Настроение «пахнет белогвардейским духом». Из 150 служащих всего 7 человек в коллективе (2 коммуниста, 3 кандидата и 2 сочувствующих). Все старания привлечь публику в нашу партию безрезультатны.

14-я Государств. типография. Петроград.

Весьма характерный «прорыв». До-станется за него завтра кому следует. Бедный «Черехович» неизвестный! Угораздило на такие откровенности пуститься!

Положим, это все знают, но писать об этом в большевистской газете — непорядок. Ведь это же правда, — а не «Правда»...<...>

Нет, видно ясны большевистские небеса. Мария Федоровна (каботинка, «жена» Горького) — не только перестала «заручаться», но даже внезапно сделалась уже не одним министром «всех театров», а также и министром «торговли и промышленности». Объявила сегодня об этом запросто И. Ичу. Положим, не хлопотно: «промышленности» никакой нет, а торгуют всем, чем ни попадя, и министру надо лишь этих всех «разгонять» (или хоть «делать вид»).

Будто бы арестовали в виде заложников Станиславского и Немировича. Мало вероятно, хотя Лиллина (жена Станиславского) и Качалов — играют

* Знакомо и видно (франц).

в Харькове и, говорят, очень радостно встретили Деникина. Были слухи, что Станиславский бывает в Кремле, как придворный увеселитель нового самодержца — Ленина, однако и этому я не очень верю. Мы так мало знаем о Москве.

Из Москвы приехал наш «единственный» — Х. Очень забавно рассказывал обо всем. (Станиславского выпустили.) Но вот прелесть — это наш интернациональный хлыщ — Луначарский. Живет он в сиянии славы и роскоши, эдаким неразвенчанным Хлестаковым. Занимает, благодаря физическому устранению конкурентов, место единственного и первого «писателя земли русской». Недаром «Фауста» написал. Гете написал немецкого, старого, а Луначарский — русского, нового, и уж, конечно, лучшего, ибо «рабочего».

Официальное положение Луначарского позволяет ему циркулярами призывать к себе уцелевших критиков, которым он жадно и долго читает свои поэмы. Притом безбоязненно: знает, что они, бедняги, словечка против не скажут — только и могут, что хвалить. Не очень-то на критикуешь, явившись на литературное чтение по приказу начальства! Будь газеты, Луначарский, верно, заказывал бы и статьи о себе.

До этого не доходили и писатели самые высокопоставленные, вроде великого князя К. Р. (Константина Романова), уважая все-таки закон внутренний — литературной свободы. Но для Луначарского нет и этих законов. Да и в самом деле: он устал быть «вне» литературы. Большевистские штыки позволяют ему если не *быть*, то *казаться* в самом сердце русской литературы. И он упустит такой случай?

Устроил себе, в звании литературного (всероссийского) комиссара, и «Дворец Искусств». Новую свою «цыпочку», красивую Р., поставил... комиссаром над всеми цирками. Придумал это потому, что она вообще малограмотна, а любит только лошадей. (Старые жены министров большевистских чаще всего — отставлены. Даны им разные места, чтоб заняты были, а министры берут себе «цыпочек», которым уже даются места поближе и поважнее.)

У Луначарского, в бытность его в Петербурге, уже была местная «цыпочка», какая-то актриса из кафе-шантана. И вдруг (рассказывает Х.) — является теперь, в Москву — с ребенком. Но министр искусства не потерялся, тотчас откупился, ассигновал ей из народных сумм полтора миллиона (по-царски, знай наших!) — «на детский театр»....

Опять пачками аресты. Опять те же, — Изгоев, Вера Гл. и пр., самые бессмысленные. Плюс еще всякие англичане. Пальбы нет.

Арестовали двух детей, 7 и 8 лет. Мать отправили на работы, отца неизвестно куда, а их, детей, в Гатчинский арестный приют. Эта такая детская

тюрьма, со всеми тюремными прелестями, «советские дети не для иностранцев», как мы говорим. Да, уж в этот приют «европейскую делегацию» не пустят (как, впрочем, и ни в какой другой приют: для этого есть один или два «образцовых», т.е. чисто-декорационных).

Тетка арестованных детей (ее еще не арестовали) всюду ездит, хлопочет об освобождении, — напрасно. Была в Гатчине, видала их там. Плачет: голодают, говорят, оборванные, во вшах.

Любопытная это, вообще, штука — «красные дети». Большевики вовсю решили их для себя «использовать». Ни на что не налепили столь пышной вывески, как на несчастных совдепских детей. Нет таких громких слов, каких не произносили бы большевики тут, выхваляя себя. Мы-то знаем им цену, и только тихо удивляемся, что есть в «Европах» дураки, которые им верят.

Бесплатное питание! Это матери, едва стоящие на ногах, должны водить детей в «общественные столовые», где дают ребенку тарелку воды, часто недокипяченной, с одиноко плавающим листом чего-то. Это посылаемые в школы «жмыхи», из-за которых дети дерутся, как звереныши.

Всеобщее бесплатное обучение!

Приюты! Школы! — Много бы могла я тут рассказать, ибо имею *ежедневную, самую детальную*, информацию *изнутри*. Но я ограничусь выводом: это целое поколение русское, погибшее духовно и телесно. Счастье для тех, кто не выживет...

Кстати, недавно Горький «лял» в интимном кругу, что «это черт знает, что в школах делается»... И действительно, средняя школа, преобразованная в одну «нормальную» советскую школу, т.е. заведение для обоих полов, сделалась странным заведением... Женские гимназии, институты соединили с кадетскими корпусами, туда же подбавили 14—15-летних мальцов прямо с улицы, всего повидавших... В гимназиях, по словам Горького тоже, есть уже беременные девочки 4-го класса... В «этом» красным детям дается полная «свобода». Но в остальном требуется самое строгое «коммунистическое» воспитание. Уже с девяти лет мальчика выпускают говорить на митинге, учат «агитации» и защите «советской власти». (Очевидно, более способных готовят и к действию в Чрезвычайке. Берут на обыски — это «практические занятия».)

Но довольно! довольно! Об этом будет время вспомнить...

(Окончание следует)

АВТОБИОГРАФИЯ

ВПЕРВЫЕ — С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ

22 сентября, в рамках Дня города и фестиваля газеты «Московская правда», на ВДНХ СССР прошла первая очная встреча редакции «Столицы» с читателями.

Журналисты рассказали, каким они видят свой еженедельник — независимым, радикальным и демократическим, направленным на борьбу с теми структурами, которые сопротивляются действительным переменам в обществе, и на поддержку сил, добивающихся этих перемен. Читатели дали понять, какие проблемы их особенно волнуют. Выяснилось, что тут наши взгляды, в общем, совпадают.

А самую бурную реакцию зала вызвал вопрос о партийной принадлежности членов редакции «Столицы». Главный редактор объяснил, что он и абсолютное большинство сотрудников еженедельника — беспартийные, но есть один анархо-

синдикалист, социалисты, есть вышедшие из КПЕС, а несколько человек пока продолжают в ней оставаться. На анархо-синдикалиста и социалистов зал отреагировал спокойно, а от коммунистов стал требовать разъяснений: как пребывание в партии Полозкова и подчинение партийному уставу может сочетаться с независимостью их профессиональных позиций? Казалось, еще немного — и читатели потребуют в качестве доказательства этой независимости тут же положить партбилеты на стол.

Пришлось беспартийным встать за своих коллег и сказать, что запретами на профессию заниматься не стоит, что «полозковцев» в еженедельнике нет, а кому в какой партии состоять — личное дело каждого. И когда откуда выходить. Во всяком случае, никаких партячек мы в редакции создавать не собираемся.

Выгодно и без проблем

Сдать квартиру или благоустроенную комнату для расселения гостей столицы, а также для организаций, фирм и совместных предприятий вам поможет гостиничная фирма «ГРАНД-ЧАРА»!

Квалифицированные специалисты нашей фирмы учтут все ваши пожелания, сведут к минимуму возможные проблемы.

«ГРАНД-ЧАРА» гарантирует: заселение по вашему желанию, образцовое содержание, высокий доход. В нашем лице вы приобретете надежного и верного партнера на неограниченное время!

Наш адрес: Москва, 3-я Тверская-Ямская улица, дом 5, квартира 4.

Ждем ваших предложений по телефону 486-60-48.

РЕКЛАМА
«ЭСКАРТА»

ЭСКАРТ

— ЭТО ВАША
РЕКЛАМА!

Евгений
ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Уроки большой ПОЛИТИКИ

Фото Е. Халдея
и из архива автора

Наверное, надо признать, что это похоже на соревнование — кто первый? кто раньше? Не знаю, была ли это страсть, но, безусловно, они нравились друг другу. В них обоих даже внешне есть какое-то навязчивое сходство, оно в подчеркнутой скромности полувоенного костюма, в скупом жесте, в том, как они приветствуют с трибуны шумно ликующие толпы, как улыбаются деткам, как склоняются, широко, по-хозяйски расставив локти, над оперативной картой Верховного командования; генералы между тем стоят у них за спиной, в почтительном отдалении, как скромные мальчишки. И тот, и другой — и фюрер германского народа, и вождь всего прогрессивного человечества — считали себя военными стратегами, ревниво делили славу

с Наполеоном, питали уважение к начищенным сапогам, плац-парадам, бодрым походным маршам, любили единогласие и единомыслие и еще — задушевные песни про безымянного солдата, простого человека с ружьем.

Из песенной лирики один предпочитал песню «Сулико», которую каждый день передавало Центральное радио по заявкам догадливых радиослушателей, а второй подносил к глазам белый надушенный платок, когда прославленный государственный тенор желал своей маме спокойной ночи — «Гуте нахт, мутер, гуте нахт...» или так же проникновенно пел песню под названием «Родина, ты основа любви».

Они питали слабость к грандиозным соору-

жениям. Кажется, дома в Берлине и Москве строились по одним и тем же проектам — тот же гранит, те же эркеры, те же тяжелые колонны, те же арки и летящий ветер. Только один строил автострады, другой — каналы и гидростанции на равнинных реках, позже — лесозащитные полосы, и так, чтоб их можно было увидеть с Марса. (Поэтический образ, но на полном серьезе.) Еще они оба в равной степени любили философствовать и требовали, чтоб их мысли изучались и конспектировались. И чтоб семинары проводились на службе и по месту жительства.

И вождь, и фюрер родились в неблагоприятных семьях; оба были маленького роста, не шибко нравились женщинам и с детства стремились к славе людской. Один писал

стихи, так что «Краткий курс» вполне мог быть написан стихами, почему нет, другой мечтал стать художником, писал акварели и даже, кажется, продавал их в людных местах, вежливо раскрывая свою папку перед каждым возможным покупателем. Потом он рисовал ордена, ругал архитекторов за плоские крыши — он видеть не мог, эти крыши, жидовское изобретение, как не мог слышать о теории относительности, — вызывал к себе истинно арийского ученого Ленарда и спрашивал, что это за абракадабра такая, теория относительности, и Ленард, прилично улыбаясь, объяснял, что полная мура, великий Ленард, в честь которого рентгеновские лучи были названы ленаардовскими, и в Германии тех времен говорили: я пошел сделать ленаардовский снимок (а не рентгеновский) или вам надо пройти в ленаардовский кабинет. Ни в коем случае не в рентгеновский, потому что кто такой Рентген? Полукровка, масон, породившийся с еврейством и международным сионизмом... Короче, у одного был Лысенко, у другого — Ленард, и иногда мне кажется, что если б один из них не покончил с собой, «как гангстер», в своем тяжелом бетонном бункере, они бы встречались в Москве и беседовали долгими кремлевскими вечерами.

Вот они сидят один подле другого, уютно, как Сталин и Мао на картине Налбандяна в сталинском большом кабинете, тихо струится теплый свет настольной лампы, отражаясь на полированных панелях, тяжелые шторы глушат чеканные шаги бессонного патруля, и тихо течет неторопливая беседа:

— Колыму ты здорово придумал. А Воркута...

— Освенцим, знаешь, тоже не хухры-мухры...

— Профсоюзы я по-твоему сделал. Ты первый. И органы. У меня ведь тоже звания для них иначе именовались, не жели в вермахте. Для уважения. И трепета.

— Ладно уж... Я тебя уважаю.

О чем они еще могли беседовать, зададим себе такой вопрос, при том, что Гитлер всегда считал Сталина «государственным мужем», а Сталин держал Адольфа за большого политика — гангстером он назвал его, когда наши уже вошли в Берлин, в мае сорок пятого. А за одиннадцать лет до того, узнав про убийство Рема, вождя штурмовых отрядов, который помог Гитлеру прийти к власти, можно сказать, всю дорогу стоял на шухере, а тот без жалости пришел подельника в Штадтгегемской тюрьме, как только отпала в нем нужда, Сталин не просто пришел в изумление, он зауважал еще сильнее и переспросил докладывавшего товарища, только что прибывшего из Германии, действительно ли так все было на самом деле, и тот еще раз подтвердил. Глаза вождя вспыхнули. Вождь поднял руку и сказал со всем чувством, подбабляющим моменту:

— Настоящий палытык!

Сталин не просто пришел в изумление, Сталин задумался, кто же такой Гитлер? Я вспоминаю его на полотне Герасимова — помните? — на фоне полыхающих, тяжелых знамен он энергично поднял вверх указательный палец, точно устремил его в будущее. До чего ж они похожи — Адольф Шикльгубер и Сосо Джугашвили!

Рем был убит в июне, Киров — в декабре того же 1934 года. Тут надо остановиться и подумать. Чем же они отличались, два вершителя мировых судеб, чего не поделили в конце концов?

Так или иначе мы задаемся этим вопросом, когда перед нами возникают кадры старой кинохроники: давно отгремевшие парады и демонстрации, снова к Берлинскому перро-

ну, отпыхивая тугим паром, подкатывает обтекаемой формы паровоз — я с детства его запомнил! У нас был «Иосиф Сталин» («Самый мощный в мире паровоз»), а у них был «Адольф Гитлер», на котором и прибыл в столицу третьего рейха Вячеслав Молотов, больше известный во всем мире как «Мистер Нет», а до того прозванный отечественными оппозиционерами «Каменной жопой».

Или вдруг привидится Красная площадь, парад физкультурников в Москве, хотя на экране Нюрнберг и фюрер едет в открытом бронированном «Мерседесе-707». (Теперь этот «Мерседес» стоит в музее американского города Лас-Вегас, посетители могут подойти к нему вплотную и даже при желании будто бы сесть на кожаное сиденье. Говорят, проигравшимся в местном казино это очень помогает. Надо сесть, закрыть глаза и подумать о том, чего стоит вся эта суета и брэнность нашей жизни.)

На этой машине Гитлер принимал «Парад Победы» в сороковом в Берлине. Это Гитлер первым придумал «Парад Победы», Сталин только повторил. И когда несутся перед тобой события старой кинохроники, кажется, узнаешь лица всех этих развешенных полуграмотных обергруппенфюреров, оберфельдшарбатов, оберрегрингсратов, и дурацкий энтузиазм истинных тевтонцев вполне сравним с комсомольским задором наших «воршиловских стрелков». Вот они шагают молодые, задорные по столичной брусчатке к самой страшной войне, которая, несомненно, началась с того, что в ночь с 23 на 24 августа 1939 года в присутствии Сталина, все в том же кабинете с лакированными панелями, Молотов и Риббентроп подписали договор о ненападении, опубликованный утром 24 августа в «Правде», и к нему секретный протокол, который опубликован не был, а потом и вовсе исчез.

Документы пропали, словно их и не было. Их искали самым тщательным образом, но не нашли ни в архиве штаба оперативного руководства гитлеровского верховного главнокомандования во Фленсбурге, ни в архиве Риббентропа, захваченном в Магдебурге, ни в архиве Розенберга, замурованном в потайном хранилище в его замке в Баварии, ни в архиве Франка, обнаруженном в его имении. Попытки в подвалах банка фон Шредера в Кельне оказались тоже безрезультатными... Но сохранились фотокопии, их сделали при эвакуации архива министерства иностранных дел, когда союзники уже вошли в Германию, Берлин бомбила фронтовая авиация, и чиновник, ведавший фотокопированием, спешил, а потому рядом оказались самые разные документы. Их еще надо было найти. Но есть косвенные доказательства, свидетельствующие со всей очевидностью, что секретные протоколы существовали. Строятся предположения, что их выкрала или уничтожила заинтересованная сторона, так что журналисты для оживления информации прикидывают, а сколько это могло стоить? Сколько заплатили тому чиновнику или секретарше, имевшей доступ к совершенно секретным бумагам? Вариант с секретаршей более предпочтительный, ибо если что случилось — ищите женщину, а потом публика любит роковую любовь и страсть, ради которой — тут надо с пониманием вздохнуть — женщина пойдет на многое, если она настоящая женщина.

Оказывается, уже с весны 1939 года внешнеполитическое ведомство Германии, следуя конфиденциальным указаниям своего элгантного шефа, неоднократно вступало в контакты с представителем СССР в Берлине, прозрачно намекая, что Германия готова пойти на сближение с Москвой. Пора, де-

сать, прекратить ругань и протянуть друг другу руку дружбы, у нас есть общие цели и совместные задачи. Разве Советский Союз не желает распада Британской империи, например?

Рассказывают, именно в это время актер МХАТа Борис Николаевич Ливанов на приеме в Кремле оказался рядом со Сталиным. Сталин сидел за накрытым столом с ближайшими соратниками, а Ливанов сидел где-то в стороне. Но уже много было выпито, уже хор имени Пятницкого исполнил песню про то, как «на дубу зеленом да над тем простором два сокола ясных вели разговоры», исполнили на бис «Сулико», и теперь выступало трио баянистов. То ли охрана слегка зазевалась, то ли Сталин узнал Ливанова и поманил, но только Борис Николаевич оказался рядом с вождем, который задумчиво курил трубку. Ливанов стал приглашать Сталина на новый спектакль, скажем, на «Кремлевские куранты», где у него была сложная роль Забелина, характер противоречивый, возникающий на сломе двух эпох. И вдруг Сталин сказал:

— Я теперь смотрю другой спектакль.

— Какой? — сердце у Ливанова оборвалось. — Товарищ Сталин...

— Я смотрю, как гибнет Британская империя. — И все это с неповторимой сталинской интонацией. Что поделаешь, у каждого свой спектакль, но, видимо, в Берлине хорошо знали, что волнует кремлевского вождя.

Так или иначе, но вот 4 июля в советское полпредство поступает анонимное письмо, обычное письмо в стандартном конверте с красной маркой, на которой изображен Адольф Гитлер в профиль, и в письме этом предлагается, чтобы Германия и Советский Союз заключили соглашение о границах, поскольку оба правительства питают горячее желание восстановить свои границы 1914 года. Чем не детектив? Анонимное письмо, на котором, наверное, не было обратного адреса и имени отправителя. Разве что — «Доброжелатель».

Однако такие письма в посольство случайно не попадают, а потому его незамедлительно отправляют в Москву, получают указания, и полпред Астахов, в очередной раз беседа с Риббентропом, делает намеки, что вот-де пришло письмо. Очень странное письмо, мило улыбаясь, соглашается Риббентроп, но действительно аноним прав, надо давно уже договориться о границах от Балтийского до Черного моря. Тут же оказывается, что Риббентроп отлично знает политическую географию начала века, когда под русской короной находились и Финляндия, и Прибалтика, и ряд других областей, а Германия владела землями, которые отошли к Польше. Такой вот происходит разговор с глазу на глаз при бесстрастном переводчике, после чего Молотов едет в Берлин, а Риббентроп летит в Москву, и его встречают на Центральном аэродроме. Кавалькада черных «правительственных» машин — «собачья свадьба» — катит по оцепеневшей улице Горького.

Риббентропа встречают со всем почетом и радушием, в Большом театре к его приезду готовят «Валькирию» в постановке Эйзенштейна, Московская филармония приглашает Берлинский симфонический оркестр, тут же оказывается, что рейхсминистр очень любит балет и балерин (ему предоставляют такую возможность), но это, так сказать, культурная программа, не нам выяснять, кто из балерин прославленного Большого был запущен к Риббентропу «ласточкой», а потом, может быть, все это досужие вымыслы западных историков, которые любят копаться в старом белье, главное — был заключен договор о ненападении, явившийся полной неожиданно-

стью не только для мировой общественности, но и для советских людей.

«Фашист» было тогда ругательным словом, в Испании наши добровольцы вместе с мужественными испанскими патриотами дрались с фашизмом, «Правда» печатала статьи академика Минца, в которых фашизм клеймили как «волчий оскал империализма», фашизм называли нашим очевидным врагом, врагом коварным и самым злобным, и вдруг фашист стал другом. Вчера газеты писали одно, сегодня пишут другое, и уважаемый Юрий Левитан своим неподражаемым голосом зачитывает все это в эфир. А Риббентроп — на портрете такой милый в кожаном пальто, в мягкой шляпе с широкими полями — стоит рядом с нашим Вячеславом Михайловичем, и оба они улыбаются.

Потом, когда началась война, наш сосед говорил, что у Риббентропа были золотые часы, в которые был вмонтирован аппарат, и этот Риббентроп все время, будто невзначай, поглядывал на часы и фотографировал наши оборонные объекты. Надо же было как-то объяснить для себя все то, что вошло как-то в понятие — «фактор внезапности».

— Я всегда говорил, что он шпион и верить ему нельзя! — говорил сосед. И бабушка умно поджимала губы. Все смешалось в ума!

Ну, хорошо, есть такое мнение, что мы выиграли два года. Уже полыхала мировая война, а мы были в стороне, это дало нам возможность укрепить армию и границу, но, к сожалению, в этом плане не все было сделано, как надо. Слишком верили в прозорливость вождя, многое объяснялось его мудрым и осторожным лавированием среди козней и подвохов мирового империализма. Англичане и французы не очень-то шли на союз с нами. Они толкали Гитлера на восток, а наш Сталин, раз такое дело, устроил все так, что тот полез на запад. Немецкие войска сосредоточивались у наших границ, говорили особо искусственные отгадыватели внешнеполитических ребусов, потому что было секретное соглашение пропустить немцев в Индию (неясно, правда, как их хотели пропускать — по железным дорогам воинскими эшелонами или пешим ходом? с оружием или без оружия?). Туда им скатертью путь, они там завязнут, и мы их голыми руками. Большая политика! При этом вспоминалось выступление Сталина перед выпускниками военных академий в Москве, уже после заключения договора с Гитлером, из которого следовало, что Германия — наш очевидный противник и мы должны готовиться к войне с ней. По крайней мере все так поняли слова вождя. А Гитлер после 22 июня не устал заявлять, что напал на Советский Союз только потому, что, не сделай этого, он бы стал жертвой сталинского коварного удара в спину. Он-де только опередил очевидного агрессора, не дав ему модернизировать свою армию и авиацию, тем более, что германская разведка называла сроки — замена авиационного и танкового парка в Красной Армии должна была закончиться в срок втором году. Уже были разработаны новые образцы самолетов и танков.

Итак, кто кого хотел обхитрить, обьегорить, обставить на большой дороге к мировому господству?

Я вижу лицо своего соседа, его мудрый, а на самом деле ничегошеньки не понимающий взгляд, его согбенную спину в застиранной майке, кухонное полотенце через плечо, гору немой посуды... Радио передает последние известия — ценой огромных потерь в живой силе и технике немецко-фашистским войскам удалось вклинуться в глубь нашей территории...

Никто ничего не понимал. Как же так, выходит, нашего Сталина — мудрейшего из мудрейших — просто-таки обманули? Ведь был же еще и второй приезд Риббентропа в Москву, и его опять встречали как фон-барона. И флаги висели со свастикой над фасадами московских домов, и здравницы произносились в честь нерушимой советско-германской дружбы.

Во второй приезд был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Огромный пропагандистский аппарат Страны Советов со скрежетом, сверкая блеском стали, распинался о доблести и великодушие немецких солдат, о бомбежках Лондона, о том, как толстые капиталисты трусливо прячутся в грязном лондонском метро — которое, конечно, и это все знали, в сто раз хуже нашего, — как немецкие подводники топят линкоры и крейсера и какая строевая выправка у немецкого солдата. Но все равно договор, подписанный 28 сентября 1939 года, во второй приезд Риббентропа, остался актом совершенно непонятным, можно было только многозначительно сжимать губы и ссылаться на ба-альшую политику, тем более, что от советских людей скрыли, что и тут есть свои секретные протоколы. Просто через некоторое время в школьных атласах появилась новая реальность — исчезли Польша и Чехословакия, пространство Восточной Европы было залито голубовато-серой, приятного тона краской, и там написано — «Сфера германских интересов», кажется, так. Теперь этих карт не найти, и я не могу проверить — сфера или область, но именно так было, со всем нашим уважением — «... германских интересов».

И еще о тех временах. Совершенно случайно я познакомился с генералом С. — мы лежали в одной палате в госпитале, — и он, предавшись воспоминаниям, вдруг вспомнил, что был в охране Риббентропа, когда тот приехал в Москву. Риббентроп остановился в «Метрополе»(?), так было определено по протоколу — близко к Большому театру, — и, помимо наших сотрудников НКВД, среди которых был и С., тогда скромный офицер органов, при Риббентропе были эсэсовцы в черной форме с красными нарукавными повязками, они стояли у дверей в его апартаменты по двое по стойке «смирно», пяточки вместе, носочки врозь на ширину ружейного приклада, здоровые, подтянутые, вот такие ребята! И когда до них из-за двери доносился звук шагов и можно было подумать, что рейхсминистр вот-вот выйдет, они вздрагивали и вытягивались совсем смирно, так что наши сотрудники, суевившиеся в том же коридоре под видом гостиничных служащих, кто там официант, кто там вроде полотер, просто балдели. Это ж надо, как службу несут!

Прошло полвека. Нам хочется разобраться, это наше человеческое и гражданское право, что же двигало тайные пружины истории и есть ли связь в том, что ровно через неделю после подписания первого договора началась вторая мировая война. Накануне прибывший в Гданьск с визитом вежливости немецкий линкор «Шлезвиг-Гольштейн» открыл огонь из орудий главного калибра по польской крепости Вестерплатте, и в Польшу вторглась германская армия.

Есть объективная необходимость — все тайное делать явным. Тайны унижают человека, чем больше тайн, тем меньше свободы. Но через 50 лет трудно восстановить реалии прошлого, его ритмы и пристрастия, тем более, что существует несколько мнений о проблеме и все они достаточно авторитетны. Систематизировать их как-то мне бы не хотелось, я не историк, не специалист, а специа-

листы говорят, было-де все-таки два договора, их надо различать: первый о ненападении, он правильный, нам его не надо стыдиться — в том историческом контексте СССР вынужден был пойти на сближение с Германией; а вот второй договор, действительно, не совсем симпатичный, только опять же, если внимательно посмотреть, есть там свой определенный резон. Сталин боялся войны, он любыми средствами хотел ее избежать, а потом он играл историческую роль собирателя русских земель, он себя время от времени то Иваном Грозным видел, то Петром Великим. «Я на русской культуре воспитан», — говорил он, а кто помнит фильм «Падение Берлина», должен был запомнить на всю жизнь, как сталевавар Иванов оговаривается, увидев Сталина, склоненного над розовым кустом в своем саду. «Виссарион Иванович!» — восклицает простой сталевавар, а Сталин ласково поправляет: «Это моего отца звали Виссарион Иванович», — и на лице его появляется тихая улыбка радушного хозяина и любящего сына. Потом он еще читает наизусть в присутствии всех членов Политбюро «Кавказ подо мною...»

Делать вид, что не существует иных мнений, было бы не совсем честно. Некоторые убеждены, что оба договора — и от 24 августа, и от 28 сентября — аморальны и безразличны и с самого начала не имели никакого смысла, как не было никакого смысла в поголовной коллективизации, в индустриализации за счет ограбления деревни. На всех делах, за которые брался сын Виссариона Ивановича, маленький человек с сухой рукой и следами оспы на усатом лице, лежит каинова печать бездарности. Он ничего не умел. Царицын ему придумали, и Первую конную армию тоже, и довоенные пятилетки, ни одна из которых не была выполнена, и десять победоносных ударов, названных его именем в конце войны. Так почему мы до сих пор думаем, что во внешней политике были у него какие-то успехи? Или там, в Наркоминделе, трудились не такие же серые выдвигенцы, как в Наркомтяжпроме, в НКПС или в сером здании напротив, которое называлось НКВД?

До последнего времени нам, рядовым гражданам, в сферы высокой политики при тотальной секретности заглядывать не полагалось. Там были самые-самые секреты. И мы, ясное дело, не заглядывали. Но почему никакие секреты не помогли? Началась война, и в первый же день немцы бомбят наши секретные аэродромы, секретные заводы, успел Риббентроп сфотографировать, что ли? И почему немецкие полевые карты были подробней наших? От кого мы скрывали наши секреты? От самих себя, получается. Те, кто не должен был их знать, те как раз знали!

Сегодня мы все стали свидетелями необычайного интереса к истории, к современной интерпретации недавнего прошлого, к правде, к тому, что от нас упорно скрывалось и что так или иначе определяет сегодняшний день. Как можно было многонациональной, великой стране идти на сближение с Гитлером, зная его людоедские идеи о жизненном пространстве, о нацеленности германского движения на восток?! Разве не фюрер заявлял, что «одна из основных задач германского государственного управления во все времена будет заключаться в предотвращении развития славянских рас». Надо почувствовать глобальный размах этой его сентенции. Забористо мыслит!

Ему же принадлежит такое высказывание: «Мы должны истреблять население, это входит в нашу миссию охраны германского населения, нам придется развить технику обезлюживания. Если меня спросят, что я подразуме-

меваю под обезлюживанием, я отвечаю, что имею в виду уничтожение целых расовых единиц». Вот ведь как, «расовых единиц»?! Терминология то какая, это ж светоч мысли! И там дальше, не переводя дыхания: «Именно это я и собираюсь проводить в жизнь, грубо говоря, это моя задача. Природа жестока, следовательно, мы тоже имеем право быть жестокими. Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную и леющую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви».

Мы плохо знаем то время, иначе чем объяснить появление у нас наших, своих собственных доморощенных фашистов, увешанных знаками свастики, празднующих в апреле день рождения фюрера. В высоких сапогах с наруканными повязками на черных рубашках выходят они из подземного перехода на площади Пушкина и молодыми, петушиными голосами выкрикивают фашистские лозунги. Чем объяснить появление «Памяти», взявшей на вооружение тот же идеологический багаж, ратующей за чистоту нации, за самобытность — не какую-нибудь, а причудливую им, — и никто не спросит — ребята, вы задумывались хоть раз, кому вы подражаете, ведь это при том, что в свою компанию штурмовики вас ни за что бы не взяли: по их понятиям, вы — низшая раса, вы сами подлежали уничтожению по законам, которые они, а теперь вы проповедуете. И необязательно в душегубках, хотя в душегубках тоже.

2 мая 1941 года на совещании статс-секретарей по «плану Барбаросса» было отмечено, что война может продолжаться только в том случае, если вооруженные силы будут снабжаться питанием из России. «Нет сомнения, что если мы возьмем из России нужное нам, то в результате этого многие миллионы погибнут голодной смертью», — читаем в этом документе. И все. И никакого волнения, тем более тревоги. Погибнут и погибнут. Гитлеровское вероломство ничем не отличается от сталинского. И тот, и другой в основной принцип своей политики возвели беспринципность без всякого учета каких-либо моральных обязательств. И сейчас самое время вспомнить, что вождь народов не только разогнал Коминтерн, отправив в лагеря тысячи сидных коминтерновцев, он еще, заключив договор с Гитлером, и передал ему тех германских и австрийских антифашистов, которые после прихода Гитлера к власти приехали на свою идейную родину, в Советский Союз. Работники НКВД передавали их гестаповцам по спискам на пограничном мосту через Буг, через Сан, через Нарев... Попытаемся представить себе состояние этих людей. Сталин разрешил немецким рейдерам проходить Северным морским путем, чтоб в Мировом океане они могли нападать на застигнутые врасплох торговые суда союзников.

Известно, что в начале мировой войны активные боевые действия велись лишь на морских коммуникациях, все свои военно-морские силы Гитлер бросил на блокаду Великобритании, которая до 50% продовольствия и сырья получала морем. Основная ставка делалась на подводные лодки и на рейдеры, которые за первые четыре месяца войны — с 3 сентября по 31 декабря 1939 года — пустили на дно 114 английских судов, а в следующем, 1940 году — 471, так что к лету срок первого года англичане потеряли около трети своего торгового флота, тогда самого современного и многочисленного среди мировых флотов. С разрешения Сталина, мудро потиравшего руки, немецкие корабли отстали у нас, в Мурманске. Именно там.

Вождь разрешил фюреру. Достаточно вспомнить знаменитый «Бремен», который по приказу президента Рузвельта был задержан в Нью-Йоркском порту — был приказ задерживать все фашистские суда, — но 30 августа, подняв пары, «Бремен» вышел в океан за несколько часов до нападения на Польшу. Судовой оркестр исполнял «Дойчланд юбер аллес...». «Бремен» трижды обошел стацию Свободы — срок его задержания не мог превышать 36 часов по международным нормам, капитан это отлично знал, — и скрылся в океане. Получив официальное сообщение о начале войны, американские эсминцы кинулись в погоню, но «Бремен» благополучно оторвался от преследования, на ходу перекинув борта, для чего была задействована вся команда, включая оркестрантов, которые так лихо исполнили свой гимн. Кистей не хватало, в ход пошли ресторанные салфетки и скатерти. Для дезинформации противника немецкое радио на следующий вечер передало, сопроводив сообщение траурной мелодией, что «Бремен» торпедирован английской подводной лодкой.

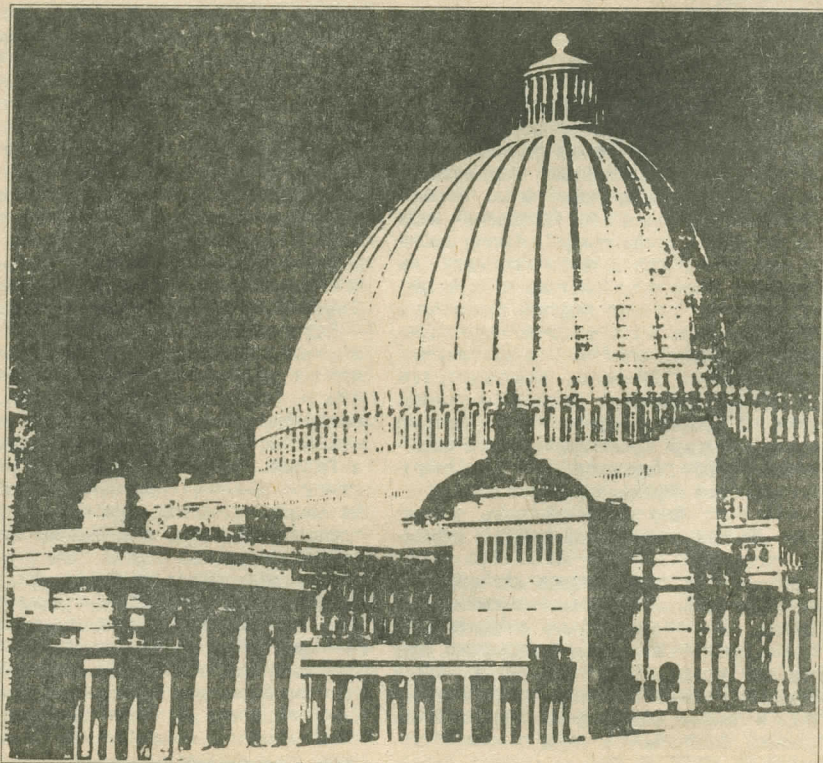
В это время перекрашенный «Бремен» пересек Атлантику, на его помилку вышли английские крейсера, но он двинул севернее привычных маршрутов, оставил Англию справа и через восемь суток оказался в Мурманске, где его встретили как дорогого долгожданного гостя.

Гейббель сообщил на весь мир, а мы вроде подхихкинули, что побег «Бремена» — победа германской нации. Победа над английскими и американскими капиталистами. В Германии пошли в ход открытки с «Бременом», появились рисунки «Бремена», стихи про «Бремен»... Пароход стал знаменитым. В декабре 1939 года он тихо покинул гостеприимный советский порт, никого не оставив в известность. (Совсем так же, как позже сделали это все немецкие суда, получив шифровку о том, что днями начинается война с Советским Союзом. Вдгонку им никого не посылали и, кажется, выводов не сделали из того,

что все они вдруг, почти в одночасье, оставили наши воды. Факт этот, судя по многим воспоминаниям, был незамедлительно доложен вождю народов, но тот никаких срочных мер не принял. Верил Гитлеру. И, кажется, даже выразил соболезнование — а почему нет? — когда «Бремен», прорвавшись в порт приписки Бременхафен, сгорел по непонятно какой причине. Пожар продолжался восемь суток.)

В марте-июле сорокового года группа новых фашистских рейдеров покинула свои базы и, миновав Датские проливы, прорвалась через английскую блокаду. Шли на разбой. Дело пахло большой кровью.

Все это были вспомогательные крейсера, вооруженные крупнокалиберной артиллерией, торпедными аппаратами, но тщательно и даже искусно замаскированные под транспортные суда: орудийные башни камуфлировались под катушки с кабелем, под ящики с грузом, под судовые какие-то надстройки, маскировались фальшбортами, которые откидывались непосредственно перед стрельбой. Один из рейдеров под именем «Комет» проскочил в Мурманск, а затем с нашим караваном мирно двинул Северным морским путем, но произошла небольшая накладка. По документам «Комет» значился как гражданский пароход, следующий экспериментальным рейсом в Японию. Все шло благополучно, немцы вели себя скромно, по вечерам играли на губной гармошке, и тонкий этот звук далеко разносился над печальными льдами, вызывая добродушную усмешку у бывалых полярных судоводителей. Но вот почти в самом конце пути наши ледовые капитаны обнаружили на мирном вроде бы пароходе торпедные аппараты и дальнобойные 150-миллиметровые пушки. Капитаны, не слишком сведущие в большой политике, посовествовавшись между собой, предложили рейдеру вернуться назад, в Мурманск, но его лихой командир самовольно снялся с якоря и без сопровождения наших ледоколов пробился в Тихий океан, где разбойничал что-то больше года, пока не

был потоплен.

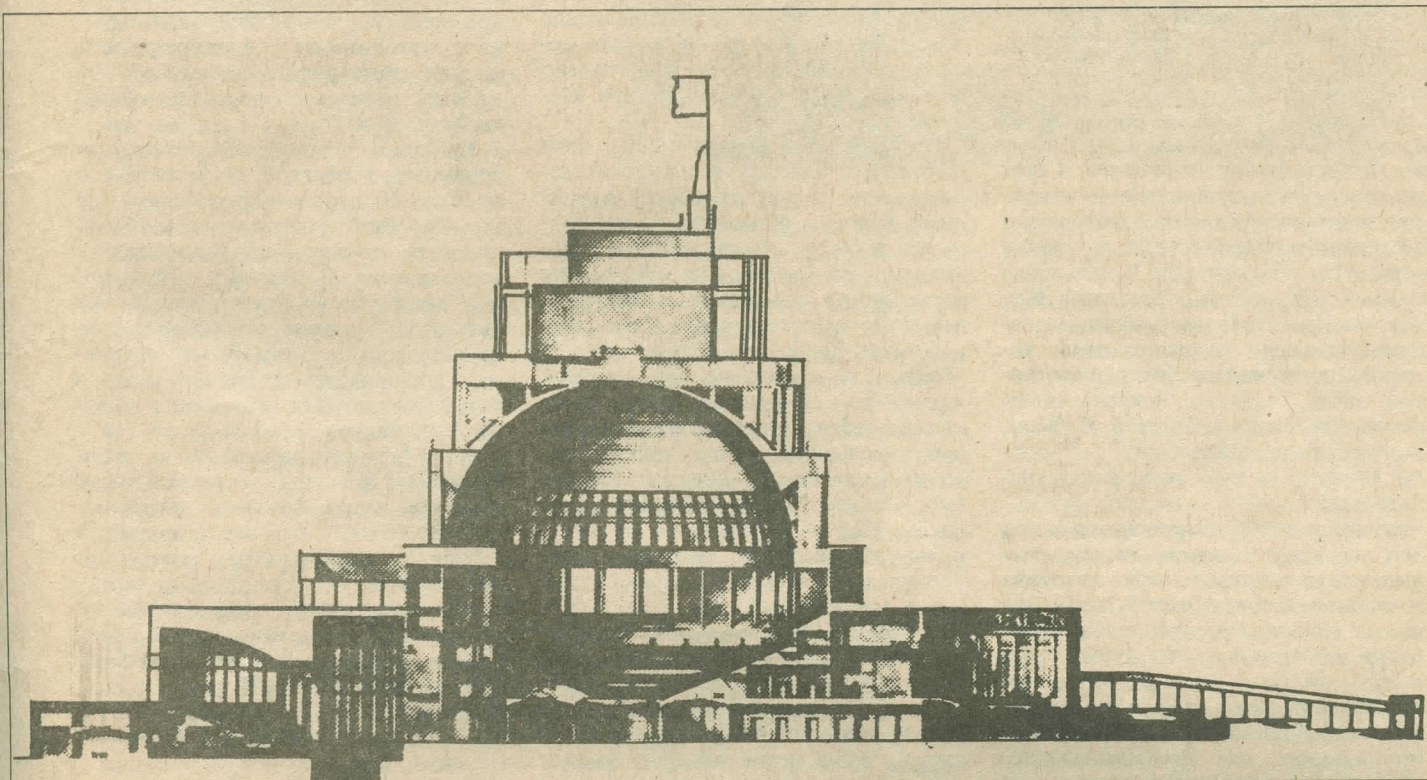
Сталин отлично знал, как расправляются немецкие рейдеры со своими жертвами. Выследив очередной транспорт с помощью радиоперехвата, авиационной разведки или просто визуально из «вороньего гнезда» на самой верхушке мачты, рейдер устремлялся в преследование. Команда, состоящая из военных моряков, по тревоге занимала боевые места у орудий, но маскировка не нарушалась ни в коем случае до тех пор, пока пират не поднимал флажный сигнал — «Остановите немедленно судно!» После чего следовал предупредительный выстрел. (Но чаще стреляли сразу без предупреждения. Так оно было верней.)

«Не подбирайте спасшихся и не берите их с собой, — приказывал гросс-адмирал Дениц. — Не заботьтесь о спасательных шлюпках торговых судов. Условия погоды и расстояние до земли не играют никакой роли. Мы должны быть жестокими...» Такой подход к делу не мог не импонировать товарищу Сталину, лучшему другу моряков. (Несомненно, был у него и такой титул.)

А какие полевые парады проводились совместно на новой границе, начерченной на карте рукой великого вождя! Шли танки со свастикой и наши с красными звездами на башнях, проходила на рысях наша и германская кавалерия, гремели оркестры, развевались знамена, а знаменитый генерал Гудериан принимал парад рядом с генералом Павловым, который был расстрелян в начале войны: надо ж было на кого-то свалить вину! — стояли плечом к плечу и обменивались впечатлениями по-русски, потому что Гудериан учился в танковом училище у нас, в Казани, это когда Германии по Версальскому договору было запрещено иметь свои вооруженные силы, в частности танковые войска, а вождь, мудро заглядывая далеко вперед и предвидя будущее, воспитывал немецких танковых военачальников. Великий стратег все видел, а вот что именно, это было большой

тайной. Немецкие гренадеры печатали шаг, у наших выправка была скромней, но парадные расчеты выглядели вполне на высоте, и танки наши держали равнение не хуже немецких. Но подумай — парады! Два года Сталин был фактически невоющим союзником откровенного международного бандита. Снабжал его стратегическим сырьем, продовольствием, информацией, давал английским и французским коммунистам строжайшие указания саботировать все военные работы своих правительств, подрывая авторитет нашей страны, чтоб потом в один день война несправедливая, империалистическая, захватническая, такая, сякая стала сразу же справедливой, народной, Отечественной. Вот оно как бывало в истории, и об этом надо знать, а потому видеть в любом действии очевидную перспективу, ибо нельзя даже не из морально-этических соображений, а просто из здравого смысла решать судьбы народов в тайне от них самих, вопреки их желаниям и чаяниям. Ничего хорошего из этого не получается. Рано или поздно приходится расплачиваться, и цена этой расплаты, как показывает история, всегда бывает много выше всех сиюминутных будто бы выгод.

НА СНИМКАХ (из архива автора статьи). У времени всегда свои вкусы и привязанности. У Сталина был «Дворец Советов» (один из вариантов проекта внизу), у Гитлера — свой Дворец (слева). Остается только удивляться их схожести.

ПОКОРЕНИЕ АМЕРИКИ

Двух советских школьников
выслали из США за кражу

Удивление не сразу сходит с веснушчатого, белозубо-улыбчивого лица Джерри Милсом. Четвертый год работает она для всемирно известной американской фирмы «Пипл ту пипл» («Люди к людям») и повидала в свои неполные тридцать самых разных туристов — шведов, китайцев, бразильцев (из каких только стран не приезжали делегации в престижный университет «Пен Стейт»). Но мы — первые русские, с которыми теперь теснейшим образом будет связан целый месяц ее профессионального и человеческого общения. Мы только что познакомились, и, глядя на полсотни советских «тинейджеров», перегороживших сумками, чемоданами и авоськами просторный университетский вестибюль, Джерри явно пребывает в растерянности. Они (то есть мы, советские) так не похожи на всех остальных: мы шумнее и бестолковее, нахальнее и беспардоннее; мы задаем тысячу вопросов и не дослушиваем ответов; мы не понимаем, почему нельзя курить в уютных общежитских комнатах и к чему прикреплять свои визитные карточки; мы, не удосужившись запомнить имени очаровательной хозяйки, перекрикивая друг друга, хотим знать, сколько здесь, в Пенсильвании, стоят кроссовки и плеер, где самый дешевый «шоп» и, вообще, нельзя ли туда отправиться немедленно...

Я смотрю на развалившихся перед ней, стоящей, мальчишек, пускающих пузыри закупленным накануне в массовом порядке «баблгамом», на наших девочек, раскрашенных хуже клоунов, нелепых в обрезанных выше колен, по здешней моде, советских брючках, на затерявшихся в толпе наших «лидеров», то ли не понимающих, как мы выглядим со стороны, то ли считающих, что так

фото А. Калинин

и надо. И первый раз отчетливо ощущаю: стыдно...

Потом будет стыдно еще не раз — когда в комфортабельном, перевозящем на дальние расстояния автобусе «Мерседес» юные «покорительницы Америки» закинут ноги в несвежих носках на спинки передних сидений; когда будет полниться список ребят, попавшихся на мелких и не очень кражах в супермаркетах; когда, не насытившись чизбургерами из «Макдоналдса», рослые дети будут нагло скандировать в лицо седому профессору биологии: «еще! еще! еще!».

Но следом за унижительным чувством стыда придет мысль: дети не виноваты. Наши дети — наше лицо. И в тех небольших американских городках, где раньше не видели советского человека, это лицо далеко не всегда производило приятное впечатление.

Да, в учебных аудиториях, компьютерных классах, космических городках, на скаутских соревнованиях наши были, в общем-то, на высоте. А вот в быту... В испытаниях переполненными магазинами... В умении бескорыстно общаться с преуспевающими сверстниками... Увы.

Стыдно было не только мне. В Москве, в особнячке на Донской улице, где об успехах и промахах наших ребят узнавали из ежедневных телефаксов, думаю, тоже пережили неприятные минуты. Сотрудники Центра международных программ «Дети — творцы XXI века» продумали, казалось, все: и систему конкурсного отбора на всей территории Союза (чтобы не было разговоров о «блатных» и «своих»), и организацию, и научную программу, и многое другое. Не думали только, что там, далеко за океаном, кто-то может печально ухмыльнуться: ну и творцы ваши детишки!.. Не думали, что двоих мальчишек из делегации

подмосковного Троицка придется встречать в Москве намного раньше намеченного — их выслали из Штатов за кражу...

В стране, которая долгие годы была полем гигантской битвы за выживаемость, правила ведения боя усваиваются с детства. И каждый школьник у нас знал: чтобы «запросто» выехать за рубеж, надо либо иметь там родственников, либо отправиться в заграникомандировку с родителями. Известно было и другое: у западных сверстников таких проблем нет, им не нужны родственные связи, чтобы выбрать не только профессию, но и место, страну обучения. То, что сделала организация «Дети — творцы XXI века», явилось первым шагом к этой цивилизованной жизни. Пусть у наших ребят будет шанс хоть месяц-другой прожить за границей, учась и отдыхая. И доказать, что мы не хуже других. Так начался детский научный международный туризм: американцы — к нам, в огуденческие лагеря, мы — к ним.

Но оказалось — не так-то просто доказывать, что мы действительно «не хуже других», хотя, повторяю, меньше всего в этом виноваты сами ребята. «Накладки», которые случались с ними в Америке, — следствие не только дурного воспитания кого-то из них. Скорее это результат нашей общей нецивилизованной и убогой жизни в одной из немногих стран мира, где свобода передвижения и свобода мысли не являются нормой бытия любого человека, с самого детства. Где нет ни врожденной внутренней культуры, ни элементарно приобретенного умения выглядеть «прилично». И черпать нам это неоткуда. Надо учиться. С нуля.

Конечно, было бы нечестно, вспоминая о поездке, не сказать и о другом. О пресс-конференциях, где наши ребята уже довольно бегло шпарили по-английски, улыбаясь с телеэкранов. О научных состязаниях, когда физики из Свердловска заткнули за пояс студентов-американцев, или о стрельбе из старинных арбалетов и гребле на каное в скаутских лагерях, где наши тоже были первыми.

А когда мы прощались с «Пен Стейтом», Джерри, обычно такая сдержанная и деловая, смущенно отворачиваясь от нас, вытирала влажные щеки... «Вы мне стали родными...»

Мы приедем еще. Мы обязательно приедем — не затем, чтобы отовариться плеерами и кроссовками. Мы приедем учиться у вас.

Татьяна ШАРАЯ

Филадельфия — Нью-Йорк — Москва

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ, КОТОРОГО ЛЮБИЛИ ВСЕ

«Сергей Довлатов — как червонец. Всем нравится», — неожиданно игриво написали о нем в серьезной исследовании «Современная русская проза» П. Вайль и А. Генис. И это сущая правда. С одной поправкой — с 24 августа с. г. о Сергее Довлатове следует писать в прошедшем времени. Потому что он умер.

Известие совершенно дикое. Тем более, что еще какое-то время после похорон голос его продолжал звучать по радио «Свобода» — записи делаются заранее.

Мне посчастливилось общаться с ним дважды — осенью прошлого года и совсем недавно, в июне. Оба раза — в Нью-Йорке. Мы находились в тесной переписке. На полке стоят его книги. «Люблю Андрея Мальгина на фоне всякого г...» — написал он на одной из них. «Люблю я Мальгина Андрея, что очень странно, не еврея» — надпись на другой.

Редко когда встретишь человека такого искрометного юмора и в то же время такого благородства и обаяния. Почитаешь его рассказы и заметки, в которых щедро рассыпаны имена близких и дальних его знакомых, и усомнишься в том, что он «всем нравится», — Довлатов в них беспощаден, едок, язвитель. А его, несмотря ни на что, любили. На него не обижались.

Человек исполинского роста, по-медвежьи неторопливый и постоянно грустный, Довлатов любил помогать, выручать из сложных ситуаций, утешать. В его обществе было удивительно спокойно и уютно. Его комментарии, которые он приходил записывать на Бродвей, в студию радио «Свобода», не были злопыхательскими, в них преобладали два ощущения, если заходила речь о наших

«внутренних» проблемах, — сочувствие и удивление. Любитель гротеска, Довлатов работал в гоголевской традиции. Правду и выдумку не так-то просто разделить в его сочинениях. Впрочем, сам он не раз уверял, что выдумки в них нет вовсе. «Зачем что-то придумывать, если жизнь полна парадоксов и неожиданностей?»

Но даже если в чем-то он и приукрасил, подретушировал действительные события, все же факты стали от этого только более выпуклыми, наглядными. В предлагаемой сегодня читателям подборке — то ли анекдотов, то ли дневниковых набросков, — пожалуй, больше все-таки правды. История ее такова. Лет десять назад, еще только приехав в эмиграцию, С. Довлатов издал несерьезную, как ему казалось, книжечку «Соло на «ундэрвуде» (так назывались старенькие пишущие машинки) — дневник всяких занимательных случаев, произошедших с самим автором и его друзьями на родине. Но время шло, накапливались наблю-

дения эмигрантского периода, и Сергей решил собрать их в новую книжку. Название подсказал его приятель, владелец издательства «Серебряный век» Григорий Поляк: «Соло на IBM». IBM — марка популярного персонального компьютера, на котором, как это и принято среди нормальных американских писателей, работал Довлатов.

Сергей Довлатов умер в возрасте 49 лет, так и не дождавшись выхода книги у себя на родине, так и не приехав в Советский Союз после вынужденной двенадцатилетней отлучки. Впервые на страницах нашей прессы он появился в мае прошлого года — нам тогда удалось напечатать в «Неделе» полтора десятка его коротких историй из книги «Не только Бродский». С тех пор в советских журналах появились и его рассказы, и повести. Появятся, надо думать, и книги. Без него современная русская проза неполна.

Андрей МАЛЬГИН

Сергей
Довлатов

«Соло на

Поэт Евгений Рейн пригласил молодую женщину в гости. Сказал:

— У меня есть бутылка водки и четыреста граммов сервелата.

Женщина обещала зайти, спросила адрес. Рейн продиктовал и добавил:

— Я тебя увижу из окна.

Стал взволнованно ждать. Молодая женщина направилась к нему. Повстречала Сергея Вольфа. «Пойдем, — говорит ему, — со мной. У Рейна есть бутылка водки и четыреста граммов сервелата». Пошли.

Рейн увидел их в окно. Страшно рассердился. Бросился к столу. Выпил бутылку спиртного. Съел четыреста граммов твердой колбасы. Это он успел сделать, пока гости ехали в лифте.

очень близкие знакомые. В том числе и малосимпатичные. Все это стало мне надоедать. Мама бодро посоветовала:

— Объясни им — мать при смерти.

Лена возражала:

— В этом случае они тем более заедут — попрощаться.

Это случилось на одной литературной конференции. В ней участвовали среди прочих Лимонов и Коржавин. В конце состоялась прения. Каждому выступающему полагалось семь минут. Наступила очередь Коржавина. Семь минут он ругал Лимонова за аморализм. Наконец председатель сказал:

— Время истекло.

— Я еще не кончил.

— Но время истекло...

Вмешался Лимонов:

мальной обстановке подвывает. А тут я совсем растерялся.

Лежит Иосиф — бледный, чуть живой. Кругом аппаратура, провода и циферблаты. И вот я произнес что-то совсем неуместное:

— Вы тут болеете, и зря. А Евтушенко между тем выступает против колхозов...

Действительно, что-то подобное имело место. Выступление Евтушенко на московском писательском съезде было довольно решительным. Вот я и сказал:

— Евтушенко выступил против колхозов...

Бродский еле слышно ответил:

— Если он против, я — за.

Одного моего знакомого

ловека»?

— Отпечатал.

— Передал ли он эти сто копий вам, Михаил Ильич?

— Передал.

Следователь встал и быстро произнес:

— А теперь скажите откровенно, Михаил Ильич. Написали-то эту «Декларацию», конечно, вы сами? Не так ли?!

Заговорили мы в одной эмигрантской компании про наших детей. Кто-то сказал:

— Наши дети становятся американцами. Они не читают по-русски. Это ужасно. Они не читают Достоевского. Как они смогут жить без Достоевского?

И все закричали:

— Как они смогут жить без Достоевского?!

На что художник Бахча-

Иосиф БРОДСКИЙ

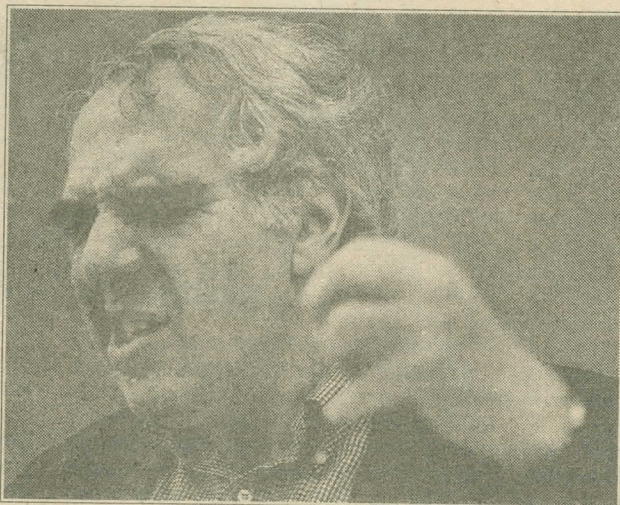
Аксенов ехал по Нью-Йорку в такси. С ним был литературный агент. Американец задает разные вопросы. В частности:

— Отчего большинство русских писателей-эмигрантов живет в Нью-Йорке?

Как раз в этот момент чуть не произошла авария. Шофер кричит в сердцах по-русски: «Мать твою!»

Василий говорит агенту: «Понял?»

К нам зачастили советские гости. Иногда — не

Евгений РЕЙН

— Мне тоже полагается время?

— Семь минут.

— Могу я предоставить их Науму Коржавину?

— Это ваше право.

И Коржавин еще семь минут проклинал Лимонова за аморализм. Причем теперь за его счет.

Бродский перенес тяжелую операцию на сердце. Я навестил его в госпитале. Должен сказать, что Бродский меня и в нор-

привлекли к суду. Вменялась ему антисоветская пропаганда. Следователь задает ему вопросы:

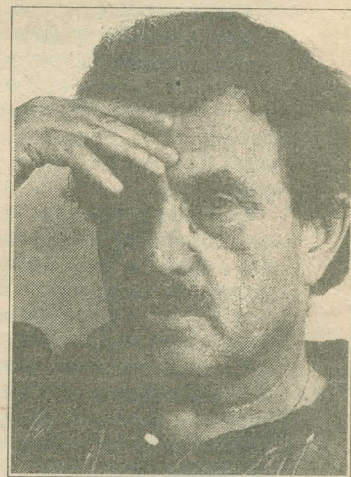
— Знаете ли вы некоего Чумака Бориса Александровича?

— Знаю.

— Имел ли некий Чумака Борис Александрович доступ к множительному устройству «Эра»?

— Имел.

— Отпечатал ли он на «Эре» сто копий «Всеобщей декларации прав че-

Василий АКСЕНОВ.

нян заметил:

— Пушкин жил, и ничего.

Приехал из Германии Войнович. Поселился в гостинице на Бродвее. Понадобилось ему сделать копии. Зашли они с женой в специальную контору. Протянули копировальщику несколько страниц. Тот спрашивает:

— Ван оф ич? (Каждую по одной?)

Войнович говорит жене:

ИВМ»

— Ирка, ты слышала? Он спросил: «Войнович»? Он меня узнал! Ты представляешь? Вот это популярность!

Роман Якобсон был косой. Прикрывая рукой левый глаз, он кричал знакомым:

— В правый смотрите! Про левый забудьте! Правый у меня главный! А левый — это так, дань формализму...

Хорошо валять дурака, основав предварительно целую филологическую школу!..

Якобсон был веселым человеком. Однако не слишком добрым. Об этом говорит история с Набоковым.

Набоков добивался профессорского места в Гарварде. Все члены ученого совета были — за. Один

Остался на Западе. Пережил как музыкант второе рождение. Пользовался большим успехом. Был по-человечески счастлив. Умер в 1981 году от разрыва сердца. Похоронен недалеко от Амстердама.

Его бывшая жена говорила знакомым в Москве:

— Будь он поумнее, все могло бы кончиться иначе. Лежал бы на Новодевичьем. Все бы ему завидовали.

Я чувствую себя в долгу перед Рудольфом Нуриевым. Хотя мы даже не знакомы. Дело вот какого рода.

У моего отца был враг по фамилии Коркин, номенклатурный администратор. Этот тип в разные годы заведовал несколькими культурными учреждениями. И всегда увольнял

сделал, как говорила Ахматова о другом таком же мерзком человеке...

Так Рудольф Нуриев отомстил за моего отца.

Михаила Шемякина я знал еще по Ленинграду. Через десять лет мы встречались в Америке. Шемякин говорит:

— Какой же вы огромный!

Я ответил:

— Охотно меняю свой рост на ваши заработки...
Прошло несколько дней — Шемякин оказался в дружеской компании. Рассказал о нашей встрече:

«...Я говорю — какой же вы огромный. А Довлатов говорит — охотно меняю свой рост на ваш... (Шемякин помедлил)... талант!»

В общем, мало того, что Шемякин — замечательный художник. Он еще и

А это, между прочим, не габардин.

Миллер вежливо сказал:

— И я отдаю себе в этом полный отчет.

Затем он повторил:

— Так назовите же цену.

— Триста! — выкрикнул Целков.

— Триста — чего? Рублей?

Евтушенко за спиной высококого гостя нервно и беззвучно артикулировал:

«Долларов! Долларов!»

— Рублей? — переспросил Миллер.

— Да уж не копеек! — сердито ответил Целков.

Миллер расплатился и, сдержанно попрощавшись, вышел. Евтушенко обозвал Целкова кретином...

С тех пор Целков действовал разумнее. Он брал картину. Измерял ее параметры. Умножал ширину

Михаил ШЕМЯКИН

Якобсон был — против. Но он был председателем совета. Его слово было решающим.

Наконец коллеги сказали:

— Мы должны пригласить Набокова. Ведь он, большой писатель.

— Ну и что? — удивился Якобсон. — Слоны тоже большие животные. Мы же не предлагаем ему возглавить кафедру зоологии!

Кирилл Кондрашин побил молодую голландку.

Наум КОРЖАВИН

откуда-нибудь моего отца. Коркин уволил его из Пушкинского театра. Затем из филармонии. Затем из гастрольно-концертного объединения. И так далее.

А затем произошло следующее. Рудольф Нуриев был звездой Кировского театра. А Коркин был директором этого театра. Нуриев гастролировал в Париже и сбежал. А Коркина уволили за недостаток бдительности. И он в дальнейшем спился. А потом и умер. И правильно

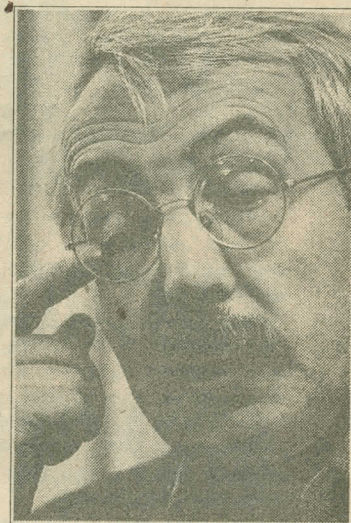
талантливый редактор...

Когда-то художник Олег Целков жил в Москве и очень бедствовал. Евтушенко привел к нему Артура Миллера. Миллеру понравились работы Целкова. Миллер сказал:

— Я хочу купить вот эту работу. Назовите цену.

Целков ехидно прищурился и выпалил давно заготовленную тираду:

— Когда вы шьете брюки, то платите двадцать рублей за метр габардина.

Андрей БИТОВ

на высоту. Вычислял таким образом площадь. И объявлял неизменную твердую цену:

— Доллар за квадратный сантиметр!

© «Слово», Нью-Йорк, 1988. © «Синтаксис», Париж, 1989.

Фото М. Лемкина (США)

Диктатура по-иракски

КРОВАВЫЙ СПЕКТАКЛЬ
С РЕЖИССУРОЙ САДДАМА ХУСЕЙНА

Моего собеседника, иракца Али (полного его имени мы по понятным причинам не называем), могли убить уже несколько раз. Впервые он попал в концлагерь, когда ему было три года, — вместе с арестованным отцом...

«В Ираке сейчас процветает самый настоящий фашизм гитлеровского толка, — рассказывает Али. — Диктатуру Саддама Хусейна смело можно поставить в один ряд с режимом Пол Пота в Кампучии».

У оппозиции в Ираке давно уже нет никаких возможностей для легальной деятельности — Хусейн до сих пор даже не принял конституции и не торопится этого делать. Пытки политзаключенных и массовые казни стали здесь обычным явлением. По числу смертных приговоров на душу населения, согласно данным комиссии по правам человека Британского парламента, Ирак вышел на одно из первых мест в мире.

До недавнего времени оппозиция вела вооруженную борьбу. На севере страны действовали отряды коммунистов и курдов. Однако сейчас, продолжает Али, сопротивление фактически сходит на нет: Хусейн жестоко отыгрывается на ни в чем не повинном мирном населении. В Ираке хорошо помнят, как он применил оружие массового поражения против жителей двух городов, заподозренных им в пособничестве врагу. Ракетами «земля-земля» (их поставлял Ираку Советский Союз), начиненными отравляющими веществами, были уничтожены старики, женщины, дети. После этого пятьдесят тысяч курдов бежали в Турцию.

Эмигрировать пришлось большинству противников Хусейна. Сотни тысяч иракцев рассеяны по миру. За рубежом выходят оппозиционные газеты.

Были попытки физически устранить диктатора, вспоминает мой собеседник. Одну из них предпринял подросток, выпускник гимназии. Ежегодно трем лучшим иракским выпускникам предоставляется возможность продолжить образование за рубежом. Все расходы берет на себя государство, их будущее полностью обеспечивается. Парнишка, задумавший покушение, был одним из трех счастливых. Зная, что их будет принимать сам Хусейн, он решил вручить ему под видом подарка взрывное устройство. Бомба взорвалась, и он погиб, но Хусейн остался невредим, пострадали лишь телохранители.

Что представляет собой Хусейн как человек? Известно, что диктатор лично принимал участие в пытках. Высшее образование — юридическое — он получил, уже будучи вице-президентом. Забавно, что даже на экзамены Саддам ходил в сопровождении телохранителей. Про его учебу рассказывают много историй. Наиболее популярная — о том, как он сдавал право.

Экзаменатор, из либеральных профессоров — кстати, впоследствии эмигрировавший от

греха подальше, — задал Хусейну вопрос, как наказывается по иракским законам некое преступление. Тот ответил неверно. «Товарищ! — в соответствии с принятым тогда еще обращением воскликнул профессор. — В законе сказано иначе!» «Иначе? — переспросил Саддам. — Теперь будет так, как я сказал». И что бы вы думали, через неделю в законодательство были внесены изменения.

Конечно же, говорит Али, диктатор пытается приписать себе громадные «революционные» заслуги. Между тем главную роль в перевороте 17 июля 1968 года, который баасисты называют революцией, сыграл отнюдь не он, а его родственник Хасан аль-Бакр. Именно аль-Бакр вытеснил Хусейна, добившись его назначения на пост одного из четырех вице-президентов. В виде «благодарности» тот впоследствии устранил своего покровителя. А потом уничтожил и его жену — его не оставило, что женаты они были на сестрах.

Вообще-то Хусейн любит родственников. Большинство руководящих постов заняли при нем люди из одной маленькой деревушки, откуда родом сам правитель: его брат, брат жены, двоюродный брат... Но стоит ему заподозрить кого-то из них в измене, как он становится беспощадным.

Безнаказанность в собственной стране толкает диктатора на авантюры и за ее пределы. Вспомним, ведь в свое время именно Ирак напал на Иран, положив начало бесмысленной кровопролитной войне. Причем ни одно государство мира не заклеило его как агрессора! В глазах мирового сообщества режим Хомейни выглядел тогда более одиозным.

Теперь у Саддама Хусейна возник новый замысел. Кажется, замечает Али, еще никто в советской прессе не обратил внимания на то, что с самого начала нынешнего конфликта Багдад предъявлял претензии не только Кувейту, но и Объединенным Арабским Эмиратам. Между тем, если бы Ирак захватил Эмираты, а значит, и Саудовскую Аравию, поскольку не имеет с ОАЭ общей границы, он оказался бы близок к тому, чтобы стать монополистом в области торговли нефтью.

Хусейн поставил под ружье миллион человек. И это в 17-миллионной стране, обескровленной только что закончившейся войной. Но планы диктатора не осуществились полностью. Он зашел в тупик, и потому его политические акции алогичны. Сперва было объявлено, что Ирак вторгся в Кувейт временно, затем последовало заявление об аннексии этой страны. Хусейн пообещал, что не уйдет из Кувейта, пока Израиль не покинет оккупированные арабские территории. Но таким образом он как бы поставил на одну доску свои действия и действия Тель-Авива! А если иракские войска не будут выведены из Кувейта — значит, и Израилю можно удерживать за собой арабские земли? Ирак превращается в гигантский театр абсурда.

Спектакль, разыгрываемый Хусейном, грозит обернуться трагедией для многих миллионов людей. Али верит, что Саддам способен воевать до последнего иракца: чтобы спасти себя, он готов уничтожить всех своих подданных.

Алексей ВАСИЛИВЕЦКИЙ
(ИМА-пресс)

фото В. Агломова

Не надо бояться антихриста

*Диалог ведут Сергей
КУРЕХИН,
композитор,
руководитель группы
«Поп-механика», и
Сергей ШОЛОХОВ,
кинокритик,
комментатор
телепрограммы
«Пятое колесо».*

Курехин: Сергей, давай сразу определим проблематику нашей беседы, чтобы она не была пустопорожней болтовней ни о чем. Давай говорить о том, что волнует меня, надеюсь, тебя, и не только тебя, но и все наше общество.

Шолохов: Я — «за» и «против». (Не буду уточнять.) Еще пять лет назад я был твердо уверен, что общество у нас было и будет и, я бы даже сказал, «есть», но «есть» я сказать не могу из-за согласования времен. По традиции, идущей от Минина и Пожарского, обществом считалось что-то, объединенное чем-то. Например, группа людей, объединенных верой. А что объединяет всех нас?

К.: Раньше меня объединяла (не буду уточнять с кем) любовь к Ленину, вера в светлые идеалы коммунизма, в то, что мы перегоним Америку. Америку мы, конечно, перегнали (не буду уточнять в чем). Но мою любовь к Ленину и веру в светлые идеалы у меня безжалостно отняли, объявив это «псевдолюбовью» и предложив взамен этого любовь к Западу.

Ш.: Я должен тебя решительно одернуть. Не будем Плехановыми и перестанем путать термины. На Западе была, есть и будет свобода.

К.: Запад хотел быть свободным при Джеке Лондоне. Вместе с последним ковбоем свобода на Западе умерла. Если там что и есть,

так это псевдосвобода с небольшими островками свободы. Например, Куба.

Ш.: Кажется, мы что-то ухватили в проблематике. Теперь есть о чем поговорить. Например, для меня всегда были островки любви в нашем Отечестве. Это Русская православная церковь и съезд Российской компартии.

К.: Насчет партии Полоскова мне возразить нечего, но Русская православная церковь напоминает мне Ивана Сусанина, оказавшегося в роли Колобка. Ты помнишь, что из этого получилось.

Ш.: Ты имеешь в виду Кувейт?

К.: Я имею в виду миф о мертвой и живой воде. Героя убивают, а потом пытаются оживить. Для этого нужна сперва мертвая, а потом живая вода. Почему такая очередность? Почему сразу не начать с живой воды? Видимость жизни еще не есть жизнь. Воцерковленность еще не есть спасение. Воля еще не есть свобода. Какой смысл в правовом государстве, если одна половина нашего населения в процессе его строительства перережет другую, а остальных посадят в тюрьму за нарушение норм правового государства? Сперва нужна вода мертвая. Прежде чем отказаться от власти во имя любви, нужно обладать ею.

Ш.: Мне кажется, что здесь есть аналогия с Горбачевым. Я его очень люблю, надеюсь, и ты, и не только ты, и все наше, да и не только наше, общество (ты понимаешь, что я имею в виду). Я вообще думаю, что он — Минин и Пожарский нашего времени. Я боюсь только одного (может быть, я не прав): он начал с живой воды, а не с мертвой. А это не по-русски.

К.: Может быть, мы с тобой недооцениваем его как политика? Я уверен, что он пользуется и живой, и мертвой водой. То есть поступает по-русски. Иначе зачем ему реанимация церкви? Церковь всегда была хранилищем консервативных устоев, а Горбачев весь в творческом полете. Там, где церковь, там замирает творчество. Церковь, по-моему, и есть та мертвая вода, которая раздробленного на куски Иванушку-дурачка (Ивана-царевича) восстанавливает в теле, но не в духе. Миссия Горбачева — духовна.

Ш.: Вернемся, однако, к любви. Чем мы обладали при Брежневе? Временем. Мы могли им распоряжаться по собственному усмотрению: читать книги, крутить романы, «пить шампанское». Были привязанности! Была — Любовь. А теперь вместо любви нам предложили как бы свободу. Но она возможна только тогда, когда ты освободился от привязанностей. Для того, чтобы это называлось Свободой, надо быть обладателем того, от чего отказываешься.

К.: А нужна ли нам вообще свобода? Еще перед беседой, если ты помнишь, мы договорились, что свобода и искусство — как гений и злодейство — две вещи несовместные. Так что пусть свободой занимаются члены региональных депутатских групп. Они сделают это профессионально. Наше же дело — искусство.

Ш.: Лучше бы ты не вспоминал о гении и злодействе. Если свобода — от гения, тогда искусство — это злодейство. Или наоборот. Искусство — от гения, но тогда свобода — это злодейство. Последнее мне больше импонирует. Прививка свободы к здоровью дичку нашего общества, основанного на псевдолюбви, может обернуться злодейством в любой

момент (см. обстановку в Закавказье и Приамурье). Но ты, похоже, рассуждаешь об этом с высоты моцартианской. Что ж, имеешь на это полное право. Я же убежден, что гений и злодейство очень даже совместимы. Для покойного Пушкина оба эти качества сочетали в себе, например, и Борис Годунов, и Петр Первый. Пусть, конечно, профессионалы занимаются свободой в Верховном Совете. Но чем они профессиональнее, чем талантливее, не дай Бог, гениальнее, тем скорее возможен союз со злодейством. Другое дело, что искусство от этого, действительно, не зависит. Бог награждает талантом независимо от степени демократии в том или ином обществе.

К.: Все так, пока в дело не вмешается телевидение. Из Откровения Иоанна Богослова следует, что кризис искусства — первый признак приближающегося конца света. Телевидение стремится усилить кризис искусства, потому что выхватывает его из контекста, лишает целостности. Все становится фрагментарно. Немного политики, через минуту — немного пресловутой рок-музыки, потом кто-нибудь станцует, потом фрагмент фильма и — снова политика. Образец — программа «Взгляд». И при этом телевидение претендует на то, чтобы зрители весь мир воспринимали через экран. Чтобы в театре, кино, на выставках, концерты больше не ходили, а ждали дома, когда им все это преподнесут во фрагментах.

Ш.: Ты прав. Целостное восприятие мира возможно только тогда, когда произведение искусства воспринимается непосредственно и не во фрагментах. Но наше телевидение может способствовать этой целостности, если, конечно, оно от Бога, а не от дьявола. Что я имею в виду? Трансляцию заседаний Верховного Совета. Среди народных депутатов есть артисты, поэты, кинорежиссеры, даже спортсмены. Если они будут готовить свои выступления по законам того вида искусства или спорта, который принес им славу, тогда никакой фрагментарности, разорванности не будет.

К.: Ты хочешь сказать, что Кобзон должен свое выступление спеть, а Махмуд Эсамбаев сплясать?

Ш.: Именно! Если большинство нашего народа окажется за подобную реорганизацию Верховного Совета, то смотри, что получится. Открывается заседание. Уже все включили ТВ. Начинается с политики, а потом — в зависимости от регламента — немного музыки. Ласковый Разин, например (который баллотировался в народные депутаты), споет что-нибудь. Потом кто-нибудь поговорит, потом кто-нибудь станцует. В общем, получится большая «Поп-механика» — действие, принцип которого избрал ты, я только развиваю мысль дальше.

К.: То есть, ты считаешь, что моя «Поп-механика» должна стать телевизионной?

Ш.: Да! А телевидение — поп-механическим.

К.: Мне нравится эта идея! «Поп-механике» всегда не хватало какого-нибудь политического деятеля. Все остальное уже есть. Было бы, действительно, здорово, если бы одновременно кто-нибудь из депутатов произносил речь (если, конечно, он ничего другого не умеет).

Ш.: Только музыка, танцы и т. д. должны меняться в зависимости от момента, который переживает страна, от повестки дня.

К.: Но, видишь ли, какая беда. Некоторые жанры не охвачены Верховным Советом. Например, некорреализм. А это очень мощное движение в кинематографическом андерграунде (неофициальном искусстве. — Прим. ред.).

Ш.: Да просто принцип выборов должен быть другой! Сейчас решали вопрос — избирать по территориальным или по производственным округам, как быть с общественными организациями и пр. Все должно быть радикально изменено! Каждому району дается возможность выбирать политиков, художников, музыкантов, скульпторов, архитекторов, шахматистов и т. д., чтобы были охвачены все жанры искусства и все виды спорта. Тогда от трансляции заседаний депутатов невозможно будет отвести глаз. Картина мира будет целостной.

К.: Между Верховным Советом, который мы сейчас имеем, и Верховным Советом, построенным по принципу «Поп-механики», по-моему, такая же разница, как между Полосковым и «Ласковым маем».

Ш.: Такая же разница, как между Любовью и Свободой.

К.: Но свобода приближает конец света, а любовь отдаляет его. Ведь свобода дает возможность обществу процветать и благоденствовать, а антихрист как раз и придет соблазнять нас благоденствием и процветанием. Любовь же никакого обывательского уюта не дает. В обществе Любви антихристу делать нечего.

Ш.: Значит, нужно всячески поддерживать любовь. Например, стоит открыть радиостанцию «Любовь», которая являлась бы голосом России, в противовес радиостанции «Свобода», которая является голосом Америки.

К.: В таком случае на Красной площади надо поставить статую Любви в противовес статуе Свободы.

Ш.: Я думаю, что в своей длани статуя Любви должна держать корыто с водой. Ведь статуя Свободы держит горящий факел. Вода и огонь — что может быть прекраснее и ветхозаветнее? Кто кого?

К.: Все зависит от количества. Чтобы погасить море огня свободы, нужен океан любви.

Ш.: Я сторонник гармонии, золотого сечения, меры, пропорции. Зачем гасить или поджигать? Если выбирать между свободой и любовью, я бы предпочел каждый месяц располагать тремя неделями свободы и одной неделей любви.

К.: У нас с тобой разное представление о времени. Я измеряю любовь минутами, все остальное свободное время уходит на зарабатывание денег.

Ш.: В таком случае получается, что деньги являются органом свободы.

К.: Я об этом постоянно думаю. Сегодня, конечно, деньги — орган свободы. Но наш Иванушка-дурачок может превратить их в фанфары любви. И стать Иваном-царевичем. Какая тут, к черту, Америка со своими ковбоями? Нужно любить деньги. Но свободный художник в нашем обществе не может себе это позволить. Ведь в нашей традиции — любить деньги. Истинный художник сам создает традиции, а слепое идет в их русле. Сейчас уникальное время, когда можно сделать деньги достойными любви художника. Об этом мечтал еще Сальвадор

Дали, но в обществе «псевдосвободы» его не услышали. Только у нас деньги могут стать художественной ценностью.

Ш.: Тогда деньги должны стать другими.

К.: Если ты имеешь в виду внешний вид, то новые деньги мне представляются в виде духовной ассигнации, над созданием которой работал бы специально созданный Народный фронт, состоящий из выдающихся деятелей культуры, опытных политиков и просто людей, равнодушных к деньгам. Чтобы стать истинно свободным и обрести всю полноту любви, достаточно засунуть эту ассигнацию себе в рот или в рот кого-нибудь из близких людей.

Ш.: Прибереги, пожалуйста, эти дурацкие шутки для своей «Поп-механики». Мне кажется, что нельзя совать ассигнации в рот.

К.: Чем большего достоинства ассигнация, тем больше счастья доставляет она своему владельцу, свободному от привязанностей.

Ш.: Блажен художник, несущий эту ассигнацию, — он свободен подобно птице, несущей в мир только крылья.

К.: В ходе нашего разговора я сказал, что не может быть свободен человек, занимающийся искусством. Ленин тоже считал, что нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Но если искусство принадлежит нашему народу, то строительство нашего общества и есть высшая форма искусства.

Ш.: В таком случае Горбачев — Главный художник нашего времени. Потому что он занимается самым элитарным искусством: искусством компромисса между свободой и любовью. В стране, которая лишь в гимне является «союзом нерушимым республик свободных», он пытается восстановить подлинную гармонию.

К.: Ты имеешь в виду танки?

Ш.: При чем здесь японская поэзия? Нам ближе газели. Сегодня это актуальнее.

К.: Мне больше нравятся ламы.

Ш.: Ты меня неправильно понял. Я имею в виду ислам.

К.: Из каких лам?

Ш.: По-моему, ты задремал, да и не только ты, но и все наше общество, да и не только общество (ты понимаешь, что я имею в виду). Не дремлет только мусульманский мир, который пошел по пути, предсказанному еще великим гуманистом средневековья Тарасом Шевченко:

Вставайте,

Кайдани порвите.

Я ворожою, злою кров'ю

Волю окропите.

К.: А великий реалист современности Валентин Пикуль учил нас, что нельзя безнаказанно слово менять на дело, а перо на шпагу.

Ш.: Дело поэта — писать сонеты, а не стре-

лять в газели.

К.: Ты отнимаешь у поэта самое главное — право на свободу выбора.

Ш.: Я не настолько самоуверен, чтобы отнимать у поэта что-либо. Ведь талант поэту дан Небом.

К.: Но с высоты небес его свобода имеет смысл только тогда, когда он выбирает между Богом и дьяволом.

Ш.: Я понимаю, о чем ты говоришь... «И он сделает то, что всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам — положено будет начертание на правую руку их или на чело их.

И что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его.

Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть».

К.: Аминь. Но русскому человеку, повторяю, не страшен никакой антихрист. Только надо идти своим путем, а не делать на государственной кухне коктейли из свободы и любви.

Ш.: А если и делать, то по законам «Поп-механики», чтобы это было интересно для телезрителей.

*С первого сентября
открыта подписка на еженедельник*

*Получать журнал по подписке
дешевле, чем покупать его в киоске.*

«СТОЛИЦА»

Наш индекс 73746

Условия подписки:

на 3 месяца — 12 рублей 35 копеек;

на 6 месяцев — 24 рубля 70 копеек;

годовая — 49 рублей 40 копеек.

Подписка принимается во всех отделениях связи.

В случае отказа в подписке — обращайтесь в редакцию.

**Анатолий
ЗАХАРОВ**

ПОЧЕМУ МОЛЧИТ МИНИСТР СВЯЗИ?

Пожилая сотрудница строительной конторы кокетничала очень удачно:

— Александр Петрович, разрешите мне уйти сегодня пораньше, с тем чтобы завтра прийти попозже...

Номер этот всегда удавался. Все смеялись.

У Министерства связи СССР номер другой: руководители его поставили для своего коллектива цель — работать поменьше, с тем чтобы получать побольше. Поразительно, но этот фокус всегда удается! Только никто не смеется...

Последний фокус еще не завершён, он в полном разгаре. Министерство заломило за свои услуги по разноске газет двойную плату, рассчитывая, что «сумка почтальона» станет тоще, но денежная река, идущая от каждого подписчика, не пересохнет, не оскудеет.

Сейчас, думая о близком будущем, каждая семья по вечерам вздыхает. Хочется читать по меньшей мере, как и прежде, но газеты и журналы сильно вздорожали. Их будут читать теперь только зажиточные люди. Скажите, пожалуйста, какому пенсионеру по карману нынешнее его богатство: получать одну общеполитическую газету да еще, скажем, «Огонек» и «Литературную газету»? Какому научному работнику будет по силам нынешняя роскошь вынимать из почтового ящика несколько газет и журналов? Словом, с белого хлеба переходим на черненький.

Люди разных профессий и разного достатка призывают Министерство связи образумиться, не спекулировать своим монопольным положением. В этом случае жаль, что почта, кажется, сохраняет тайну переписки. Прочитала бы она словечки о себе, некоторые из которых еще можно позволить себе в письме, но не в газете! Знаю, что заместитель министра связи СССР Е. А. Манякин обиделся бы на характеристики, которые ему дают люди, но так хочется, так хочется, чтобы он прочел нецензурную правду о себе.

Приходится, сдерживаясь, говорить в благородных выражениях. В слишком благородных и философских.

История знает, когда начались русские газеты и с кого они начались. По велению царя Петра I в январе 1703 года стали регулярно выходить «Ведомости». С тех пор газетное дело развивалось неудержимо и в годы гласности достигло невероятного размаха. Оно приносило только Министерству связи прибыль, исчисляемую в миллиардах рублей.

Закат газетной индустрии начинается тоже с января — 1991 года. По воле, по инициативе, по недоброму желанию Евгения Алексеевича Манякина.

Какая газета не выступила с критикой разгоревшихся аппетитов министерства! Какое периодическое издание не называло имя Е. А. Манякина! Можно сказать, что он стал самой популярной личностью года. Во всяком случае, самой упоминаемой. И самой устойчивой перед критикой личностью.

В прошлые времена достаточно было убедительной, доказательной критики, чтобы начальство того, о ком в печати шла речь, задумалось и сообщило о принятых мерах. Теперь, в пору гласности, можно, оказывается, не отвечать. Можно игнорировать любую критику. Е. А. Манякин выстоял. Один против всех газет. Публика про-

сто забыла, что есть кое-кто посильнее кошки. Публика позабыла, что в министерстве есть министр, не только его заместитель. Интересно вслух спросить публику: а кто у нас министр связи? Знают ли миллионы обескураженных читателей, что министром у нас Э. К. Первышин? Так почему же он не ответил на критику министерства, которое все газеты обвиняют в произволе?

Тихо нынче на почте. Грустные люди не стоят в очередях. Дома они заполнили абонементные карточки, все хорошо сосчитали, решили умерить культурные аппетиты — для начала подписаться по возможности не на год — на месяц, на квартал. Но никто на них не накричал, потому что работникам почты стало в эту подписную кампанию легко и свободно. Никто не взвизгивает: «Вас много, а я одна!», «Не галдите! Работать не даете!», «Дышать нечем! Выйдите на улицу! Пусть очередь стоит за дверями!» Нынче на почте дышится легко, но почему подписчики вздыхают, как будто им воздуха не хватает? Один подписчик и одна выписчица — один: одна. Счет уравнился.

Судя по всему, министерство победило. Победил товарищ Манякин. Неожиданно, однако, стало известно, что министерство не упирается своей победой. Оно хочет победы большей! Дескать, если наступать — то постоянно. Словом, развивать успех.

Новый журнал «Столица» хотел попасть во всесоюзный каталог — для своей и общей пользы: чтобы не отвечать на тысячи звонков из разных городов, откуда люди спрашивали, можно ли подписаться на новый журнал. А если можно, то какой индекс? И какова плата?

Разные учреждения Министерства связи почему-то сделали все, чтобы журнал не попал во всесоюзный каталог. Одни говорили, что не полагается ему быть там, поскольку решение о его выпуске приняло Моссовет. В Министерстве связи решили за редакцию, о чем журналу писать, — решили, что надо писать только про московские дела. А раз так, то будет ли интересно читать иногородним? Я спросил одного руководящего деятеля министерства, можно ли читать в Ленинграде журнал для шахтеров — там же нет шахт? В министерстве знают все, и там ответили: можно. Тогда я спросил, почему министерство берет на себя отпавшие функции Отдела пропаганды ЦК КПСС? Не поручали ли Министерству связи решать вопрос, кому, где и что читать? Не лучше ли спросить самого читателя, хочет ли он получать шахтерский журнал, «Столицу» — то есть поместить в каталог сведения о каждом издании. Иначе говоря, удлинить его на одну строку. Тогда ответил самый авторитетный в министерстве человек — Е. А. Манякин:

— Не надо создавать прецедента.

Ах, вот в чем дело! Министерство не хочет лишней работы для себя! И в самом деле, одним увеличением платы за доставку министерство добилось неслыханного, процентного финансового эффекта — так зачем ему еще одна строка, еще десять строк, которые прибавят работы, а прибыль сулят малую?

Со «Столицей» вопрос было решено хорошо. Зарегистрированный в Госкомпечати СССР журнал вполне имеет право на строку во всесоюзном каталоге. Согласитесь платить за доставку 50,6 процента всей подписной суммы — и министерство обязано заключить с

редакцией договор. В суматохе все как-то совсем упустили из виду, что Министерство связи переоценило свои доблести: самое тяжкое дело, убеждено оно, — это донести газету от ближайшей почты до первого этажа дома, где стоят ящики с прорезью. Получается, что это тяжелее и дороже, чем разослать корреспондентов по всему миру, сочинить и переслать статьи, а издательствам заплатить за рулоны бумаги, перевезти ее, запустить громадные типографии и фабрики. За создание и печатание газеты — 49,4 процента, а за дорогу с готовой газетой от почты до ящика с дыркой — 50,6 процента.

Неожиданно выяснилось, что министерство, войдя во вкус, перестало считать свою добрую половину достаточной. Оно захотело отщипнуть еще два процента. За что? Понимаете ли, на социальное развитие... Представитель «Столицы» так удивился, что стал заикаться и забыл спросить, разве 50,6 процента пойдут не почте на ее развитие? И почему министерство не берет с редакций, скажем, на обед для почтальонов тоже пару процентов и на оплату кооперативных туалетов по дороге почтальона — теперь они почти всюду платные. Бесплатные обеды и другие услуги — чем не социальное развитие? Судя по всему, Министерство связи будет широкими шагами социально развиваться.

А потом выяснилось, что аппетит приходит во время еды. Вот что произошло в «Литературной газете». Юристы принесли в редакцию поразивший их проект типового договора с министерством. Оно сочинило его само. Надо сказать, составило его в очень невнятных выражениях. Трое опытных законников с хорошим знанием русского языка два дня ломали голову, решали кроссворд, шараду, и в конце концов пришлось все-таки за разъяснениями обратиться к Е. А. Манякину.

Перед этим возникла другая версия. Договор составлен невнятно, возможно, не потому, что не хватило литературного мастерства выражать свои мысли на бумаге. Есть серьезное подозрение, что темные для трех юристов места не ощущены сознательно. Коллективное чтение министерского проекта и толкование его вызвало предположение, что министерство просто хочет получить себе побольше денег. Если не присвоить их — хотя бы поддержать как можно подольше. Пункт 2.5 «б» можно истолковать так: поскольку деньги за годовую подписку берет «Союзпечать», то они так и останутся в министерстве, а по мере движения времени деньги будут отпускатся каждой редакции порциями по одной двенадцатой. На месяц жизни. Как зарплата. Получается (если мы правильно разгадали кроссворд), что подписчик дает деньги не редакции на выпуск газеты, а «Союзпечати». Для ее существования. Возможно, и для социального развития. Эдак три-четыре миллиарда. Своими деньгами будут распоряжаться не сотни редакций газет и журналов, а министерство. Оно получит многомиллиардный беспроцентный кредит.

Наше Министерство связи покажет всем закордонным финансистам, этим ловкачам из стана империализма, как можно взять деньги без того, чтобы выплачивать заимодавцу проценты. Можно даже положить эти миллиарды в банк. Например, в какой-нибудь новый, коммерческий — инновационный. И получать оттуда по восемь процентов. За чужие деньги. После такого удачного приобретения капитала не понадобится не только газеты разносить — можно будет не вынимать письма из почтовых ящиков на улице.

И тогда я услышал нечто такое, чему сразу не поверил. И тут же, предупредив Е. А. Манякина, что передаю трубку юристу, стал наблюдать за выражением лица бывшего человека, знающего законы. Юрист поблел, запнулся. Таким образом, мы оба по очереди услышали, что Министерство связи вообще не желает связываться с газетами и мечтает о том, как бы избавиться от их доставки. Словом, взять все газеты да и сжечь.

Оказывается Е. А. Манякин уже увидел своими глазами все это исполненным за границей. Уже было говорено, что работники Министерства связи очень часто ездят за границу, но не за тем, чтобы увидеть там что-нибудь хорошее и освоить это у нас: они ищут там другое. Они путешествуют за казенный валютный счет, чтобы доставить это дурное нам и доказать, что оно может существовать в нашем доме. А поскольку у путешественников-связистов нет желания доискаться причин того, что они считают дурным, то они просто хотят пересадить выгодное им — из-за границы на нашу почву.

В газетах было помещено объяснение Е. А. Манякина о причинах, которые побудили его заимствовать зарубежный опыт. Надо ска-

зать, искавший опровержения запутался еще больше. Е. А. Манякин совсем забыл, что был виновником бурных летних страстей подписной кампании 1988 года, когда вся страна была взбудоражена неожиданным введением лимита на самые популярные издания. Теперь понятно, что министерство тогда хотя и проиграло, но провело генеральную репетицию наступления на прессу. Тогда снизить тиражи введением лимита не удалось. Теперь министерство-монополист исхитрилось под фальшивым лозунгом рынка получить больше денег за меньшую работу. Е. А. Манякин не опроверг факта, что министерство дало в бюджет государству 5 (пять) миллиардов своей прибыли, но сказал, однако, что у него «одних долгов перед банками на три миллиарда». Это при 5 (пяти) миллиардах, переданных в бюджет!

В упомянутом интервью причину удвоения тарифа на доставку газет Е. А. Манякин объясняет высоким слогом заботой о почтальоне с тяжелой сумкой на ремне, которые действительно зарабатывают совсем немного. Но тут же простодушно проговаривается: «Зарплата почтальонов увеличится на 30—35 рублей». Позвольте, а куда пойдут остальные сотни миллионов, если не миллиард? Е. А. Манякин откровенно объясняет: он боится, что деньги «размажутся». Неужели деньги, доставшиеся выкручиванием рук читателей и редакций, пойдут опять на повышение окладов чиновничьего аппарата, как это сделали совсем недавно?

Изумивший за казенный счет страны Европы и Америки Е. А. Манякин нашел, что «у нас трудоемкость обработки прессы на почте составляет восемьдесят шесть процентов». Кто бы разъяснил, что означают эти слова? Сказано непонятно, приемом шарады — то ли из-за неумения выражаться ясно, то ли для того, чтобы поставить другую сторону в глупое положение, заставить ее думать? Кто бы растолковал другие объяснения, содержащиеся в интервью: «Мы денег от прессы не получаем и не получим?» Позвольте, а куда делись миллионы, сотни миллионов, миллиарды рублей, посланных редакциями всех газет? Может быть, почта по своей привычной расseyности потеряла их, не донесла министерству?

Неожиданно ответ дал Госкомстат СССР. Только что пришла очередная сводка о расходах-доходах. Оказывается, Министерство связи и без удвоения «доставочного» тарифа среди самых благополучных ведомств в стране. Оно стало еще меньше пересылать писем (на два с лишним миллиарда штук), оно еще хуже теперь стало обслуживать нас — письма приходят со скоростью восемнадцатого века, газеты опаздывают, вдобавок теряются, и чуть ли не на каждой почте вечные выяснения, куда делся выписанный журнал. И представьте себе, Министерство связи СССР может гордиться своими финансовыми успехами! Только за полгода оно перевыполнило план по прибыли на 151 миллион рублей. В самом деле, работать меньше, чтобы получать побольше...

Читатели считают, что Министерство связи ведет себя столь гордо и безответственно, потому что оно монополист. Буквально из каждого города идут предложения от кооперативов, учреждений, студентов, инженеров, пенсионеров, даже школьников, разносить газеты и журналы по домам в своем районе по прежнему тарифу, который Министерству связи вдруг показался малым. Кооперативы и частные лица сообщают, что они могут на своих машинах развозить печать по домам еще до восьми, читатели присылают свои фотографии, шлют характеристики, некоторые сфотографировались верхом на велосипеде в доказательство того, что им по плечу «сумка почтальона». Они призывают не повышать подписную плату из-за вздорожавшей доставки.

Некоторые читатели, понимая, что время упущено, предлагают способ показать монополисту, что без него можно обойтись. Они предлагают после окончания подписной кампании провести в каком-либо одном городе эксперимент: возобновить подписку по сниженной цене, создать в этом городе альтернативную службу доставки. Тогда все увидят, как много людей перестали читать газету только из-за того, что им она не по карману.

Думается, что это хорошее предложение. Остается выяснить одно: какой город или район возьмется? А с первого января 1991 года мы проведем повсеместный эксперимент: с помощью читателей выясним, стала ли почта вдвое аккуратнее, если она подняла цену за свою службу вдвое. Говоря простыми словами, потребуем от почты, чтобы она принесла газеты вовремя, без опозданий, поскольку услуги теперь оплачиваются по высшему разряду, по классу «люкс».

ВАСНЕЦОВ: нормальная антисоветчина

Выставка В. М. Васнецова, прошедшая в Государственной картинной галерее на Крымском валу, — первая его персональная выставка за шесть с лишним десятилетий, после экспозиции, отметившей годовщину его кончины (1927).

Есть над чем задуматься. Васнецова не снимали со стен Третьяковки, богатырский пафос его как-то странно уживался и с военными победами, за которые давались ордена св. Александра Невского и Дмитрия Донского, и с триумфами нашей космонавтики — помните, при Хрущеве и Брежневеве перед теле-репортажем о встрече очередных пилотов-коммунистов обязательно исполняли «Богатырскую симфонию». Мы с аппетитом ели шоколадные изделия, заботливо упакованные в репродукции с полотен из васнецовского сказочного цикла. «Богатыри» непременно украшали активные залы и привокзальные рестораны, а «Аленушка» — детские поликлиники и библиотеки. Мы отвыкали от Васнецова постепенно — так же, как от библиотечного чтения, грамотного и заботливого лечения и привокзального общепита. Не говоря уже о шоколаде — плиточном и ассорти.

Директор Третьяковки Ю. Королев, открывая в прошлом году вечер памяти ученика, сподвижника и друга Васнецова — Нестерова, с металлом в голосе высказался в том смысле, что вот на каких-то Шагала с Шемякиным народ давится, а тут, на первой столь обширной экспозиции великого русского мастера, — пустоовато... Срам!

Срам. Да только не в том дело, что одни — авангардисты, а другие — реалисты, и деление такое грубо и глупо, а в том, что пренебрежительно-таки Союз Советских Социалистических Художников в борьбе с просто художниками. Одних — заставляли уехать, других — сажали и высылали, третьих — не выставляли, четвертых — выставляли в таком ряду, что впору сказать: «на посмешище», пятым — соломки подстеливали, а с шестыми ничего не делали, терпеливо дожидались, пока помрут, чтоб — забыть.

Васнецов — забытый художник.

Это художник нашего детства — и лишь в зрелом возрасте сказки его по-настоящему, до слез проникают... хотя бы та же Аленушка! Право, на выставку стоило пойти лишь затем, чтобы заглянуть, как в омут, в ее глаза.

Это величайший мастер того удивительного течения, которое называется «русский модерн», — и тут я, ничуть не искусствовед, умолкаю.

Это, наконец, человек глубоко религиозный — и едва ли не половина выставки показывается советскому зрителю в первый раз.

Между тем, кажется, именно здесь — настоящий, истинный, главный Васнецов, как он сам себя понимал («как Православный и как Русский я не мог хоть копейную свечку не поставить Господу Богу») и как его понимали современники (о Сергии Булгаков сравнил художественный мир Васнецова с миром Достоевского).

Я помню, как тридцать лет назад на зимние каникулы приведен был в дом-музей Васнецова — в его теремок, неподалеку от станции метро «Проспект Мира». И вот удивительно: ярче всего запомнились на все эти

годы не «Ковер-самолет», не «Царь Кошечей», но его рисунок углем на двери мастерской: ангел с прижатым к устам пальчиком. Ангел Молчания.

Жест, обращенный к домочадцам: не шумите — отец и дед работает.

Жест, которому и нам бы внять не мешало: когда молчат музы — говорят все, кто должен бы помолчать...

В 1905 году революционно настроенное студенчество устроило на выставке Васнецова митинг. Старик сложил с себя звание академика.

«...Господа ученики доказали, во-первых, полное неуважение к свободе и правам личности, а, во-вторых, что, на мой взгляд, еще прискорбнее, — полное и совершенное неуважение к свободному искусству, которое, очевидно, уже не составляет их главной жизненной задачи... Не предьявляя ни к кому никаких обвинений по поводу такого печального положения дела, ввиду общего ненормального духовного состояния нашего так называемого образованного общества и шаткости в нем нравственных основ, я тем не менее не предвижу возможности в скором будущем, чтобы учащаяся молодежь и ее руководители поняли, наконец, что все учебные заведения предназначены только для науки и обучения, а никак не для занятий политикой...»

Вслушайтесь — и сравните с этим, красовавшимся на всех углах накануне выборов в Моссовет:

«ГОЛОСУЯ ЗА ГЛАЗУНОВА — ВЫ ГОЛОСУЕТЕ ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ!»

...Выставленные сегодня в Третьяковке «Богатыри» и другие картины Васнецова — едва ли не самый сильный удар по авторитету трех богатырей русского китча: Глазунова-Шилова-Васильева. На их выставки — лом, а у Васнецова с Нестеровым пустынно. Да. Потому что духовность — уникальный дар, а отнюдь не свойство толпы. Вот вам и весь сказ.

Право же, видна невооруженным глазом разница между васнецовскими портретами Е. А. Праховой и Веруши Мамонтовой — и шилевскими дамами в пеньюарах;

между цельносварными нибелунгами Константина Васильева — и хотя бы тем же «Витязем на распутье»;

между «Таблицей для проверки зрения члена объединения «Память», продаваемой в Метрополитене имени персонального пенсионера Кагановича, столь нелюбимого автором упомянутого полотна («Сто веков»), — а, с другой стороны, — «грандиозным сном, страшным кошмаром, раем и адом» Васнецова (по определению Нестерова). Ни «Апокалипсис», ни «Радость праведных о Господе» Виктора Михайловича Васнецова просто не нуждаются в приложении схемы «Кто есть кто»...

И уж, конечно же, простите великодушно, есть разница между эскизом Васнецова для серебряного блюда с изображением св. Георгия Победоносца, царицы Александры и святителя Николая и надписью славянской вязью: «Великому господину государю императору Николаю Александровичу и государыне императрице Александре Феодоровне от граждан древнего града их Москвы» — и ис-

полненными по фотографии парадными портретами маршала Брежнева и (уже с натурой) шоблы рангом пониже. Это я не о верно-подданных чувствах — это я об искусстве...

Васнецов умер в глубокой старости, в своей постели. В своем доме, в своем Отечестве. И, однако, все кругом было чужим. И вопрос не исчерпывается эстетическими спорами с комиссарами искусств...

Есть в «Записках коменданта Кремля» П. Д. Малькова эпизод, прямо относящийся к теме разговора:

«Наступило 1 Мая 1918 года. Утро выдалось пасмурное, хмурое... Члены ВЦИК, сотрудники ВЦИК и Совнаркома собрались к 9.30 утра в Кремле перед зданием Судебных установлений.

Вышел Владимир Ильич. Он был весел, шутил, смеялся. Когда я подошел, Ильич приветливо поздоровался со мной, позддравил с праздником, а потом внезапно шутиливо прогрозил пальцем:

— Хорошо, батенька, все хорошо, а вот это безобразие так и не убрали. Это уж нехорошо, — и указал на памятник, воздвигнутый на месте убийства великого князя Сергея Александровича.

Я сокрушенно вздохнул.

— Правильно, — говорю, — Владимир Ильич, не убрал. Не успел, рабочих рук не хватило.

— Ишь ты, нашел причину! Так, говорите, рабочих рук не хватает? Ну, для этого дела рабочие руки найдутся хоть сейчас. Как, товарищи? — обратился Владимир Ильич к окружающим.

Со всех сторон его поддержали дружные голоса.

— Видите? А вы говорите, рабочих рук нет. Ну-ка, пока есть время до демонстрации, тащите веревки.

Я мигом сбегал в комендатуру и принес веревки. Владимир Ильич ловко сделал петлю и накинул на памятник. Взглянул за дело все, и вскоре памятник был опутан веревками со всех сторон.

— А ну, дружно! — задорно командовал Владимир Ильич.

Ленин, Свердлов, Аванесов, Смидович, другие члены ВЦИК и Совнаркома и сотрудники многочисленного правительственного аппарата впряглись в веревки, налегли, дернули, и памятник рухнул на булыжник.

— Долой его с глаз, на свалку! — продолжал распоряжаться Владимир Ильич.

Десять рук подхватили веревки, и памятник загремел по булыжнику к Тайницкому саду».

«Памятник эксплуататору» представлял собой бронзовый крест с изображением Богородицы, припадающей к ногам распятого Христа, и с надписью: «ПРОСТИ ИМ, ГОСПОДИ, НЕ ВЕДАЮТ БО, ЧТО ТВОРЯТ».

Автором памятника был Васнецов.

После сказанного смею пребывать в надежде, что читателю, заинтригованному заглавием моих заметок с выставки, ничего другого не останется, как с этим заглавием согласиться.

Михаил ПОЗДНЯЕВ,
обозреватель «Столицы»

Предчувствие КИНО

Кино закрутилось, как белка в колесе, запущенном перестройкой. По кругу, по кругу, по кругу — от одной социальной язвы к другой — исторической либо экономической. И благо язв было предостаточно, а дорога соответственно была длинной, то замкнутость маршрута поначалу не ощущалась — вроде бы двигались вперед. Обороты нарастали: кто громче крикнет? кто откровенней? кто натуральней? Наконец (и довольно скоро) голова закружилась, и стало муторно, прямо скажем, с души стало воротить от многократно тиражируемых бесстрашных разоблачений, и поднялся возмущенный гул голосов, вопрошающих: верным ли путем идем, граждане?

Первыми с дистанции начали сходить зрители, затем попрыгали на ходу критики. Кинематографисты в большинстве своем еще несутся в этой гонке, утюжа круговую дорожку.

А тут под шумок начали один за другим выходить на экран фильмы дебютантов, не замечаемые, как водится, широкой общественностью. И оказалось, что общая киноэпифора расчесывания общественных язв как-то образом миновала если не всех молодых художников, то по крайней мере отдельных их представителей, — как будто мрачная наша действительность не давит на них тяжелым своим прессом (чего не может же быть на самом деле?). И хочется взглянуть: то ли это просто бравада юности, то ли они, впрямь куда меньше, чем мы, заложники сегодняшнего дня?

Первые кадры фильма казахского режиссера Серика Апрымова «Конечная остановка» обещают очередной социально-обличительный опус: тут и крайняя нищета маленького поселка Аксуат, затерянного в степи, и безработица, и культурный вакуум, и ущербное молодое поколение, все это к тому же снятое в характерной натуралистичной манере.

Но привычная схема начинает деформироваться, как только самая что ни на есть «натуральная» действительность обнаруживает на экране явные признаки непонятной болезни. Герои переживают по телефону — но им нечего сказать друг другу. Встречаются с женщинами — чтобы через минуту не вспомнить о них. Везут безучастную невесту в машине — по дороге забывают о свадьбе. Враждуют друг с другом без веских причин. Отмечают приезд друга из армии — но ведут себя так, словно он и не отлучался. Ходят в гости — и молчат за столом...

В этом слепом, безостановочном кружении героев по лабиринтам Аксуата не удастся отыскать ни логики, ни смысла. Словно людям, родившимся на свет, подробно объяснили, как надо жить, но забыли сказать — зачем. Они не знают настоящих радости и печали, любви и тоски, добра и зла. Единственное, что отличает их друг от друга, — это анкетные данные, которые отстучивает машинка в начальных кадрах фильма.

Этот бред наяву — Аксуат — уже не воспринимаешь как географическое понятие, — скорее нарицательное. Его не объяснить стандартной логической связкой: не на что жить — вот потому и незачем жить. Надо поменять местами причину и следствие. Мы привычно твердим, что заслуживаем лучшей жизни. Так ли? Не мы ли сами возвели себе такой вот Аксуат по своему образу и подобию, как, скажем, 70 лет назад сами же облюбовали Чевенгур. Платоновский котлован воплотил наши иллюзии. Утратив их, мы устроились иначе, но диагноз — нищета духа — остался прежним. Когда первая полнотет-

ражная картина режиссера рождает столь масштабные ассоциации, это дорогого стоит.

И вот теплится слабая надежда: Серик Апрымов сам вышел — или вырвался? — из Аксуата. Если наш Аксуат еще способен породить художников — тогда его песенка пока не спета.

Кадр из фильма «Панцирь»

Та же тяжкая, нескладная наша жизнь — в фильме ленинградца Игоря Алимпиева «Панцирь». Но здесь она преодолевается, перебарывается тем, что пересоздается в игре. Из ее элементов, как из кубиков, творится дерзкая фантазия, где к месту и сонные, задумчивые ангелы в клубах дыма, где некие мужчины солидных форм планируют над Ленинградом, прицепив крылья, где можно отпраздновать день рождения в четыре утра, отбучивая немислимые танцы на грохочущей крыше, высоко вознесенной над городским пейзажем, и — ах! — отчего бы и тебе не полететь, как тем мужикам, да только тебя раз за разом сбрасывает на землю, и все твои надежды разбиваются в прах. Ты куешь себе «панцирь», подражая собственной черепахе, и учишься смотреть на мир, как она, стеклянным невозмутимым оком — умный, а дурак: все равно ты пленник этой жизни. Не взлететь, не загордиться от жизни, не вырваться из коллективной клетки, будь ты мент или преступник, надзиратель или надзираемый.

Чудной, вывихнутый мир придумал Игорь Алимпиев. Конечно, придумал: ангелы не летают в небе Ленинграда, это известно, или, к примеру, покойники пива не пьют в садике у ларька и советов осиротелым отпрыскам не дают. В Ленинграде заседают Собчак и читает лекции студентам Нина Андреева. А население организовано получает сыр и колбасу по визиткам. И про этот, настоящий, мир Алимпиев помнит. И показывает двух старухек, дающих интервью иностранцу. Одна за Ельцина, другая за Горбачева. А на теоретический вопрос: за капитализм или за социализм? — ответить затрудняются. Но если (как им подсказывают) капитализм это когда в магазинах всего полно — тогда, конечно, лучше, когда полно. А уж от этого реализма до ангелов рукой подать. Тут чего ни напри-

думывай — все правдой будет. При условии, конечно, что придумывать будет художник.

Так что «реализм» в «Панцире» хотя и фантастический, но вполне социалистический. Когда «в магазинах всего полно», фантазии рождаются совсем иные. Тут наша, родимая безнадежность, обряженная в шутовской колпак. Жутко — а смешно. А человечество, как учили классики, смеясь, расстается с прошлым. Хотя классики, как известно, в своих прогнозах нередко крупно промахивались, но, может, хоть этот афоризм окажется справедливым?

Папино кино» (читай: безнадежно устаревшее) — так припечатан нынче в молодежном лексиконе сюжетный, жанровый, мастеровито умеющий рассказывать интересные истории фильм. Он казался неуместным, неприличным, плохим тоном, когда столько язв вокруг. Видно, где-то засело в подкорке еще со школы усвоенное сатинское презрение к Луке с его утешительными сказочками, хоть и Горький нам теперь не указ.

С присущим ему чувством юмора «папино кино», однако, скорчило забавную гримаску: в буквальном и переносном смысле слова папину традицию взялся реабилитировать сын режиссера Петра Тодоровского Валерий. И снял «Катафалк» — демонстративно НЕ-проблемный, НЕ-актуальный, вполне трогательный, но, к счастью, подстрахованный от сентиментальности порционной порцией иронии. Всего лишь камерную историю про гордого бродяжку, прибывшего к дому не менее гордой дамы и женившегося на ее дурочке-дочке (к тому же экранизацию рассказа иностранного автора).

Впрочем, О ЧЕМ — здесь совсем не важно, важно — КАК. Важно изящество, легкость (как известно, нелегко дающаяся), поэтичность. Важна изысканность операторской работы и тонкое плетение психологических кружев актерами (настоящий бенефис знаменитой Вии Артмане и молодых Ирины Розановой и Андрея Ильина).

В кино входит поколение молодых, для которых перестроечные откровения — всего лишь данность, как «Волга впадает в Каспийское море». И в этом их серьезное преимущество. Они не пережили краха иллюзий и не склонны обольщаться беспочвенными надеждами. Незадававшаяся наша жизнь для них всего лишь не Бог весть какое наследство, доставшееся от «промотавшихся отцов». Они рассматривают наследство без всякого пиетета: то ли согдится, то ли на свалку, — ведь оно не стоило им ни крови, ни душевных мук. Отсюда их независимый взгляд, оттого в их фильмах меньше бесплодных эмоций и больше трезвого анализа. Им легче остаться самими собой, и недаром они такие неожиданно разные.

Переломное время дает им фору. Кажется, еще немного — и они смогут увидеть то, чего не поняли их отцы. Открытий еще нет, но, кажется, есть предвестие открытий.

Галина ЧЕРМЕНСКАЯ

В «СКАЗКЕ» И В ЦЕРКВИ

В маленькой столичной церкви на улице Неждановой предстояло венчание. Пока молодые шли к храму, жениха узнавали многие,

поздравлявших: посол США в СССР господин Мэтлок, второй секретарь посольства США господин Томас, гости из Греции, Италии, народные депутаты СССР Рыжов, Игитян, Фильшин и другие знаменитости. И хотя свидетелем на свадьбе выступал сам глава российского парламента Борис Ельцин, в зале не наблюдалось никакой чинности, а сплошь царило веселье. Тамада — народный депутат СССР Генрих Игитян — на

чему удивляться не стоило: церковь находится в том самом избирательном округе, где победил на выборах в народные депутаты СССР член КПСС Виктор Ярошенко, ныне член Межрегиональной депутатской группы и «команды Ельцина», министр внешних экономических связей РСФСР, беспартийный. А именно он и обвенчался в тот день с реставратором Московского Кремля по имени Ксения.

...А еще была «Сказка» — ресторан при гостинице «Интурист», среди приглашенных и

время даже заменил солиста оркестра, пел перед микрофоном и виртуозно играл на ударных инструментах. Борис же Николаевич танцевал блестяще и увлеченно, на зависть многим.

А. Е.

«Наутилус» умер. Умецкий жив. Что с Бутусовым?

В начале будущего года советскому народу предстояло увидеть шедевр — художественный фильм В. Титова с двумя главными и единственными героями Славой Бутусовым и Димой Умецким, кумирами молодежи, лидерами рок-группы, признанной лучшей среди себе подобных в 1988 году, «Наутилус Помпилиус». Но, увы, «кина не будет»: «Наутилуса» в прежнем виде уже нет, скоро исчезнет и само название.

Когда в период бешеной популярности группы по Союзу прокатилась туча самозванных «наутилусов», Бутусов, Умецкий и их товарищи решили запатентовать свое имя, зарегистрировавшись творческим коллективом при НТМ «Эврика» в Москве. На «Ленфильме» же «Наутилус» сколотил команду для рождения киношедевра. На взятые в кредит деньги всю шла запись музыки на аппаратуре, купленной «Эврикой». Проект рухнул в один день, в момент гибели творческой дружбы Димы и Славы. Распрощавшись с ленинградскими надеждами и с Бутусовым, Умецкий возвратился в столицу. Однако съемки, декорации, двухэтажный дом для рок-кино-«звезд», машина к подъезду успели прог-

фото Н. Васильевой

лотить нешуточную сумму. Группа без Димы рванула отрабатывать кредит концертами по стране и за рубежом. Под старым именем, но далеко без прежнего фурора... В мае НТМ «Эврика» лишь с помощью милиции изъяла у «Наутилуса» свою аппаратуру.

Обладая патентом на название группы, «Эврика» сегодня предъявила ей претензии за незаконное использование товарного знака. Московский ОБХСС передал «дело» в Ленинград, и серьезные судебные санкции, возможно, не за горами...

А Дима собрал вокруг себя единомышленников под скромным названием «Группа Умецкого». И занимается благотворительностью. Отдал записанный альбом воинам-интернационалистам, назначив всю выручку в их фонд. Уже берет заказы. Делает видеоклипы с ненавязчивой рекламой своего финансиста — хозрасчетной фирмы «Дэвид ПЭК». Недавно вернулся со съемок из Риги, где работал в «пустыне». Есть у Латвийской киностудии место на побережье для «пустынных» кадров. Пески, барханы знойные. С одного такого бархана пришло Диме падать и притом хохотать в камеру. Бархан попался самый жесткий. Чудом его миновала судьба инвалида. Но посмеялся со всеми. Удачливый, верно, этот бывший «наутилус» Умецкий, которого вы видите на снимке.

А. Е.

В гостях у «Васи»

В новом и шикарном зале ЦДРИ отметил свое 75-летие самый длинный из всех главных редакторов центральных изданий, бывший редактор журнала «Техника молодежи» и настоящий редактор будущего журнала «ЧП» («Чудеса и Приключения»), начинает выходить с нового года) Василий Дмитриевич Захарченко. Если кто-то не знает, не посвящен, что этот человек, действительно, «самый-самый», тому сообщим: во-первых, он спускался почти со всех гор в мире, будучи вице-президентом Федерации горнолыжного спорта СССР. Во-вторых, он крупнейший специалист по летающим тарелкам, бочонкам и вообще — неопознанным объектам. До сих пор ищет снежного человека. Он — вера и надежда всех экстрасенсов и изобретателей-новаторов.

За одним роскошным столом в ЦДРИ на банкете в честь 75-летнего че-

фото А. Кулешова

ловека по имени «Вася» объединились в теплой компании такие замечательные личности, как экс-чемпион мира по шахматам В. Смыслов, академик И. Петрянов-Соколов, профессор-ларинголог М. Полунов, заслуженный штурман полярной авиации В. Аккуратов, Герой Советского Союза летчик-испытатель В. Колошенко, мастер психологического опыта Ю. Горный — кто с женами, кто без жен. Как

всегда с опозданием, но пришел, оторвался от подготовки очередного грандиозного события в жизни страны — своей выставки в Ленинграде — любимый художник юбиляра Илья Глазунов. Очень спешил улететь на воздушном шаре вместе с американским астрономом Владимир Джанибеков, потому и «приземлился» за белую скатерть оперативно, и «стартовал», не дождав-шись общего шапочного

разбора.

Стол был, как в лучших домах, однако никто из гостей не терял координации. Да и оркестр звучал скорее фоном: гости долго говорили, совсем не танцевали. Слишком много разных громких слов понадобилось для выражения трепетных чувств к такому разностороннему и многоодаренному имениннику, как Василий Захарченко.

Шварценеггер против Сталлоне

В Голливуде идет «битва великанов» — двух мускулистых «звезд»: Арнольда Шварценеггера (объем бицепса 55 сантиметров) и Сильвестра Сталлоне (44 сантиметра). Правда, это пока лишь словесная баталия: Шварценеггер нападает, а Америка слушает, читает и хохочет.

Все началось с журнала для мужчин «Джентльмен Квотерли». Корреспондент этого издания задал Шварценеггеру вопрос о различии между ним и Сталлоне.

— Я тренируюсь и играю с большим увле-

чением и одновременно получаю от этого наслаждение, — ответил Арнольд. — Но отношусь к своим занятиям без чрезмерной серьезности, в отличие от Сталлоне. Если вы обмолвитесь, что поднимаете вес 60 килограммов, он обязательно заявит, что поднимает 65. Таков Сильвестр во всем: и в манере одеваться, и в тех усилиях, которые он затрачивает, чтобы вступить в какое-нибудь престижное благотворительное общество. Он — прототип своего героя Рокки.

Выпад Шварценеггера застал Сталлоне врас-

плох. Он позвонил Арни и со злостью сказал, что только благодаря ему, Сталлоне, этот австрийский верзила смог сделать карьеру актера. Если бы Сталлоне не ввел в кинематограф свой воинственный стиль, Шварц никогда бы не достиг того, что имеет теперь.

— Места на экране хватит обоим, так зачем же втыкать мне нож в спину? — возмутился Сильвестр.

Но на этом дело не закончилось. Журналист «Плейбоя» опрометчиво назвал Сталлоне «товарищем и соратником Шварценеггера по филь-

мам», что очень оскорбило Арнольда.

— Он мне не товарищ! Я сделал все возможное, чтобы подружиться с этим человеком, но он отменял все мои попытки. То, что Сильвестр — кинозвезда, вовсе не означает, что он всегда прав.

(ИМА-пресс — по материалам израильской газеты «Эхо»)

Анатолий
РУБИНОВ

ШИКАРНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Ч асам к двенадцати ночи, когда в Европе еще только десять вечера, в ресторанах международного торгового центра самый разгар жизни. Нет женских, нет мужских столов, нет одиноких женщин, нет заброшенных, нерешительных мужчин. В двенадцать часов ночи официанты набирают высшие скорости, поднося то бутылку, то лед, то ананасы, то икру черную, красную, севрюжий бочок, то большую вазу с фруктами, то крохотные ковшички с длинной ручкой — запеченный «жульен». Где-то падает со звоном хрустальный бокал, как чисто взятая нота «ля», — но никакой жалости к нему: веселый смех высоких и низких голосов.

Столы постепенно пустеют. Наполнялся зал по одному человеку, пустеет по двое. По трое. По четыре...

Но случаются и неожиданности. Бывает, что женщины остаются в своем кругу, не разобранные мужчинами, и не видят приглашающих знаков, не слышат приветственных голосов. Такое бывает редко, когда происходит внезапная встреча давних подруг...

Из Франции приехала шикарная дама с невероятным количеством драгоценностей на пальцах, шее и в ушах. Она говорила, естественно, исключительно по-французски, но знала в международном центре торговли все до тонкостей. Где вход в дом, где гардероб, где туалет.

Она шла по внутреннему двору, который живет под лучами незаходящего солнца, как человек бывалый, не глядя по сторонам, и всегда самым кратким путем. Француженка не глядела ни на мужчин, ни на обслуживающий персонал. Она кого-то умело искала и знала, где найти.

Она нашла. Двух одиноких женщин, независимых и гордых, ценящих больше всего на свете жизнь и никуда не торопящихся. И вдруг все трое вскрикнули, заговорили по-русски:

— Машка! Нюрка! Катька!

Надо было видеть, как они лобызались, — так не целуются даже близкие родственники. Они целовались тоже умело — в те места, где нельзя потревожить косметику. Третья дама была иностранка. У нее в сумочке лежал французский паспорт. Но приехала она на родину, по которой сильно соскучилась. Кто бы мог поверить, что она вернулась на родину ради подруг — чтобы рассказать и спросить.

фото Д. Шелелева

Катрин из Франции очень хотелось рассказать, как она живет, — вила в предместье Парижа, горничные, экономка, приемы летом на лужайке, гувернантка для дочери, кормилица для маленького, короткие поездки на уик-энд на Майорку...

Счастье Катрин зачалось на этом дворе. Под этим искусственным солнцем она встретила своего суженого. О, нет, она его не обманывала — супруг знал, что у нее за профессия. Женщину на Западе ценят как женщи-

ну, а не по профессии, а Катрин была очень хорошая женщина. Это только в Союзе могут насмешничать над человеком, который кончил ПТУ с кулинарным уклоном, — как раз кулинария и пригодились. Хотя все-таки не это было главным. Но о главном муж Катрин узнал еще в Союзе и оценил по достоинству.

Со своими друзьями Катрин была искренна. Она и приехала для того, чтобы кому-нибудь открыться. Во Франции не оказалось ни одной души,

которая бы ее поняла. Конечно, можно было бы слетать в Мангейм к Тоске, но, кто ее знает, может, она стала такая фрау, что к ней и на грязной козе не подъедешь. Да-да, иные девчонки теперь из себя таких недотрог строят, стали миссис и сеньоры, как будто не начинали с...

И Катрин рассказала, что скучает. Живет хорошо, о деньгах не думает, об удовольствиях тоже. Но вот — скучно. Скучно целый день из себя воображать. Не поговорить по-русски, словом не перемолвиться. Едва дождалась визы — муж какое-то соглашение заключает, очень выгодное для Союза, но заупрямился: поеду только с женой. Не подумайте, что боится ее оставить. Одно только слово — Франция, а настоящих мужчин там что-то не встретилось.

А девчонки ей рассказали, каковы их дела. Здесь не раскочуешься. Майора Колесникова, говорят, заграбастали. Совсем совесть потерял. В выходной, когда не в форме, вышел на улицу в тенниске с крокодильчиком, а на брюках «штатский» (соединенно-штатский) ремень. Умора! Уж девчонки знают, какие ремни у «штатских» мужчин, — разве что в «Березке» купил. Было с чего купить — по двадцать долларов заставлял отстегивать. Катрин спросила про Зарубина, что-то она его сегодня не увидела. Вот его она никогда в жизни не забудет — первый раз пустил бесплатно, поверил на слово. И потом не всякий раз требовал «входное»: когда было — давала, но уже «выходное». Если заработала, то давала. Хороший человек...

И еще новости: заграничные стали конкурировать. Сообразили, что в Москве с этим делом лучше всего. Понимаешь, приезжает секретарша, днем ходит за ним с блокнотом и карандашиком, улыбается направо, налево, а вечером — в ресторан плюхается. Стараются отдельно от хозяйки. Ей легко — на трех языках стрекочет. Но мужики тоже не дураки — не хотят со своим делом иметь. Не только оттого, что они в Лондоне или в каком-нибудь Бонне могут со своим клиентом повстречаться. Это тоже неприятно. А главное другое: холодные они, девчонки. Все-таки холодные. Мне все говорили: холодные. И расчетливые. Ничего своего не упустят. А чтобы вот просто повеселиться, дать жару, показать себя как женщину — этого у них нет.

Катрин соглашалась, светски кивала головой, и за соседними столиками казалось, что дамы говорят о чем-то очень злободневном — например, о туалетах, о ценах на нефть, о положении на нью-йоркской бирже... Все пришли к единодушному выводу, что советские проститутки — лучшие в мире.

Хороши собой. Знают свое дело. Умеют поддержать разговор, понимают мужчину. Никогда о нем плохо не говорят, принимают его таким, какой он есть, — в самом деле, не передаться же ему! И хорошо образован-

ны. Про политику могут говорить, про перестройку, про гласность. И все правильно скажут, не во вред стране, хотя они и проститутки.

А страна, между тем, их не ценит: гонять стали пуше прежнего. И раньше много бед было. С швейцаром, с Колесниковым и с его сослуживцами все-таки совладать можно было — дашь бумажку-другую, они и уймется. Хуже было возвращаться. На чем ехать, как добираться до дому, если тебя выпустили среди ночи. Остается одно: такси. Да и как без такси: так устанешь, так вымотаешь, что еле бредешь. А тут таксист с разговорчиками своими, все намекает, все ему расскажи. И еще угрожает: если не дашь валюткой, в милицию свезу, скажу, что с иностранцами путалась, тебя обыщут и найдут деньги. Приходится откупаться валютой. А не откупишься, в самом деле напакостничает: завезет куда-нибудь, остановится, будто бы машина сломалась, а тут его дружки — заранее сговорились — нападут, все заберут и чуть не разденут. Сколько путанок ограбили!..

Между собой долларовые проститутки называют себя путанками. Иностранным словом с русской формой. Когда долларовые проститутки говорят о своих трудностях, они всегда называют себя путанками.

Не так страшен путанке милиционер или колесниковы — страшен венеролог. Хорошо, если добрый человек. Путанок дружинники с милицией хватают около выхода и — на улицу Радио. Там у них пункт проверки. Там во все места заглядывают. Хороший венеролог посмотрит и посмеется, еще и пошутит насчет, например, заграничного белья или солоно пошутит. А начнешь собачиться, живо отомстит. Старый венеролог, которому женщины уже надоели, может придаться — оставит у себя, в больницу отправит, чтобы кровь на анализы взять. Но бывает еще хуже. Вдруг скажет: смотрите, у нее в волосах вши!

Это у меня-то вши?! Да я американской шампунью моюсь, немецкую пенную ванну каждый день принимаю! Я на работу иду вся ароматная, а он — вши!

И прикажет обрить. И даже голову. Куда после этого пойдешь? Чем будешь соблазнять? Жди, пока отрасли. Тонька-Дылда три месяца ждала, пока отрасли, потом прическу под мальчишка сделала, а тогда как раз была мода на длинные волосы. За три месяца все проела. Детей нечем было кормить.

У многих путанок есть дети. Они их воспитывают в строгости и любви к прекрасному. Нанимают интеллигентных старушек, чтобы учили их языкам и вместе делали уроки. Дети путанок очень хорошо успевают уже в младших классах. Бывают на концертах, на хороших спектаклях. В Большой театр на балет кто может билет достать? Одни дипломаты да бизнесмены. И путанки через них. Вот и ходят на лучшие спектакли дети путанок — благородные, образованные, сzyma-

ла знающие языки и манеры.

Путанки убеждены, что весь свет завидует им. Проехать в метро нельзя — все сразу замечают их красоту и туалеты. Старухи пялят на них глаза, а дурнушки в платьях, купленных в Мосторге, отворачиваются — показывают, дурочки, что презирают. Бог с ними, с этим простонародьем. Плохо, что завидуют милиционеры. Поймают спозаранку выходящую из гостиничного номера проститутку, и, хоть окажется она чистенькой — сам венеролог внимательно осмотрел (ох, эти стареющие венерологи очень уж пристально осматривают!), — все равно передадут участковому уполномоченному: дескать, посмотри там, чем занимается в рабочее время. Вот и приходится утром домой участковый уполномоченный, в лицо смотрит, одежду рассматривает, от груди до шлепанцев, по стенам глазами водит, и видно, что завидует, вопросы задает:

— А где вы работаете?

— А я не работаю. Меня муж содержит. Разве должна такая красивая женщина работать?

Милиционер удивляется:

— Муж?

И проститутка паспорт показывает. Все честь по чести — законный супруг, фамилию дал, да вот и ребенок у нас с ним общий.

Все правильно, ничего не придумано: муж есть! И он обязательно москвич, потому как что толку иметь мужа, у которого прописка где-нибудь в провинции. Московские проститутки — это сборная красавица со всей страны. Как еще прописаться в Москве, если не с помощью замужества!

Этому простому парню и не снилась такая красавица. Когда она позволила ему поухаживать за собой, он онемел от счастья и тут же согласился на предложение, которое сделала она. Так и стал мужем, но спят врозь. Да и живут врозь. У этого рабочего малого комнатка в панельном доме, а ей жить в тесноте и где-нибудь на окраине просто невозможно. Работа трудная, поэтому дорога должна быть короткой, — все ночная работа. А утром надо хорошенько выспаться, пока дети в школе, расслабиться, посидеть перед зеркалом. Главное — хорошо выглядеть и хорошее настроение иметь: что это за проститутка, которая выглядит плохо и набрасывается на людей, оттого что злая?

Многие проститутки видят в своих детях свое собственное будущее. Дают им хорошее образование, специальность, чтобы на старости лет поддерживали. И с мужем лучше не ссориться. Можно даже иногда полежать с ним. Вот радуется! Вот удача у него! С какой красавицей переспал бесплатно!..

Но защиты у мужа искать не приходится, хоть он и законный. С участковым уполномоченным приходится враждовать постоянно.

— А почему бы вам не поступить на работу?

— Муж против. Хочет, чтобы дети

хорошо были воспитаны.

Милиционер усмехается, обидно так усмехается. Он-то знает, чем занимается мужава жена, но доказать не может. Пусть попробует только намекнуть — откровенно скажет, что клевета, напугает, что по судам затаскает за поношение. И еще добавит, что и милиционерова жена путается бог весть с кем, когда участковый шастает по квартирам, в которых живут красивые женщины. Но приказать молчать милиционеру никто не может. И он, к сожалению, не молчит: приходит в школу, намеками рассказывает о поведении родительницы. Незамужние старые учительницы немеют от такого сообщения, стараются близко не подходить к отпрыскам гулящей женщины, чтобы ненароком не набраться от них чего-нибудь дурного.

Милиционер намеком расскажет и соседям. Те выслушают очень охотно, а пенсионерки еще и добавляют сведений: то-то она видела, как соседка утром из такси вышла, к самому подъезду, бесстыдница, подъехала. Небось, с фабричной смены на такси не разъезжают, с утра фабричные работницы духами не пахнут, а на лицо-то посмотреть — сразу видно, чем всю ночь занималась... Старые женщины догадливы.

И вот в один несчастный день о тайных ночных занятиях проститутки узнают все: школьные учительницы, соседки и соседи. Об этом легко догадаться: сразу все начинают глядеть на тебя по-новому, особенно мужчины, — провожают завистливым взглядом, так и чувствуешь, что он тебя мысленно раздевает, и ненавидят. Знает, гад, что ему не достанется. Где у него доллары?

Ничего не поделаешь: нужно срочно съезжать. Приходится искать квартиру подальше от прежней. Долго не торгуются — была бы квартира не на окраине да удобная, а главное, подальше от предвдушей.

И в самом деле, никакая уважающая себя путанка не станет путаться с соотечественником. Некоторые грузины любят поделаться под итальянцев, под испанцев — усатые, бормочут что-то на своем языке, да и живут в гостиницах для иностранцев. Как это им удастся? Одному только богу известно. Но вот поселяются там, и живут, и карточку гостя при входе показывают, и в ресторане расслаивают. Даже официанты попадаются:

— Парле ву франсе? Шпрехен зи дойч? Ду ю спик инглиш?

А он тебе на русском с кахетинским произношением:

— Давай, дорогой, говори по-русски. Я понимаю.

А Светланка-Подошва купилась! Посидела немного, натрескалась, потом в номер пошла. Хозяин честь по чести расплатился, и Подошва ахнула — две красненькие десятки. Крик подняла в номере — дескать, за что боролись? Хорошо, недолго продержал. Вернулась Подошва в ресторан, путанкам две десятки показывает — смея-

лись они все, друг другу рассказывали, подружкам, уже присевшим за чужие столы, новость сообщали, и те покатывались со смеху, но своим иностранцам все-таки не говорили.

Все путанки строго следят за подружками, чтобы они с соотечественниками не яхсались. Дело не в патриотизме — от соотечественника можно кое-что подхватить, что будет передано за неделю всем. Все проститутки и все нанимающие их иностранцы, в конце концов, одна семья. Нужно следить, чтобы никакой нечистоты в ней не возникало — мигом перезарядятся все. Если соблюдать это правило, никакого венеролога бояться нечего — он может быть страшен только угрозой стрижки наголо, но не болезнями.

Иностранцы это, наверное, знают, потому они так доверяются советским путанкам. И вообще они их действительно ценят. У путанок самое современное мышление — они за мир, они за развитие деловых связей, за усиление международных контактов. Это так понятно: чем больше контактов, тем сильнее экономические связи; чем больше связей, тем больше половых актов.

Путанки приветствуют каждое международное совещание, каждый государственный визит. После них прибивают новые бизнесмены, сначала они небогаты и довольно робки. Не надо пренебрегать ими только по этой причине. Они на глазах богатеют и очень ценят внимание, которое было проявлено к ним, когда они его не вполне заслуживали. Чем богаче становятся бизнесмены, тем больше берегут себя и, отправляясь в Москву, ищут, глядя по сторонам, прежних своих знакомых и радуются встрече, как мальчики.

Когда появился СПИД, привязанность к старым знакомым усилилась: в самом деле, вполне достаточно иметь только две семьи — одну дома, с женой законной, но надоевшей, другую — в Москве, с женщиной прекрасной, политически подготовленной, образованной. И профессиональной... А в Москве СПИДа, по слухам, меньше всего. Вот и по этой причине советские проститутки лучшие в мире...

Вместе с появлением СПИДа сильно возросло доверие к московским путанкам. Приезжие мужчины передают телефоны и адреса своих знакомых в Москве. Одна беда: адреса у путанок непостоянные, а телефоны имеют не все. Потому приходится путанкам самим звонить, тратиться лишнего на междугородные разговоры. Но телефон в любви — вещь незаменимая. Никакое другое изобретение человечества не способствовало так счастью, как разговор по проводам, как бы ни велико было расстояние между говорящими.

Ах, та статья в газете «Московский комсомолец»! Ничто так не осложняло жизнь, как гласность. Раньше, когда на цекотливые темы газеты не писали, существовал узкий, обозримый фронт борьбы: швейцар, Колесников

и его друзья, участковый уполномоченный, некоторые коварные таксисты... Все-таки можно было найти подход к каждому и бороться, и побеждать. После статьи о долларовых проститутках фронт расширился. Больше того, стало два фронта, один из них — внутренний. Он опасней внешнего. Почувявшие запах секса молодые дружинники нескоро, но все-таки отступили — поглазели, похватали, норовили прикоснуться то к спине, то к плечу — и все-таки отстали. Но открывшие для себя в газете промысел молодые красотки массами ринулись на Краснопресненскую набережную. Было смешно смотреть на них — молоденькие да несмышленные, не умеющие показать себя, они были одеты безвкусно, по прошлой модной моде, все куплено в Мосторге, все разноцветное, нескладное. Швейцары даже разговаривать с ними не желали — не то что отворять дверь. Желавшие стать проститутками девчонки стыли поодиночке на улице, мокли под дождем, мерзли, и казалось, что никто их не заметит, так серо выглядели они! Но кто бы думал, что мужчины так разочаруют!..

Они заметили серое облако, опутавшее торговый центр, проделали первые бреши в нем. Некоторые девчонки скоро стали появляться в заморских туалетах — ясно, где они должны их: конечно, в «Березке». Новички, к сожалению, отличались молодостью, хотя манеры были по-прежнему дурны. Несмышленные мужчины не понимают, что такое хорошие манеры. Старые путанки долго не признавали новое поколение, идущее им на смену, которое пока имело несколько преимуществ: молодость и свободу. Молоденькие проститутки еще не были замужем, не обзавелись детьми и могли позволять себе не возвращаться после ночи домой. Мужчины очень ценят женское постоянство. Эгоисты, они не хотят понимать, что у женщины есть дети, что они должны воспитывать их, доверяя боннам только частично. Мужчины не понимают и того, что они сами тоже стареют — склонны вечно менять своих подруг на более свежих...

А потом появилась еще одна статья. В другой газете. Написала ее рыжеватая дурнушка, но, надо сказать прямо, статная, с бойкими манерами. Очень она оказалась ловкая: примазалась к путанкам, ее сначала не боялись — приняли за свою, потому что не очень молодая, думали, что ленинградская или там ростовская, потому что одета была безвкусно, но богато. Кто бы мог тогда подумать, что это журналистка! Потом она открылась, сидела в комнате милиции, и к ней водили путанок одну за другой, и та напрямик расспрашивала, стыдила, что врут, потому что все высмотрела. И в газете рассказала все, как было. Призвала дополнить Уголовный кодекс статьей о проститутки.

Что тут началось... Проститутки стали считать! В газете «Московские

новости» тогдашний первый секретарь горкома партии сообщил итоги: сосчитано 1 200 проституток.

Путанки пугались и смеялись. Тысяча двести! — это во всей Москве-то? Скажи умному человеку такую цифру — смеяться будет. Да и где кончается слабая женщина и начинается выносливая? Да и какая сильная женщина устоит перед возможностью поговорить, провести вечерок с интересным мужчиной! Какой мужчина после этого не сделает подарок давшей ему счастье женщине? Значит, она торговала телом?

Если строго делить женщин на добродетельных и падших, то можно спать вместе только после свадьбы. А кто не знает, что даже на свадьбе большинство нынешних невест уже беременны? Кто не знает, что многие женщины с курорта возвращаются с подарками — туфельки или косыночка, духи или брошка? Чем это таким они заработали, оставаясь честными? И в конце концов, кто может определить, что такое проституция, то есть торговля телом?

Певица поет — зарабатывает деньги горлом. Балерина танцует — зарабатывает деньги ногами, руками, головой, шеей, глазами, то есть телом. Пианистка играет — зарабатывает деньги пальцами. И мужчина торгует телом. Грузчик зарабатывает деньги спиной и руками. Плотник вколачивает гвозди руками, писатель пишет руками. Наверное, кто-то работает и животом, нужно только подумать. Наверняка есть такие, кто зарабатывает животом. А что касается манекенщиц, то они вдвойне проститутки — проститутки и есть, а еще и торгуют публично хорошо одетым телом. И такие кренделя откровенно выписывают — и ногами, и бедрами, и животом. Очень тонкая эта граница между проституткой и так называемой порядочной женщиной. Но вот принят закон. Учел ли он все тонкости?..

Профессия проститутки требует храбрости, проститутки всегда борются. Отстаивают свои права перед клиентом, обороняются от милиции, обдают презрением общественное мнение. Бедные воительницы! Одни — против всего света. Они борются, отступают, уходят в подполье, но всегда потом выходят из него и — побеждают.

После сокрушительной статьи рыжеватой дурнушки путанки на короткое время перешли на нелегальное положение. Это был хитрый военный маневр, нужно было усыпить бдительность общественности и милиции, создать иллюзию успешности борьбы против порока. Вот когда обнаружилась сила коллектива единомышленников!

Сохранившие свое прежнее жилище и прежний номер телефона путанки рекомендовали своих надежных подруг. Нашлись просторные московские квартиры, отыскались превосходные дачи в недалеком Подмоскowie. Изменение домашней обстановки пошло на пользу промыслу. Он стал более изы-

сканным и разнообразным. И более раскованным — не надо было бояться дежурной по этажу. Ремесло стало даже более прибыльным — никакого оброка швейцару, Колесникову и дежурной горничной. Но главное — подпольная жизнь дала возможность наслаждаться мщением. Опустел ресторан «Континенталь» и прочие, снизился доход прекрасных ларьков и киосков, торгующих питьем и гжелью, радиотехникой и павлово-посадскими платками, икрой и матрешками. Метротретели все глаза высмотрели, стройные официанты расплнели от безделья, на прекрасные ларьки надвигалось разорение.

Это все из-за хитрых путанок, которые знают, как наказывать тех, кто относится к ним без уважения. Они мечтали, конечно, о большем — вообще о полном кризисе Центра международной торговли, еще о большем — о крахе валютной системы вообще и магазинов «Березка» в частности...

Когда пишутся эти строки, кризис продолжается и усиливается, хотя полного краха все-таки не предвидится. И это так понятно. Всякий подпольный бизнес обречен из-за того, что снижается деловая активность. И правда, клиентов становится все мень-

ше, связи постепенно обрываются. Только одна мера может спасти путанок, их ремесло и тесно связанное с ним процветание дома на Краснопресненской набережной: выход из застоя, возвращение прежней активной, захватывающе увлекательной жизни, которая дарит наслаждение одним, прибивь другим, а третьим — и наслаждение, и прибыль.

Та рыжая корреспондентка, говорят, получила за свое предательство журналистскую премию. Говорят даже, что публично хвасталась: это, дескать, благодаря мне ввели статью и вообще покончат с проституцией навечно.

Ой ли? Видать, та рыжая сексотка ничего не разумеет в человеческом естестве. Какая самая древняя профессия? Надо отменить мужчин, отменить любовь и желания, и тогда, только тогда можно покончить с напрасно презираемым горизонтальным ремеслом.

Можно представить себе жизнь, когда ни у кого не будет никаких грешных желаний... И радостей, и счастья... Кому это нужно?

Представительницы древней профессии всегда отличались от прочих женщин оптимизмом и жизнелюбием. Они унывают недолго.

Фото
Б. Кремера

ПОСЛЕ СТЕНЫ

Трудно поверить, что под этими фресками та самая Стена. Серая, казавшаяся бесконечной, как эпоха «смертельной любви» Хонеккера и Брежнева, слитых в поцелуе. Теперь это выглядит чудовищно смешным.

Художники, разрисовавшие железобетон, приехали из державы, чье господство простиралось от Великой Китайской стены до не менее великой Берлинской.

Их деды брали Берлин, били прямой наводкой по рейхстагу, тогда казавшемуся мрачной цитаделью зла.

Их отцы возводили Стену. Казалось, таким радикальным способом можно отгородиться от остального мира. И все же в этой затее было что-то от дикой азиатчины.

Они первыми из советских людей разрушили если не Стену, то хотя бы представление о ней, как о чем-то неприступном.

Вы видите на снимках — что ныне осталось от этого фортификационного и одновременно идеологического сооружения, вселявшего ужас и отвращение всем, кто когда-либо находился в Берлине с восточной его стороны.

Долгие годы Стена с востока сохраняла свою идеологическую чистоту, в то время как с запада она была разрисована сверху донизу. По-моему, именно здесь зародился и расцвел стиль «графити» — настенные росписи, сделанные распылителем. Баллончики с краской были раньше единственным оружием против Стены.

Теперь на брандмауэре здания, где находится музей Берлинской стены (есть и такой), Дмитрий Врубель скопировал одну из своих работ. Несчастные русские старухи смотрят в сторону восточного Берлина на шикарную, сверкающую новенькими витринами Фридрихштрассе. Гигантскую картину венчает саркастическая надпись, полная скрытого трагизма: «Я завидую вам, немцы».

Дмитрий Врубель — один из четырех советских художников, участвовавших в росписи Берлинской стены. Это была международная акция, в результате которой возникла самая боль-

шая в мире галерея под открытым небом.

Пожалуй, Врубель добился наибольшего успеха не только среди своих соотечественников, но и всех участников экспозиции. Его «Поцелуй диктаторов» и замечательный портрет Андрея Дмитриевича Сахарова, ставший наиболее выразительным памятником этому Человеку, попали в объективы ведущих телекомпаний мира. Фото этих работ облетели все крупнейшие западные издания.

Необычные, поражающие своей предельной откровенностью, вещи Врубеля действительно привлекают внимание. Сотни туристских автобусов останавливаются в эти дни рядом с «галереей» на Берлинской стене. То и дело щелкают затворы фотокамер.

А ведь когда-то здесь щелкали совсем другие затворы, приближаться к стене было небезопасно. Теперь туристы и просто прохожие подолгу рассматривают фрески, вглядываясь в загадочные символы Ирины Дубровской. Ее пробивающий стену

метеорит — это одновременно и спираль бесконечности. Некогда время остановилось. Стена стала преградой на его пути. Теперь, когда стена рухнула, снова возникла связь времен, искусственно прерванная кровная связь двух стран, которые населяет один народ.

Спасибо Андрею Дмитриевичу Сахарову. Он бился совсем в другую стену — кремлевскую. Он и его товарищи, бывшие диссиденты, нынешние парламентарии, открыли миру тяжелые створки кремлевских ворот. Правда, с внутренней стороны находится человек, который тоже приложил свои усилия. Теперь, докуривая на голодный желудок последние сигареты, мы стали об этом забывать.

Но если бы не кремлевский ветер — стоять Берлинской стене еще долгие годы. Об этом лучше других знает Теодор Тижик, изобразивший этот порыв, от которого даже согнулись кремлевские башни.

Жаль, что «Столица» не воспроизводит здесь творчество Алексея Таранина. Его работа,

похожая больше на комикс или иллюстрацию в детской книжке, контрастирует с остальными. В ней больше света и иронии. Веселые зайцы смотрят в окна, где виднеются Китайская, Кремлевская и Берлинская стены, а впридачу еще и обычный мирный забор, выкрашенный зеленой краской.

Стена должна рухнуть окончательно. Ее отсутствие и будет главным символом произошедших в мире, да и в умах людей перемен. Ведь эта стена возникла не только на земле, напоминая с одной стороны яркий гребень панка, каких много в Западном Берлине, а с другой — белое полотно пилы, раскрывшей череп. Стена располовинила сознание. Но мозг, как и мир, состоит из двух полушарий, отсутствие одного из них ведет к деградации, к маразму, которым мы все сыты по горло.

Символично, что в дни слияния обеих Германий именно советские художники приложили руку к уничтожению мрачного символа мрачных времен.

Андрей АМЛИНСКИЙ

БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА БЕРЛИНСКАЯ

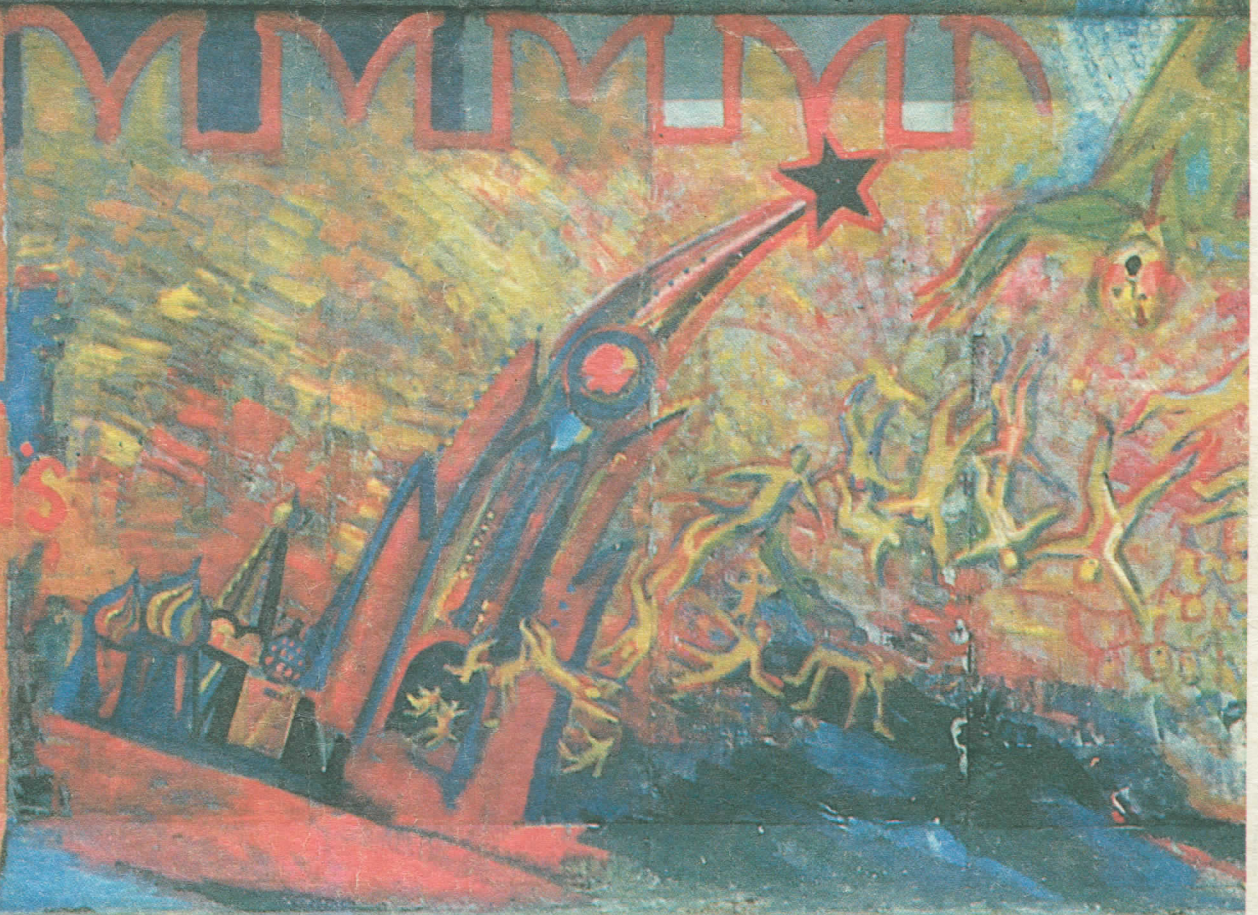
DIAGONAL
LÖSUNG
DES
PROBLEMS

Künstelexentur
- Gropowsky -
BERLIN 1051, PSF 29

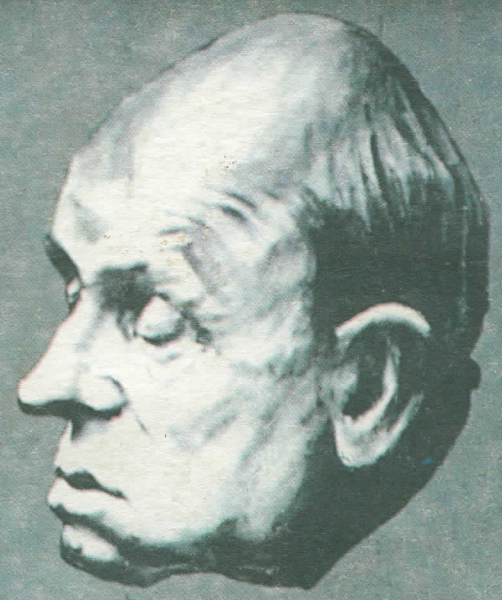

THE BIG
KREMLIN'S
WIND

THEODOR CH. TEZHIK
MOSCOW TEL. 4578487
BERLIN 3753504
KUNSTLERAGENTUR

БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА

DANKE, ANDREJ SACHAROV